Пионерский салют X Всемирному фестивалю *

X Всемирный фестиваль молодежи и студентов · За антиимпериалистическую солидарность · мир и дружбу · 1973 г. в Берлине, столице ГДР

WORLD YOUTH FESTIVAL
WFDY
PRAHA 1947

VILÁGIFJÚSÁGI · TALÁLKOZÓ · 1949 ·
DIVSZ

III. WELTFESTSPIELE · DER · JUGEND · UND · STUDENTEN · FÜR · DEN · FRIEDEN
BERLIN 1951

AL IV-LEA FESTIVAL MONDIAL AL TINERETULUI ŞI STUDENŢILOR PENTRU PACE ŞI PRIETENIE · BUCUREŞTI 1953

V-TH WORLD FESTIVAL OF YOUTH AND STUDENTS FOR PEACE AND FRIENDSHIP
WARSAW 1955

ВСЕМИРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ · МОСКВА 1957 ·
За мир и дружбу

VII. WELTFESTSPIELE DER JUGEND UND STUDENTEN · WIEN 1959 ·
FÜR FRIEDEN UND FREUNDSCHAFT

VIII MAAILMAN NUORISON JA YLIOPPILASNUORTEN RAUHAN JA YSTÄVYYDEN FESTIVAALI
HELSINKI 1962

IX СВЕТОВЕН ФЕСТИВАЛ НА МЛАДЕЖТА И СТУДЕНТИТЕ · СОФИЯ 1968 ·
За солидарност мир и дружба

ПИОНЕР 8

АВГУСТ • 1973 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МОЙ ДРУГ ИЗ ГДР

В Берлине идет X Всемирный фестиваль. Со всех концов земного шара приехала на фестиваль молодежь. И у тебя в лагере — фестивальный праздник. Ты много готовился к нему: читал, рисовал, придумывал, и, судя по твоим письмам в редакцию, очень помогла тебе викторина «ГДР — страна фестиваля».

Самым любимым вопросом викторины оказался вопрос «Есть ли у тебя друг в Германской Демократической республике?». Ребята так интересно рассказали о своих друзьях, что несколько рассказов мы решили напечатать в журнале.

Цветы для Фрица Вайнека

При школе у нас есть оранжерея. Мы выращиваем в ней гвоздики. Раз в год, в марте, когда на улице еще холодно и кругом лежит снег, мы срезаем самые красивые, самые выносливые цветы и заботливо их упаковываем. Самолетом отправляем наши букеты в город Рослебен, в ГДР.

В Рослебене, в округе Галле, живут наши друзья — ребята из школы имени Фрица Вайнека. Юный трубач Фриц Вайнек родом из Галле.

Эрнст Тельман в 1925 году выступал в Галле на митинге. Неожиданно ворвались жандармы. Жандармский лейтенант приказал всем разойтись. В ответ на возмущенные крики лейтенант выстрелил. Началась паника, люди бросились к выходу. И тогда Фриц Вайнек, маленький трубач из оркестра, поднес к губам свою трубу и протрубил боевой сигнал. В этот момент его настигла пуля жандарма.

Каждый год 26 марта, в день рождения Фрица Вайнека, ребята из Рослебена кладут на его могилу наши цветы.

Клуб интернациональной дружбы школы № 12,

г. Дзержинск, Горьковская обл.

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

АВГУСТ 8

Издательство «Правда»

Москва 1973 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

Капитаны

Я послал письма в Берлин, Росток и Дрезден и теперь все время жду ответа. Я надеюсь, что в ГДР у меня найдется друг-единомышленник, которому, как и мне, тринадцать лет и который, как и я, мечтает после школы поступить в морское училище. Может быть, мы с ним договоримся учиться в одном и том же училище. Мы вместе разработаем план исследования морей и океанов. А когда станем капитанами, попросим наши правительства, чтобы нам разрешили плавать под дубль-флагом: ГДР и СССР. Когда я буду дежурить, корабль будет плавать под флагом СССР, а когда он,— поднимется флаг ГДР.

Будем выполнять научные работы и вместе публиковать статьи о наших открытиях. Научимся хорошо говорить на немецком, русском, английском и других языках, нужных в морском деле. У меня есть книга «Флаги государств мира», мы эту книгу внимательно изучим, чтобы знать, с какими кораблями мы встретимся в морском плавании.

На нашем корабле обязательно будут юнги: пионеры-тельмановцы и пионеры-ленинцы. Мы им во всем будем помогать.

Валя СОЛОВЬЕВ, г. Москва.

Данио рэрио

Оттого, что я раньше плохо знал немецкий язык, все мои письма Дитеру были похожи одно на другое: «Я учусь хорошо. А ты?» У Дитера, наверное, была та же история с русским.

Но вот мне удалось достать данио рэрио. Дело в том, что я развожу рыб в аквариумах. Это — мое самое любимое занятие. У меня есть шубункины с оранжевыми хвостами, разноцветные вуалехвосты, много маленьких гуппи, а вот данио рэрио не было.

Конечно, я побежал сразу рассказывать об этом ребятам. Но в классе у нас никто рыб не разводит. Марки собирают, хомяков выращивают, а вот рыб — нет. Вернулся я домой, взял самый большой русско-немецкий словарь и написал Дитеру.

И вдруг приходит письмо. Оказывается, Дитер тоже разводит рыб. И даже из-за них забывает обо всем на свете. Однажды высыпал в чайник вместо чая полный пакетик корма для рыб... Аквариумов у него целых четыре.

Теперь я пишу письма в Айбенсток чуть ли не два раза в неделю. По нескольку страниц. И от Дитера получаю такие же. Больше всех довольна наша учительница немецкого языка: по этому предмету у меня всегда «отлично».

Саша АКСЕНОВ. Сосновый Бор, Ленинградская обл.

Продолжение на странице 40.

ХВАЛА ГИМНАСТЕРКЕ

Эдуард КОРПАЧЕВ

ПОВЕСТЬ

Окончание

Началось все на вечерней поверке!..

В моем отделении пропал юнармеец Ленька Фещенко!

Я так и доложил командиру взвода сержанту Грицевичу, сержант Грицевич доложил начальнику лагеря капитану Чемезу.

А сразу же после вечерней поверки сержант вызвал меня в казарменный свой домик и строжайшим голосом потребовал:

— Разыскать юнармейца Фещенко. И через двадцать минут доложить.

На север, на юг, в лес и на опушку леса, на знакомые тропы и даже в сторону военного городка — всюду разлетелись мои ребята, чтобы обшарить местность, разыскать Леньку и в срок вернуться в лагерь.

Через двадцать минут гонцы возвратились в лагерь. Но нигде никто не обнаружил пропавшего Леньку Фещенко, никто не напал на его след.

С таким докладом я и вошел вновь к сержанту и увидел там капитана Чемеза — человека с усталым лицом. Был у капитана такой вид, точно он только что вышел из темного кинотеатра на свет и щурится, щурится. Да еще бледное лицо и как будто сконфуженный вид. Мне казалось, когда я глядел на капитана Чемеза, что он недоволен своим положением командира какой-то детской армии.

— Что будем делать, старший юнармеец? — взыскательно посмотрел на меня сержант.

— Будем ждать, товарищ сержант,— невпопад отвечал я.

— Может, юнармеец Фещенко жаловался на что-либо?

— Никаких жалоб, товарищ сержант. А только...— И тут я припомнил необычное Ленькино поведение, замкнутость его, странную молчаливость,— только он был сегодня другой. Как будто подменили...

— Хороши дела! — раздраженно сказал сержант.— Командир отделения не знает, чем дышат его подчиненные. Хороши, хороши дела! И это накануне главных учений!

Нет, не выговор, не резкие слова сержанта более всего вогнали меня в стыд, а тот мерцающий, виноватый как будто взгляд капитана Чемеза. Я готов был... Я готов был прочь бежать, в свой город бежать, нестись!

И как только пришла эта случайная глупая мысль бежать со стыда в город, меня потрясла другая мысль: это Ленька Фещенко мог бежать туда!.. Ну да, недаром он так пристрастно расспрашивал меня о городе, об улицах, о девчонках...

— Думаю, он мог в город...

— Как это в город? — возмущенно спросил сержант.

— Все может быть. Фещенко—человек отчаянный...

— Но смысл, смысл какой? И так через два-три дня вы там будете. Какой же смысл? Накануне главных учений! — И сержант даже стукнул кулаком по тумбочке.

— Я и сам не знаю, товарищ сержант. Но он мог в город...

Теперь, вспоминая все события после моего возвращения из города, послеполуденные разговоры и события, я все более склонялся к тому, что Ленька Фещенко затеял лихой ночной поход, и такая злость меня взяла, что казалось: будь сейчас Ленька Фещенко рядом, я бы ударил его!

Труба сыграла отбой. Сержант, все такой же недовольный, мотнул головой, предлагая мне удалиться, тоже отойти ко сну. Я вышел из командирского домика с чувством поруганной чести. Да, я командир отделения и должен отвечать за своих ребят, на мне вина.

Должно быть, крепко спали ребята, никакого шепота, никакого бормотания спросонья, только мне было не до сна.

Вдруг распахнулся полог просторной нашей палатки, послышался знакомый голос, сипловатый и совсем негромкий:

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

— Караульный Стасюта. Товарищ старший юнармеец, срочно просят к сержанту.

— Что там нового? — всполошился я и тут же подался прочь из палатки, потому что лег не раздеваясь, в ожидании непременного какого-то ночного военного совета.

— Да все из-за Леньки! — проворчал Тима.

Все четыре сержанта, все старшие юнармейцы и постоянно щурившийся капитан, словно ожидали меня в командирском домике и посмотрели, как мне померещилось, с осуждением.

— Так вы, старший юнармеец Коженец, думаете, он мог в город? А какие доводы? — сразу спросил сержант Грицевич.

Действительно, какие у меня имелись доводы?

Я снова вспомнил лицо приятеля во время моего рассказа, вспомнил эту мгновенную отчужденность его, замкнутость. Я рассудил теперь, что горячий, безалаберный Ленька Фещенко наверняка хотел появиться в городе, перед родными да знакомыми в армейской форме.

— Так ведь армейскую форму никто не будет взыскивать после вашей службы. Берите на память. Все уже и так бывшее в употреблении, да к тому же перешитое, укороченное...— Сержант определенно осуждал меня, а не беглеца Леньку.

Труба сыграла отбой.

— Вот этого Фещенко и не знает! — воскликнул я, сам приятно удивленный такой вестью.

Смолк, отвел в сторону глаза сержант Грицевич, насупленными выглядели старшие юнармейцы. Наступила тишина, нарушаемая лишь комариным звоном.

Но вот то, что безмолвно решалось всеми, облеклось в одно-единственное слово, которое буднично, без командирской строгости, произнес самый главный наш командир капитан Чемез:

— Тревога!

Тревога пока была для нас — для тех, кто слышал приказ командира, но уже через минуту сигнал тревоги должен поднять с коек всех до одного.

И мы, старшие юнармейцы, вытянулись, готовые тут же исполнять приказ.

— Машины пойдут по всем направлениям,—распорядился капитан.—Первый взвод—на Печевичи, второй и третий—по большакам, четвертый — в сторону города. В лагере оставить только охрану.

Как озарился лагерный плац от громыхания и яркого пламени взрывпакетов, как молниеносно подняла всех на ноги и выстроила повзводно эта ночная тревога! Какие необычные, обеспокоенные были у всех лица в ярком, жутковатом освещении как бы огромных костров, как все внимали негромкому, но очень внятному в ночи голосу капитана Чемеза: разыскать юнармейца Фещенко, перекрыть все пути, задержать и вернуть в лагерь!

Затем, когда сидел я рядом с водителем удобной военной машины, взрослым водителем, солдатом и косился виновато на него, когда я хорошо видел в сильном дальнобойном свете фар лесную дорогу и казавшиеся в ночи гигантскими озаренные светом фар деревья, то представлял, что не одна машина летит вот так сквозь тьму, что много их на всех направлениях от лагеря, несущихся в ночи и ровно гудящих моторами.

Представляя сейчас, как Ленька Фещенко без особых уловок обошел лагерные посты и скрылся в темени, я твердо уяснил себе, что все равно не удалось Леньке добраться до города и что мы должны останавливаться всюду, где только горит в хатах свет, и расспрашивать.

Такого мнения был и сержант Грицевич, сидевший сейчас в кабине бегущей впереди машины. Иначе не сигналила бы та, головная машина всем остальным, едва определялись по обе стороны дороги хаты, иначе не рассыпались бы мы все по деревне и не стучали бы в каждое жилье, нарываясь на свирепый лай, на раздраженные голоса и крики разбуженных людей, выслушивали мямлей, крикунов, говорунов, насмешников и, ничего не добившись, вновь рассаживались по машинам. А деревня, которую мы разбудили, перекликалась ночными, всполошенными голосами, белорусским, родным таким говорком.

Машины трогались с места, оставляли в стороне деревенские огни, распугивали тьму. Едва подбрасывало машину, едва опадал книзу свет фар, как наседала тьма над небольшим озером света. А стоило выкатить машине на бугор — и тут же тьма отпрянет, подастся ввысь!

А ночь была прекрасна! Только в начале августа и может быть щедрый такой звездопад, такая неисчислимая россыпь звезд на необитаемом небе, только в начале августа можно ежечасно видеть, как исчезают звезды, скользят в невообразимой своей дали и навсегда меркнут. А тут еще и на землю что-то падает, что-то шлепается оземь, и ты настораживаешься, а хозяин добродушно вздыхает:

— Яблоки это. Яблоки...

Только в августе все это: падают звезды, падают яблоки...

Да, так мы и ехали, останавливаясь как будто для того, чтобы полюбоваться августовским небом, и уже дорога подошла к предместью города, а поиски наши были напрасны. Но вот в одиноком домике дорожного мастера невысокий, молодой еще, но с полумесяцем лысинки человек сказал нам:

— Паренька ищете? Маленького солдатика? Да он здесь только что был! Он вот такого роста.— И человек быстро оглядел всех карими глазами, точно пересчитывая нас и выбирая кого-то.— Вы на лугу, на лугу поищите! — полетел вслед голос дорожного мастера.

Едва машина, в которой сидел сержант, сошла с обочины и высветила первый небольшой стог сена, мы круто рванули с места вперед по дороге, и я почти приник к смотровому стеклу, о которое бились изредка маленькие ночные бабочки.

И вот на асфальте шоссе я различил какую-то тень впереди, странную тень, метнувшуюся в сторону, прочь с дороги. И шофер тоже различил подозрительную тень, притормозил и свернул к лугу, повел машину по отаве, светом фар выхватывая уже не тень, а удаляющуюся фигурку.

Но где укрыться человеку, если все три наши удобные, маневренные машины уже оказались на лугу, уже осветили стога, уже отбросили похожие на горы тени этих стогов, уже поймали его в перекрестье мощных фар?

Может быть, все подумали, что человек станет убегать, метаться меж стогов, потому водители и погнали свои машины на сближение, все время держа человека, как цель, на свету. Но обнаруженный в ночи беглец не запутывал след, а просто побрел на дорогу.

На дороге, когда выскочили ребята из машин и окружили Леньку Фещенко, я остался сидеть, плотно привалясь к спинке сиденья, и видел, как ребята по приказу сержанта мгновенно разбежались по машинам и как сержант повел Леньку Фещенко и подтолкнул его к своей кабине.

Стремительно мчались мы назад! Уже не будили никого в деревеньках, не останавливались, мчались и мчались, так что ослепленные ночные бабочки все чаще попадали в плен ярких фар и улетучивались тут же.

А в лагере было светло: подъезжали на машинах юнармейцы из других взводов, подъезжали, конечно же, без определенных вестей, и потому горели фары и работали моторы машин, чтобы снова — если придется — тронуться в путь.

И лишь когда прибыли мы, стали глохнуть

моторы и меркнуть фары, стал пустеть лагерный плац.

Что мне оставаться в командирском домике? И без того досадно было, без того тревожила меня Ленькина участь. Тем более, что сержант Грицевич распорядился огрубевшим каким-то, словно бы простудным голосом:

— Ступайте, старший юнармеец Коженец.

И я пошел из командирского домика, так и не взглянув ни разу на Леньку. Но, что бы там ни было, я сочувствовал приятелю.

Ночь, прекрасная ночь августа была на исходе. Все еще можно было назвать ночью эти светлеющие потемки. Все еще звездным оставалось небо, но уже наступала во времени та грань, когда ночь обращается в рассвет.

Я послушал, уже лежа на койке, привычный гром ночных учений на близком отсюда полигоне и приготовился остаток августовской ночи думать о скверном происшествии, о незавидной участи моего приятеля, но внезапно уснул.

Назавтра, едва я очнулся от благополучного сна, первой моей мыслью было: что же с Ленькой Фещенко? И уж весь день только о нем и думалось.

Думалось и тогда, когда отправлялись мы на необычное задание, и потом думалось.

А задание и впрямь необычно: взвод наш разместился в крытых машинах, повезли нас куда-то в глубь леса и там, в чаще, приказали выгрузиться и с полным снаряжением двигаться по определенному азимуту.

Это очень должно пригодиться нам завтра в заключительной, прощальной боевой игре, и каждый понимал важность задания, каждый то и дело спрашивал у меня, правильно ли он рассчитывает путь по компасу, по карте. А сержант Грицевич нарочито не вмешивался в наши разговоры, чтобы мы сами определяли верный или ложный путь. Сержант даже шел позади, в некотором отдалении, сержант видел нас, и мне позарез нужно было, чтоб четвертый взвод не заплутал, не сбился.

А идти по азимуту не так-то просто! Напролом, через лес не полезешь. Весь исцарапаешься, обдерешься, изорвешь обмундирование. И вот забираешь вбок, минуя заросли ежевики или еловый густой подлесок, оказываешься на брусничной поляне, склоняешься над картой, над компасом с мигающей стрелкой, ждешь, пока она угомонится, и слышишь в тишине исходящего зноем дня журчащий голос невидимой птахи: ти-тить, ти-тить, ти-ти-ить!

Но как бы ни увлекала дорога, а все думалось о Леньке. Да и не только мне! Кто-то даже вполголоса спросил:

— Что с ним, с Ленькой, будет?

— Пока неизвестно! — отвечал я поспешно и сердито.

Незаживающая болячка — мысли о приятеле!

А Ленька сидит один в лагере и дожидается... Чего он там дожидается?..

Нет, если дружишь с человеком, то его беда становится твоею, ты сам воображаешь себя на его месте — и каешься и страдаешь. И как мучило сейчас неведение Леньку, так же мучило оно и меня, и я уже ловил удобный момент, чтобы переговорить с сержантом.

Но оказалось, сержант сам вызвал меня для разговора.

Это случилось под вечер, когда мы вернулись в лагерь.

— К гвардии сержанту! — строго доложил мне дневальный.

Я тут же, поправляя пилотку и одергивая на бегу гимнастерку, бросился к командирскому домику так, что дневальный едва поспевал за мной.

Я откозырял сержанту. И тут увидел у стены Леньку — все такого же воинственного, но слинявшего и казавшегося исхудавшим оттого, что гимнастерка без ремня болталась на нем, как пальтецо. И я удивился мысленно, какой все же несгибаемый мой приятель, какой воинственный! Казалось, Ленька никакой вины за собой не чувствовал и готов постоять за свою честь!

Сержант повелительно кивнул, чтобы я сел, и с укором посмотрел на меня: полюбуйся на своего подчиненного!

Краснея, покрываясь уже знакомым румянцем раздраженного человека и хорошея еще более от пятнавшего его свежее лицо румянца, сержант сдержанно обронил:

— Ведь это — дезертирство, юнармеец Фещенко. Самовольно отлучиться накануне главных учений...

— Да я не хотел! — стукнул себя в грудь кулаком Фещенко.— Это чтобы меня в дезертиры? Да я же армию люблю!

Сержант беспощадным взором судьи созерцал Леньку и этим беспощадным взором требовал молча и непреклонно от него раскаяния.

— Да я же дома хотел побывать! — искренне продолжал распоясанный, жалкий в эти минуты, хотя и по-прежнему воинственный Ленька.— Ну, показаться в этой форме перед матерью, понимаете?..

— Товарищ гвардии сержант! — Я хотел напомнить Грицевичу о прежних своих догадках, но Грицевич и глазом не повел в мою сторону.

— Поверить могу, а понять никак,— промолвил сержант.

— Я за одну ночь хотел побывать и вернуться. Увидеть мать и чтоб меня увидали... Нет, вы не подумайте, я никаких там яблок не собирался брать, я тут же утром и вернулся бы...

«Понимаете, товарищ гвардии сержант,— в унисон мысленно подхватывал я.— Он же не знал, что обмундирование останется при нем. Ну, пускай самовольная отлучка, пус-

кай он хотел покрасоваться перед матерью... А только сам же сказал, что любит армию! Да и я знаю, что это правда!»

Ах, зачем я рассказывал тогда о своей побывке в городе, о том, как мама моя выглядела сиротливой солдаткой, о том, как девчонки из нашей школы не узнали меня. Вот и расплата, вот и печально окончившаяся Ленькина сумасбродная затея!..

Грицевич все расхаживал, расхаживал, постукивая сапогами с непрочной, позвякивающей при ходьбе подковкой, он все испытывал наше терпение, этот сержант Грицевич. А когда затихли шаги его, когда замолкла звякающая подковка, мы услышали тихую речь сержанта. Я понял, как любит армию и строгий наш сержант.

— Вот мы служим в армии — строевая подготовка, тактические занятия, стрельба, марш-броски. Нелегкая служба, что и говорить. А только наши пилотки, наша форма, наши юнармейские нашивки — это не для форса. Люди помнят войну и когда видят солдат, они верят, что мы сохраним тишину. И не посрамим наши солдатские или офицерские погоны, не станем тщеславными оттого, что люди всегда так любовно глядят на военных. Будем мы жить здесь, в закрытой зоне, или будем где-то в городе — пускай все знают, мы для того, чтобы беречь тишину.

«И верно! — отозвалось в моей груди.— Не для красы мы носим армейскую форму, а именно — чтобы это... тишину беречь!»

И вдруг Ленька, успокоенный, должно быть, тихою и дружелюбною речью сержанта, разговорился тоже — и так глупо, так не к месту:

— Не повезло мне. А то бы я за ночь туда и обратно. Не повезло!

— Эх, Ленька! — вырвалось у меня. Потому что я понимал и чувствовал, как надо бы Леньке сейчас помалкивать, не сердить больше сержанта!

— Отстраняю от завтрашней игры юнармейца Фещенко,— распорядился сержант.

И жалкий, в распущенной гимнастерке прошлепал мимо меня Ленька Фещенко. А я, оставшись наедине с сержантом, боялся даже слово сказать... Худо дело!

Пока и впрямь не было возможности вступиться за Леньку: мы с минуты на минуту должны были собраться всем взводом, чтоб еще раз уточнить все то, что станет завтра нашей боевой жизнью. Да и сержант попенял бы мне за подчиненного — это я предчувствовал. Потому и рта не раскрывал.

Наши завтрашние учения начинались уже сегодня, начинались в просторной армейской палатке, где все мы, тесня друг дружку и окружив сержанта, склонились над картой. И что там будет завтра, какие азартные часы, какие напряженные мгновения,— все это уже сегодня возбуждало и звало в поход. Каждому хотелось вслед за сержантом повторять: «Ну, конечно же, ясно, товарищ гвардии сержант! Все ясно насчет Матильда. То есть неясно, где будет скрываться Матильд, но вернее всего там, где вы предполагаете, товарищ гвардии сержант...» А может, мне лишь казалось, что ребята молча соглашаются, молча вторят сержанту, а на самом деле это был мой собственный неслышный голос?

Одно я понял теперь: отстранить любого из нас от такой игры — самое суровое наказание.

И когда остались юнармейцы, уже увлеченные завтрашним походом, остались переговариваться вполголоса, будто остерегаясь выдать военную тайну, я вышел вон из палатки — следом за сержантом.

— Разрешите обратиться, товарищ гвардии сержант!

И хотя сержант повернулся, у меня было чувство, будто он стоит ко мне боком, совершенно чужой сейчас.

— Просьба насчет юнармейца Фещенко?— холодно поинтересовался сержант.

Я лишь кивнул. А слова так и просились, так и стремились побороть мою внезапную немоту — и все о нем, о Леньке Фещенко, о характере человека, о том, что он гордится и нашивками и пилоткою. Если б он не гордился, то и не затевал бы самовольной отлучки, не жаждал бы предстать перед матерью воином.

— Я сам думал о справедливости наказания. Отстранить Фещенко от игры справедливо. Но уместно ли такое наказание сейчас? — будто бы обратился ко мне сержант, хотя он спрашивал только у себя и отвечать должен был себе.— Надо посоветоваться с начальником лагеря! Там и решим. Но я передам начальнику просьбу отделенного.— И с этими словами сержант быстро стал удаляться. Я глядел ему в спину и представлял, как сейчас появится он перед капитаном Чемезом, как тот прищурится по привычке, будто не вынося яркого освещения, хотя стояла предзакатная пора и солнце уже не пробивало окна домика горячими, как из-под увеличительного стекла, лучами.

И вот, пока происходил решающий разговор сержанта с капитаном, я томился на лагерном плацу.

Как только сержант по-мальчишески соскочил с крыльца и поманил меня в сторону той конуры, где отсиживался Ленька Фещенко, я тоже едва ли не веселой иноходью устремился по его мановению, ликуя оттого, что Ленька спасен, спасен!

— Только на завтрашних учениях никакого спуска юнармейцу Фещенко,— напутствовал сержант, хмурясь и досадуя как будто по той причине, что вызволяет виновника столь больших тревог.— Никакого спуска! И даже наоборот. Понимаете, отделенный?

— Семь пото́в с него сгоню! — грозно пообещал я.

Сержант, отдав распоряжение постовому,

намеренно пошел прочь, оставив меня объясняться с приятелем, которому дарована свобода. И, почувствовав стыд перед Ленькой, все еще томящимся, прозябающим в неведении, я разгадал уход сержанта как желание уйти от стыда. Странное противоречие! Строгий наш сержант обошелся с Фещенко так, как и требует воинская дисциплина. А вот не пожелал, чтобы мы с дружком отметили невзначай эту его стыдливость. Странное противоречие, но уж так устроен человек! А может, все это я попросту навоображал?

Я заговорил с необычной для меня суровостью, сам же недоумевая, откуда она взялась.

— Я за тебя поручился, Фещенко. Но ты не думай, что тебя оправдали и все простили. Завтра тебе не так сладко будет. И, может, лучше бы ты спокойно сидел здесь.

— Да я на все готов! — чистосердечно воскликнул Ленька, застегнул ремень, щегольски щелкнув скобочками бляхи, пошел вышагивать рядом, признательно, благодарно взглядывая на меня.

Наполнявшая меня сдержанность была самому мне противна, потому что я готов был приплясывать от радости. Но я напускал на себя такой недружелюбный вид и другим не мог быть сейчас, потому что было надо мною нечто вошедшее в мои обязанности и привычки за месяц армейской жизни. И оно диктовало неугодное моей же душе поведение. Так неприятно сознавать, что настоящие мои чувства, моя радость, моя дружеская усмешка скрывались под личиною строгости.

Зато с какими воплями приняли Леньку в палатке! Как тормошить принялись, как предлагать стали еду, как и слушать не захотели, пока он не поест, не отведает черствеющего батона либо припасенной сгущенки, как со смехом вспоминали его нелепое исчезновение, ночную погоню, как таинственно бормотали о завтрашнем, о походе, о шпионе Матильде!

И солдатик Ленька Фещенко сидел растроганный, ел все, что подсовывали, надкусывал жадно, чтобы разжалобить ребят еще более, преданнейше вскидывал на меня взгляд черных блистающих очей и клялся:

— Да я на все, Миш!.. На все готов!

Я хотел подойти к нему, сесть рядом, вынуть фотоснимки, которые так и хранились у сердца, в нагрудном кармане, и этим сказать все о нашей с ним прочной дружбе, но каменел, оставался неподступен и очень не любил себя за это.

Но твердо помнил я предупреждение сержанта: никакого спуска не должно быть провинившемуся Леньке Фещенко, и сразу охладел, понимая, что и завтра, возможно, выпадут у меня такие минуты, в которые я

Зато с какими воплями приняли Леньку в палатке!

не буду терпеть самого себя. Трудно быть командиром, но надо быть командиром!

Не знаю, уловил ли приятель эту перемену во мне. Но, чтобы не уловил, нужно было распрощаться. Мы зачем-то пожали друг другу руки и отправились спать.

А затем через мгновение, потому что я уснул крепко, не просыпался до побудки и ночь пролетела как мгновение,— затем я вскочил, словно бы от толчка, от дудевшей, казалось, в самое ухо трубы и всей душою подхватил этот подхлестывающий зов военной музыки: скорее, скорее, скорее!

Братцы солдатики, ребята мои, рядовые мои, вот и начинается наш бой! Скорее из палаток, скорее на перекличку, скорее в руки вещмешки с сухим пайком! Военная музыка пробудила нас для военной игры.

Разве мог я предположить, даже представляя нынешний необычный день, что все будут с самого утра исполнены особенного воодушевления, что так охотно будут козырять мои подчиненные и тут же исполнять любое приказание, что я сам так по-настоящему почувствую себя командиром, от которого зависит судьба взвода?

А все дело в том, что военная музыка пробудила нас для военной игры.

О этот Матильд из первого взвода, этот рослый здоровяк! На него, рослого, сильного парня, пал выбор раньше, его нарекли чужим именем Матильд, потому что лазутчики всегда носят загадочные клички, и его, Матильда, скрывающегося невесть где в августовском лесу, охраняет теперь весь первый взвод.

Мы вошли в лес, и я помнил о том, что целый взвод охраняет Матильда и что всюду вокруг лагеря могут быть с самого начала пути разные препятствия. Противник не дремал, пока мы дремали: еще ночью скрылся он в неизвестном направлении.

И верно: едва оказались мы под сенью дубов, едва взяли путь по азимуту, установленному еще вчера, как передовые солдатики мои тревожно донесли:

— Минное поле!

По привычке я глянул на сержанта, словно ожидал его команды, но тут вспомнил, что теперь командую я, что вся судьба взвода на мне, и наказал себе впредь не искать подсказки!

Я тут же распорядился выйти на минное поле всем юнармейцам, чтобы успешнее преодолеть это опасное место. Так было предписано правилами игры: не обходить минных полей, неудобных для продвижения болотистых мест и всех других препятствий, природных или предложенных противником.

Минное поле — пояс взрыхленного лесного подзола, пояс вывороченного дерна — преодолеть мы могли только тогда, когда весь вывороченный дерн уложим травкою кверху.

Мы торопливо склонялись, мы на колени стали, переворачивая дерн травкою, помятыми цветами кверху, а кореньями книзу. И уже через минуту я понял, посмотрев в ясное, обещавшее дневную духоту небо, что гимнастерочки наши взмокнут, обязательно взмокнут к вечеру.

Да что к вечеру! Уже сейчас подрагивали испачканные мои руки и теснил повлажневшую шею ворот гимнастерки, но я не должен был отставать от подчиненных, я должен был кланяться земле, устилать ее дерном, чтобы двинуться дальше.

То, что попорченная земля минного поля повстречалась нам в самом начале пути, говорило о том, что взвод противника намеренно устроил преграду на торной тропе и свернул куда-то в сторону. Выработанный нами план преследования нарушался.

И вот, переводя дыхание и глядя на чей-то рукав гимнастерки, по которому бежал смоляно-черный муравей, я вслух решил изменить азимут, я советовался с юнармейцами, глядел в их лица и слушал их голоса. И хотя сейчас я советуюсь с ребятами, потом я один буду отвечать за принимаемое мною решение. Командир для того и назначен, чтобы уметь видеть дальше и глубже, чем остальные, и нести ответственность за свои приказы.

Да, вчерашний план уточнялся сегодняшними обстоятельствами, и мы, преодолевшие первое препятствие, сунулись теперь в самую чащу, в сырые, почавкивающие под ногами ложбинки.

По себе, по своей первой усталости я чувствовал, что потом, в полдень, в солнцепек, труднее будет исполнить все предписанные правилами игры маневры. И потому, едва мы выбрались из сырых ложбинок на редколесье, поросшее выгоревшими мхами и земляничником с усохшими, сургучно-темными ягодами, я приказал ребятам:

— По-пластунски вон до того дубка!

Сто шагов до того ветвистого дубка легко пройти, но солдатская каторга — преодолеть эти сто шагов по-пластунски, притискиваясь всем телом к земле, упираясь локтями, царапая лицо о безобидные на вид, но жесткие линялые мхи. Ах, черт! Не пропадем! Проползем на брюхе, ведь мы солдаты!

Потом, когда мы поднялись на ноги, каждый дышал судорожно, каждый часто вздыхал, как это бывает с теми, кто поплачет. Набирая в грудь побольше воздуха и выпученными глазами разглядывая один другого, мы напоминали, наверное, спасшихся беглецов.

Не только для военной игры подняла нас военная музыка, но и для испытаний, которыми отягчал всех нас знойный этот день.

Едва успели отдышаться, как опять в путь, потому что радист, связавшийся с другими взводами, передал мне донесение соседних взводов, что надо спешить на соединение с ними, замыкать кольцо окружения в девятнадцатом квадрате.

И мы ринулись на соединение! Я лишь выслал вперед двоих разведчиков, которые должны осторожными и быстроногими зверями пролезть всюду, где невозможно пролезть, а за ними, ловкими, незримыми, тут же исчезнувшими в чаще, бросились все мы. И когда идешь, опасаясь быть заметным лишь на светлых, солнечных полянках, то совсем не опасаешься того, что хлещет по лицу хвоя, что дерут гимнастерку шипы ежевики.

Так мы немало отмерили, стремясь замкнуть круг, и не раз приходилось залегать, не раз радист вновь настраивался на единственную нашу волну.

И еще раз мы залегли, когда разведчики донесли о пробиравшихся навстречу нам солдатах, но это оказались свои, из соседних взводов, и вот, коротко обменявшись тайными планами, рассеялись мы, прочесывать стали девятнадцатый квадрат.

Был слышен порою настойчивый голос кукушки, был слышен выстрел ракетницы, был слышен такой шум, будто воз сена проплывает под деревьями, был слышен стук собственного сердца, а никаких противников наших, никакого Матильда так и не оказывалось в девятнадцатом квадрате.

И тогда, вновь сойдясь, мы, командиры отделений, приняли решение рассредоточиться по лесу, и я опять повел своих, но теперь уже в сторону Лесничовки — того урочища, где стояло заброшенное, полуразвалившееся жилье лесника, которое мы и не видывали, но о котором знали и которое так и помечено было на картах наших: Лесничовка. Уж очень удобной для обороны была она, и я вчера еще, когда склонялись мы над картою и уточняли план, все тыкал пальцем, все настаивал: здесь, наверняка здесь, на лесном холме, как на высотке какой, и залягут охраняющие своего Матильда противники.

Чем ближе мы подбирались к Лесничовке, тем более осторожной делалась у каждого походка, стоило кому-то наступить на сухую веточку, как ты вздрагивал, будто от выстрела, от тихого ее хруста... С минуты на минуту я ждал донесения разведчиков, даже шум их схватки с чужим дозором ожидал услышать, потому что должны, должны, по-моему, выдать себя эти дозоры!

Идти приходилось где как: ползком, чуть ли не приседая на корточки. И когда мы так пробирались под елками, у Тимы Стасюты слетела пилотка, и он, как раненый, оглядел-ся: не видит ли кто из нас? Все мы видели, все мы знали, что, по правилам игры, лишившийся пилотки считается убитым, выбывшим из игры, и хотя у Стасюты пилотка свалилась не в бою, а в походе, все равно все растерялись. И особенно Тима. Он смотрел с такою болью, словно и впрямь был тяжело ранен.

А сержант вдруг подтвердил:

— Стасюта ранен.

И, сказав так, сержант искоса поглядел на меня, ожидая моего решения.

Я же встретил взгляд горячих очей Леньки Фещенко, это был все тот же, вчерашний взгляд Леньки Фещенко, когда он клятвенно твердил, что на все готов, и хотя я тоже помнил и эту клятву его, и этот взгляд, и свое предупреждение насчет ожидаемых тягот, и требование сержанта не давать спуска Леньке Фещенко, все же я не настаивал сейчас на том, чтобы приятелю было труднее всех в походе. Но он смотрел на меня вчерашним взглядом, он напоминал и просил. И тогда я тоже взглядом повелел ему сделать то, о чем он так красноречиво просил. Он тут же подхватил Стасюту на плечи и понес его, раненного.

Мы только видели, как Ленька Фещенко то и дело вскидывает всем телом на ходу, поправляя ношу, а потом и глядеть стыдились, потому что и без того была нелегка в такую жару солдатская ноша каждого.

— Да бросьте меня, ребята! Лучше бросьте! — обреченно просил Стасюта, обнимая спасителя еще крепче за шею.

А Ленька Фещенко, останавливаясь, грозил сдавленным шепотом:

— Попробуй съехать! Я тебе съеду! Должен я тебя доставить к месту боя или нет?

И снова брал с места трусцою, вскидывая всем телом.

Чувствовалось, что каждый хотел бы подсобить Леньке, да не моя воля была! Потому что, едва собирался я подойти к Леньке и принять ношу, как перехватывал все тот же непреклонный и даже пренебрежительный взгляд сержанта и понимал, что сержант противится этому. Но сколько же может продержаться человек с такою ношей?

— В бою он должен продержаться до конца,— твердо возразил сержант.

И мне, как ни трудно было смотреть на изнемогающего приятеля, совестно стало перед командиром за то, что сам я забыл, что мы сейчас почти в бою.

«Держись, Ленька! — просил я мысленно приятеля.— Держись, Ленька! Это наша армия, это может с каждым случиться... Это боевые учения!»

И оттого, что Ленька без ропота тащил раненого, посапывая да потея, я решил взять Леньку с собою в разведку, как будто в разведке приятель мой отдохнет.

Когда я так решил, ткнув пальцем в него и распорядившись о заместителе своем, когда я пояснил, что это будет глубокая разведка, поскольку до Лесничовки еще вон сколько идти, сержант Грицевич вдруг присел на корточки и пригласил раненого:

— Полезай!

Тут что-то случилось со мною, тут я и полюбил еще более сержанта, командира и одновременно брата нашего, и затем уже, как только ветки огромных шаров ольшаника скрыли наши с Ленькою спины, оставалось

мне разгадывать да разгадывать сержанта, идти, думать о нем, разгадывать все, что внутри у этого человека.

Когда в разведке, когда ждешь отовсюду опасности, становишься зорче, становишься по-собачьи чуток. И все схватываешь, всякие подробности: что тут не ступали, а вот здесь ступали, собирали валежины для костра — остались от валежин полосы на земле. Или что вон обломили ольховую ветвь, и она так и повисла среди зелени со свернувшимися листьями чайного цвета.

Пробираешься бесшумно, и никаких слов для того, кто с тобою в разведке, а только взгляд, только жест, но все равно особенно чувствуешь, как связан сейчас с тем, кто с тобою в разведке. Вместе или чередом — пробежкой через вырубки, потаенным шагом в зарослях, в травах, высоких, как овсы, а потом замри и не шелохнись, чтобы мнимая опасность не позволила выдать себя, а позволила рыскать дальше.

И если ты постоянно настороже, если обостренно зорок и по-собачьи чуток, то все равно рано или поздно сумеешь почувствовать подлинную опасность.

Не знаю, долго ли мы пробирались, то и дело смахивая пот с лица рукавом гимнастерки и посматривая беспомощно на несносное это солнце, как вдруг Ленька толкнул меня, и я в тот же миг разглядел в зеленых кустах зеленую пилотку. Да, пилотка была бледно-зеленая, сенного оттенка, но на таком же бледно-зеленом рукаве юнармейца кричаще выделялась голубая повязка, а это значило, что перед нами противник — быть может, такой же разведчик, как мы.

Оба мы с Ленькой присели тут же, схоронились в зелени, выслеживая чужака, и я не знал, как мы будем отходить, если чужих разведчиков окажется больше.

Теперь очень хорошо удалось рассмотреть его, знакомого парня, по фамилии Балащенко, кажется. И он, этот враг наш, тоже томился от зноя, и, когда утирался пилоткой, были видны его чуть отросшие, недавно остриженные русые волосы.

По тому, как он ходил туда-сюда и лаковым прутиком пошлепывал себя по штанине, стало понятно, что он здесь в одиночестве и что вовсе не такой разведчик, как мы, а просто дозорный.

Когда я окончательно убедился в том, что он здесь один, то принял решение схватить его и шепнул Леньке:

— Быстро в обход! И шумни там. А я в это время...

Ленька исчез, как загадочный лесной дух, а я тоже не дремал, не дожидался той минуты, когда он отвлечет дозорного, я тоже пошел в обход, с другой стороны: если дозорный услышит мои бесшумные шаги, то все равно будет отвлечен. Я надеялся, что мне придется обезоруживать дозорного, и я старался искоса поглядывать на него, как будто мой прямой взгляд мог насторожить, обеспокоить дозорного...

И каким только образом этот лесной дух, этот неуследимый Ленька моментально оказался за спиной у дозорного и успел схватить с его стриженой головы пилотку! Дозорный теперь даже пикнуть не смел, поскольку без пилотки он считался погибшим, выбывшим из строя.

— Дальше есть посты? — требовательно спросил я на бегу, ринувшись из кустов.

Это было не по правилам игры. Дозорный был уже мертв, и он молчал, как мертвый. Только часто дышал, будто от долгого бега, только люто зыркал на меня, на Леньку, только с видом и впрямь погибающего человека оглядывался, будто ждал своих или знак им подать хотел. Хотя и не по правилам игры подавать знак, если выбыл из строя.

Все же я подумал, что надо нам подальше от беды. Вон как осматривается, вон как намеревается дать стрекача! Я разоружил дозорного и молча повелел: иди.

И все мы двинулись туда, откуда с Ленькой пришли: надо скорее к своим. Расставлены недаром посты неприятеля на пути к Лесничовке, наверняка там и скрывается Матильд!

Когда наткнулись на своих, пленного не стали допрашивать, не стали нарушать правил игры, просто оставили под присмотром конвоиров.

А все остальные собрались в круг, как собирались не раз прежде на занятиях, в просторной армейской палатке, и перемолвились тихонько; радист принялся настраиваться на волну, принялся посылать каждому взводу одно и то же: немедленно к нам, немедленно всем в сторону Лесничовки!

— Но не будем же и сами сидеть, дожидаться! — воскликнул Ленька Фещенко, еще не переживший радости первой удачи.

— Конечно, не будем,— как можно спокойнее отозвался я.— Приказываю: всем идти в направлении Лесничовки! Фещенко, возьмешь двоих юнармейцев и вперед.

Посылая приятеля в сторону опасности, я вовсе не наказывал его, не мстил за самовольную отлучку. Просто Ленька уже прошел этот скрытый путь, и лучше Леньки никто не знал его.

Мы очень быстро преодолели теперь уже разведанную дорогу. Однако я вновь успевал отмечать памятное, бросившееся в глаза с первого раза: и полосы от валежин и поникшую ветвь с усохшими листьями чайного цвета. Как будто продолжалась разведка!

Конечно же, разведка продолжалась, и нас, разведчиков, караулили тревога, опасность, неприятель.

Но это несколько позже — и тревога, и опасность, и неприятель, а пока все мы, подхлестываемые первой удачей, отрывисто, тихим вскриком или единственным словом делились один с другим военным везением,

И вдруг мы увидели впереди...

первою этой удачей или с ухмылкой оглядывались назад, где остался стриженый. Кто-то досадовал, что лучше бы взяли его живьем и выпытали о Матильде, а кто-то утешал, что все-таки Матильд лишился бойца.

Так мы и пробирались по следу первой удачи, не подозревая о грозящей нам первой неудаче.

Она подстерегла нас там, где схвачен был дозорный. И хотя подошли мы с большими предосторожностями, все же не успели заметить тут новых дозорных, посланных, быть может, на смену прежнему. Еще не успел никто никого заметить, как все мы услыхали шум, потрескивание сушняка под ногами человека, ломившегося напрямую и все удалявшегося от нас. А может, их было несколько?

Как по команде, все залегли: каждый берег свою жизнь для взвода.

И, лежа в поросли кукушкиных слез, я поругивал себя за ошибку, за то, что избрал для взвода прежний путь, а не двинулся к Лесничовке через болото, пусть и давая крюка.

Это была моя ошибка, это была общая беда, потому что теперь гонец поведает Матильду о нас, и стража Матильда, окружение Матильда то ли покинет Лесничовку, то

ли ввяжется в бой до подхода основных наших сил. Конечно же, взвод Матильда может навязать нам бой, чтобы прорваться сквозь наши цепи, уйти к лагерю, выиграть игру!

И тогда я поднялся.

Будет бой, никуда не уйти от боя, и мы сами начнем его, чтобы взвод Матильда не скрылся, не попытался прорваться к лагерю. И пусть мы все пропадем, станем числиться убитыми, а все равно задержим у Лесничовки взвод Матильда, пока не подоспеют наши.

Так или примерно так я сказал своим ребятам и прочитал на знакомых лицах решимость и горестную твердость, так или примерно так я радировал тем, кто должен спешить на помощь.

Когда мы стали подбираться к Лесничовке, вдали, на безлесных взгорках, показались пилотки чужих юнармейцев. Рассыпанным строем шли они нам навстречу. Значит, без промедлений надо начинать бой, чтобы сам Матильд не исчез в этот момент. Хотя я и полагал, что Матильд все-таки не пустится в бегство сразу, устыдится позора, до последнего будет со своими и только в крайнем случае попытается уйти или спрятаться в какой-нибудь заранее уготованной потайной норе.

Мы видели чужих бойцов, а те видели нас, и мы сближались, мы стремились превратиться в невидимок на этом затравенелом безлесье, приникали к земле, ползли, вставали, перебегали, падали снова ниц, находили какой-то ровик и покидали уютную, скрадывающую впадину — и так вскоре окружили похилившуюся, обомшелую, похожую на копнушку сена избу лесника.

Но вот встала одна цепь против другой цепи, вот и началось сражение!

Потом уже, в городе, когда я буду сидеть

Мы пошли в последнюю атаку!

в своей гимнастерке дома, когда буду вновь надевать пилотку с оплавленной звездой и вспоминать об армии, то удивляться стану тому, как это мы, самые младшие по возрасту юнармейцы, так смело и отчаянно боролись с теми, кто сильнее нас.

Да, мы наседали — и летели наземь пилотки. Выбывали из строя чужие, выбывали из строя и наши, а мы, уцелевшие, все плотнее охватывали поредевшей цепью нежилое жилье.

Я и сам столько раз сходился один на один с кем-нибудь из чужих, ощущал на своих плечах хваткие руки, увертывался от них, и порою чужое дыхание уже жгло мою щеку, а все-таки удавалось мне первому сорвать пилотку с потной головы боровшегося со мной парня и сунуть трофей под ремень.

Вскрики, шумное дыхание, возгласы сержантов, остававшихся нейтральными и подбиравших трофеи,— все это было до той поры, когда поредели оба взвода, когда совсем немного осталось уцелевших бойцов, когда мелькнула в отверстом дверном проеме похилившейся избушки фигура Матильда.

И как только поняли мы, что свежий, не принимавший участия в рукопашной схватке Матильд решил покинуть свое прибежище, то переглянулись, что-то призывное крикнули и бросились штурмовать полуразрушенную крепость.

Не знаю, каким чудом удалось нам смять заслон, положить к ногам пилотки всех чужих защитников, а только в сумрачную избушку мы с Ленькою Фещенко вместе ворвались и оба предстали перед Матильдом, казавшимся особенно высоким и широкоплечим в этом тесном жилище.

Не успел я и шага сделать, как Ленька акробатическим прыжком бросился в ноги Ма-

тильда и вскрикнул, как мне показалось, с призывом. Это уже потом я узнал, что Ленька вскрикнул от боли.

Даже самый сильный человек не устоит, если против него несколько человек.

И не устоял Матильд.

Через минуту мы, победители и побежденный, раскрытыми ртами хватая воздух, все еще приглядывались друг к другу, словно бы примериваясь к новой схватке, все еще оставались врагами, хотя игра была кончена.

Ворвались в избушку на щелястый, покатый ее пол уцелевшие охранники Матильда, но они уже не вольны были защищать своего Матильда, потому что все было кончено.

И когда ступили в сумрак маленького жилья оба сержанта, отчего-то вспотевшие тоже и возбужденные, вновь послышался не то крик, не то зов лежавшего на полу Леньки Фещенко, и я догадался, наконец, что это крик боли, несдержанный стон.

— Ленька! Что с тобою? — Я рванулся к приятелю, чтобы помочь встать ему на ноги.

И когда он поднимался, то прижимал свою руку к сердцу, и ладонь была такая вспухшая, словно бы ужаленная пчелой.

— Да что с рукою, Лень?

— Ну, болит... болит трошки. Вон какая боксерская перчатка! — И он, подув на свою пухлую руку, кривясь от боли, улыбнулся какою-то странной, гордой улыбкой.

— Радируйте в лагерь. Чтоб машина шла сюда, к Лесничовке. Азимут помните? Ну вот, радируйте. Фещенко нужно срочно в санчасть,— распорядился сержант Грицевич, как-то по-новому глядя на Леньку.

Я метнулся вон, успев заметить, что это распоряжение обрадовало Леньку.

И пока радист посылал в наш лагерь срочную весть, я удивленно смотрел на выбегающих из леса юнармейцев, наших союзников, которые еще не знали о победе и вкруговую подбирались к избушке, падали, приникали к земле, только пилотки в травах мелькали, только вспыхивали кровинками гранатовые звездочки на пилотках! И хотя сражение кончилось, было у меня такое чувство, что не кончилось оно еще, что это я сам падаю, встаю и бегу. Так не хотела уходить моя солдатская тревога.

Когда же подоспевшие взводы услышали о победе, то поначалу они как будто разочарованными показались и лишь спустя несколько мгновений принялись праздновать нашу победу — бросать вверх пилотки. Какой тут галдеж, какой гомон невообразимый поднялся! Точно и впрямь воссоединились боевые солдаты, точно годы войны не позволяли им так радоваться, так крепко стискивать руки, так горячо делиться:

— А я его сразу на мушку! Да!

— Они тут укрепились, но мы вовремя!

— Гляжу, сзади двое! Я в сторону. Потом на них!

Еще долго бы не смогли унять свой боевой азарт солдатики, еще долго бы возились с пленными, требовавшими вернуть им пилотки и ворчавшими при этом, что это не их такие измятые пилотки, еще долго продолжалась бы победная минута, если бы не собрались на сровнявшемся с землею крыльце лесниковой избы четыре сержанта и трубач и если бы трубач не призвал к тишине голосом певучего своего инструмента.

А потом сержант Грицевич достал из планшета магазинную коробку с холостыми патронами, подал мне знак приблизиться и отсалютовать долгой очередью вверх.

Неужели это всегда так: ждешь победного мига, все готов забыть ради него, а когда торжествуешь победу, то наполняешься тоской по тем опасным и напряженным минутам, предшествовавшим победе?

Но вот замкнулся круг: схвачен Матильд, и подошли ребята на помощь, и труба пронесла свой клич, и салют подвел черту. Пора в лагерь. Пора, пора, пора! Когда мы шли назад большим и дружным войском, когда ничего уже не остерегались и вслух опять твердили об удачном, об опасном, обо всем боевом, я то и дело спрашивал у Леньки, не помочь ли ему идти, не остаться ли здесь и не дождаться ли машины, а Ленька преувеличенно бодро отказывался:

— Чего еще, товарищ старший юнармеец! Ноги целы. И порядок!

Так мы рядышком и добрели почти до самого лагеря, потому что посланная из лагеря машина застряла, конечно же, в чаще. Но Леньку все равно усадили, дали сопровождающего, и Ленька уже из машины помахал всем нам здоровой рукой.

А в лагере, в этом пустом без нас лагере, было так тихо, так напоминало все об отъезде! Что ж, закончена игра, завтра в город. Прощай, армия!.. Оставались нам нашивки и пилотка со звездою, а все равно чувствовала душа утрату. Так не хотелось покидать армейский лес, так все склоняло уже теперь к воспоминаниям о службе!

Войдя в нашу палатку, я заметил, что ребята вроде стесняются глядеть друг на друга, стесняются этой грусти своей. Да и я сам отводил глаза в сторону, снимал и вновь надевал пилотку, удивляясь, что звезда на пилотке такая теплая.

Да, кончается наша юнармейская служба, но что убиваться? Навсегда с нами эти пилотки, всегда будут помниться горячие учения, горячий бой, горячие от солнца звездочки на пилотках, навсегда все мы останемся преданны солдатскому братству!

Наверное, каждый рассудил мудро, что никакого прощания с армией нет, потому вновь гомон заполнил палатку, хохот, вновь возвращались солдатики в недавний бой, но теперь уже не берегли тишину, вздорили, судачили, яростно рубили рукой воздух — так до самого вечера. А вечером песни пели — все военные, давнишние, вечные песни...

И я был на этом победном пиру, и я встревал в сумбурные разговоры, и я поражался Ленькиным геройством.

Однако наутро мне не удалось навестить приятеля. С самого утра, после переклички, после всех рапортов и поздравлений, принялись юнармейцы рушить палаточный лагерь. Эти брезентовые пристанища, и раскладушки, и всякое имущество — все грузилось на машины и отправлялось в военный городок.

А мы сами должны были вот-вот усесться и тронуться в другой городок — в наш, родимый, деревянный, штатский городок.

За какой-нибудь час опустело лагерное становье, лишь геометрически ровные, вытоптанные ногами пространства да несколько финских домиков напоминали о том, что здесь целый месяц шла строгая армейская жизнь.

Армия, моя армия, прощай!

Вдруг на плацу остановилась легковая машина, из нее вышли незнакомые офицеры.

Труба сыграла сбор, мы все выстроились, держа равнение направо, где у знамени с золотистыми кистями строго застыли прибывшие офицеры и наши командиры.

Кто знал, кто мог догадаться, что на прощание армия преподнесет нам награды? Да и за что награды, если единственной наградой была для всех сама служба?

Еще никогда в моей жизни не было прекраснее, завиднее минуты, чем сейчас, когда высокий, с алюминиевой сединой на висках полковник, у которого радужно и слитно выделялись на кителе колодки военных наград, зачитывал приказ о награждении всех особым юнармейским знаком. Сам гвардеец, сам награжденный боевыми наградами, прошедший с пехотой, быть может, всю последнюю войну, полковник вручал каждому из нас почетный знак. Большой, как орден!

И выходили из строя по одному, и отдавали честь, и получали знак, и уже иными возвращались в замерший строй...

— Старший юнармеец Коженец!

Это настал мой черед, и я вышел, как можно тверже ступая по плацу, и когда подступил к полковнику, когда смог совсем вблизи смотреть на него, то оказалось, что я так и не успел приглядеться к седому командиру мотострелковой части, что я более всего опасался, как бы не покачнуться, как бы не выдать охватившего меня озноба.

— Служу Советскому Союзу! — чужими губами промолвил я и невзначай уловил улыбку понимания и поощрения на лице сержанта Грицевича.

Так я получил первую в жизни награду. Очень долго я не мог прийти в себя.

Не мог я стать обыкновенным соображающим человеком и потом, когда легковая машина исчезла в глубине леса, на узкой просеке, и когда чьи-то неповинующиеся пальцы прикрепляли к моей гимнастерке звезду. Да, незабываемы эти минуты перед отъездом, когда армия благодарит за службу в армии!

И если до сих пор я в глубине души чуточку завидовал Ленькиной участи, то теперь очень сожалел, что приятель не был на неожиданной церемонии и что о приятеле, быть может, забыли. Да ведь Ленька не стерпит обиды, если останется без юнармейского знака! Но тут сержант Грицевич протянул мне уже знакомую награду:

— Это для Фещенко. Командование поручает вручить.

И едва увидел я этот знак, как понял, что не будет мне покоя до того времени, пока я не повидаюсь с Ленькой и не передам ему эту награду. И я попросил сержанта:

— Позвольте остаться, товарищ гвардии сержант. Мне бы в санчасть, до Фещенко.

— Вот как? — словно обрадовался сержант.— Значит, останемся в лагере вдвоем.

Машины, которые направлялись в военный городок или в штатский город, уже отходили одна за другой, а я махал пилоткой, прощался с друзьями, которых, наверное, сегодня же увижу.

— Да, вот я уже и в городе,— задумчиво сказал я, хотя оставался в покинутом всеми лагере, как на посту, вдвоем с сержантом.

— А я как был в армии, так и остался в армии,— весело подхватил сержант.

И тут я уверился окончательно, что я все-таки солдат, солдат, что вот и сержант не счел забавой этот месяц службы в нашей детской армии. Да, это была и вправду служба, нелегкая работа с новобранцами, и если хочет знать сержант, то он действительно нес службу именно в армии, потому что некоторые ребята уже сейчас поклялись армии посвятить свою жизнь. Так я и сказал сержанту, помня наши с Ленькою разговоры о том, как встретимся когда-нибудь офицерами.

— У тебя есть в семье военные? — взглянул заинтересованно сержант.

— Да, дядя Алексей. А еще мама... ну, она не военная, нет! А только помнит войну...— И я уж складно, точно заученную историю, поведал о том, как трехлетнее дитя замахнулось кулаком на немцев и спасло весь дом.

И эта семейная легенда вдруг склонила к другим воспоминаниям, связанным с войной, к другим историям, тоже памятным и тоже о войне, потому что и теперь нету у нас в городе ни одного дома, где бы за праздничным столом в самый разгар веселья кто-нибудь не обронил непроходящую боль военных лет,— и это все равно, с кем произойдет удар воспоминания: с седым дедом или с родственниками седого деда. А я буду их помнить надежно, чтобы потом, в далекие, ожидаемые мною годы, рассказать кому-нибудь из круга близких мне офицеров. А сейчас я пока пересказывал их своему первому командиру. И об отце я вспомнил. Он приходил с работы, с деревообделочного комбината, весь

пропахший пиленным лесом. И однажды на редкость мрачный пришел и сигарету за сигаретой стал раскуривать, стал глуховато делиться с нами бедою дня. Попался какой-то особенный лес, что все ножи выходили из строя, натыкаясь на глубоко засевшие осколки и пули. И беда того дня была вовсе не в том, что запороли инструмент и наделали браку. Беда того дня была в беде прошлого, военного дня, который можно лишь представить, если знаешь, что древесина эта прибыла из своих, белорусских, партизанских лесов...

Сержант положил руку на мое плечо, я замолчал, чувствуя, как нас роднит молчание.

Лишь потом, когда мы оказались под брезентовым верхом машины и поехали в сторону военного городка, сержант с каким-то трудом признался мне:

— Сам я детдомовский, понимаешь?

Все было понятно, хотя стало бы еще понятнее, скажи сержант о раннем горе своей жизни подробнее, однако он, казалось, выглядел подавленным, и мне самому пришлось отвести взгляд. Я жалел сержанта, но не той жалостью, которая унижает, а той, которая роднит.

В санчасти я ожидал увидеть Леньку Фещенко где-нибудь в палате, на белой койке, а увидел здоровым, на ногах, в гимнастерке! И только забинтованная его рука была на перевязи.

— Так, значит, порядок, Ленька? — воскликнул я, как только мы с сержантом оказались в приемном покое.

— А что мне лежать? — с обидою бросил он.— Вы там ордена получаете!

И тогда я протянул ему награду, он сжал юнармейский знак всеми пальцами свободной руки, глаза его засветились щедрым светом. Он тут же принялся тыкать знак на грудь, а я помогать, и получалось у меня плохо, неловко, Ленька покрикивал:

— Да не там прикалываешь! И чего ты возишься? Скорей!

Пока я прикалывал значок на грудь приятеля, молодой, полный врач грассирующим голосом и как будто со смешком пояснял сержанту:

— Картина была ясна сразу, обычный ушиб кисти, но я все же проделал рентгенографию. Мало ли, вдруг трещинка в кости. Но все благополучно, просто ушиб.

Мы с Ленькою смотрели друг на друга так, словно получили от жизни самый главный подарок.

— Может, снять перевязь, освободить руку, чтоб легче жилось? — обратился к Леньке врач, по-прежнему поигрывая словами, будто нарочито слегка коверкая речь и глядя с непонятной, припрятанной дружелюбной насмешкой в глазах.

— Я пока так похожу,— тотчас отказался Ленька.

И я тоже попросил:

— Лучше, конечно, на перевязи.

— Ну ладно,— согласился врач и скрылся за белой дверью по зову медицинской сестры, а потом приоткрыл дверь и, незаметный, будто скрывая свое улыбающееся, веселое лицо, напутствовал:

— Ступайте, ступайте, гвардейцы!

До постовой будки мы шли молча — молча прощались с сержантом. Прощаться было грустно. Тихо, на самой малой скорости следовала за нами машина, на которой приехали мы в санчасть и на которой уедем отсюда.

И вот распахнулись перед нами тяжелые, железные створки ворот, пропуская нас троих и малым ходом следовавшую за нами машину.

Моя правая рука словно оказалась в тугой перчатке — таким крепким оказалось прощальное рукопожатие. И всю дорогу домой не проходило это приятное ощущение, пока мы мчались лесом, потом по большаку, потом вдоль луга с пышными стогами, а потом и улицами предместья.

Тут я попросил водителя остановиться, чтобы пройти с Ленькой пешком через город. И когда мы неторопливо и все же напряженно пошли по тротуару, привлекая внимание встречных, то оказалось, что не в этом все-таки было чудо возвращения в город — не в чрезмерном внимании горожан, не в том, что знакомые, обманувшись нашим армейским видом, не узнавали нас. Мы шли, военные люди, мы шли в гимнастерках, как мечтали об этом прежде, и будто открывался передо мною краешек будущей, загадочной жизни. По себе я чувствовал, что за месяц армии изменился, приблизился в чем-то к тому, взрослому человеку, который жил пока лишь в моих предположениях, но уже направлял мою жизнь.

— А знаешь,— как всегда, горячо сказал Ленька,— я ведь до самых занятий не сниму гимнастерку! Я себе дал слово.

— Я тоже не собираюсь ее снимать. Это — наше обмундирование. А самое главное: мне она очень идет, Лень, эта гимнастерка, и я полюбил гимнастерочку...

Так мы прошествовали мимо школы, и когда замедлили шаг, откуда-то со двора, из спортивного городка, выбежали те самые девчонки, которых я видел несколько дней назад из окна автобуса.

Какими строгими они сделались, едва одна из них, с истерзанным бежевым мячом под мышкой, спросила, кивнув на забинтованную Ленькину руку:

— Так это у вас по-настоящему?

— Как и должно быть в армии! — загадочно отвечал Ленька.

И мы пошли дальше. Жара в этот день стояла не такая одуряющая, как все лето, и я впервые за все время ощутил, что летом вполне терпимо носить на плечах гимнастерку.

КОНЕЦ

№ БОЕВОЙ ЛИСТОК 4

Музей Аркадия Гайдара

открылся на родине писателя, в городе Льгове. Экспонаты для этого музея много лет собирали и взрослые и ребята. Разыскали ручку, которой Гайдар писал, странички из его дневника, фотографии разных лет... Тимуровцы помогали восстановить дом, в котором прошло детство Аркадия Голикова. В этом доме и расположился музей.

В одном из залов музея разместилась выставка детских рисунков «Гайдар в творчестве детей». Тут и портреты Аркадия Петровича и иллюстрации к его книгам. Рисунки присланы из разных городов и сел. Один мальчик, Рашид Сулейманов из Киргизии, прислал в музей скульптурный портрет писателя.

Ты тоже можешь послать в дар музею свой рисунок, фотографии, документы — все, что поможет лучше рассказать о Гайдаре. Музей и все, кто придет туда, будут тебе благодарны.

В. КОМОРИН

•СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ•

...Мы учимся у Гайдара любить и уважать своих меньших товарищей — октябрят. Никогда над ними не подсмеиваемся, не подтруниваем над их неудачами, стараемся их понять, доверяем им во всем и их доверие заслуживаем.

Николаевская обл.,
Воссиятская средняя школа.

...Недавно бригада мастеров СМУ-9 вызвала нас на соревнование. Вызов мы приняли. Пошли в гости к рабочим, ознакомились с их работой. Теперь они придут к нам, мы им расскажем, как шагаем маршем «Всегда готов!», посоветуемся, чем можем помочь старшим.

Пермская обл., Коми-Пермяцкий национальный округ,
г. Кудымкар, школа № 1,
тимуровцы 6-го класса «Б».

Наш отряд организован при библиотеке, и мы стараемся всем, чем только можем, помогать ей. У нас даже сложились свои особые правила отряда, вы их видите на фотографии.

ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ

КЛУБ ЮНЫХ ТИМУРОВЦЕВ ПРИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ДЕТСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ ИМЕНИ А. П. ГАЙДАРА, Г. СЕВАСТОПОЛЬ.

Первые тимуровские отряды в нашем городе возникли в самые тяжелые дни обороны Севастополя. Тимуровцы помогали защищать город от фашистских захватчиков.

Сестры Люда и Алла Тяпкины собирали бутылки, которые потом в специальных мастерских наполняли горючей жидкостью. Наши бойцы поджигали ими в бою фашистские танки. Собирать эти бутылки было совсем не просто: гитлеровцы бомбили город, обстреливали его из орудий, но девочкам удалось все же полторы тысячи бутылок собрать. Для раненых бойцов Люда и Алла собрали еще четыреста пар белья.

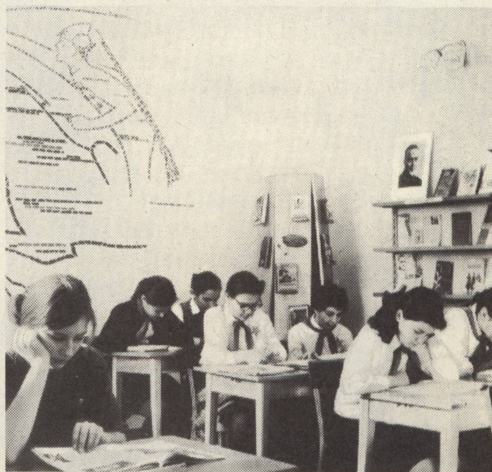
Есть очень интересная книга о первых тимуровцах Севастополя. Называется она «Дети Севастополя». Написал эту книгу участник героической обороны города, секретарь горкома партии в то время Б. А. Борисов. Один из рассказов, «Неугомонные», он посвятил Люде и Алле Тяпкиным, а рассказ «Вода стоит дорого» — Вите и Вере Снитко. Эти ребята бесстрашно тушили «зажигалки», носили воду сражавшимся бойцам в окопы, каждую минуту рискуя жизнью.

После освобождения Севастополя тимуровские отряды вместе со взрослыми разбирали завалы, очищали территорию для постройки новых домов. Тогда весь город был как огромная стройка. Семьи погибших воинов, вообще все осиротевшие семьи, инвалидов войны и престарелых тимуровцы взяли под свою опеку. Помогали в яслях и детских садах.

И теперь тимуровцы стараются во всем помогать взрослым.

Еще мы узнаем историю тимуровских отрядов, разыскиваем тимуровцев прошлых лет. Собрали материал о героях войны, юных разведчиках Андрее Ашрамяне, Юрии Рацко, Виларе Чекмаке. Открыт музей, посвященный Валерию Волкову. Собран металлолом на пароход, который носит теперь имя Валерия Волкова. Ветеранов войны и семьи погибших мы берем под свою опеку.

Сейчас всех тимуровцев нашего города объединил маршрут всесоюзного марша «Всегда готов!» — «Тимуровец».

А на этой фотографии — ребята из нашего отряда, познакомьтесь с ними, пожалуйста. Тут они готовятся ко дню рождения Гайдара. Сидят чинно, потому что снимаются. Вообще-то они вовсе не паиньки, обыкновенные, хорошие ребята, любят и повеселиться, и побаловаться, и поиграть.

Я—РАБОЧИЙ

Детство мое и юность прошли в деревне. Мне вспоминается холодный луг, неясные контуры деревьев в предрассветном тумане, жалобное мычание отбившихся от стада телят и мой друг Андрей — сероглазый крепкий паренек, с которым мы вместе пасли хозяйских коров и которому вечно влетало за непослушание. Мне было восемь лет, Андрею девять, и отличался он крайним любопытством. Его интересовало все: и какие птицы раньше просыпаются, и почему звезды с рассветом исчезают, и как живут в городе, в котором мы с ним ни разу не были, и что мы с ним будем делать, когда закончим приходскую школу.

Рисунок А. ВОВИКОВОЙ. Фотографии В. УЛАСЕВИЧА.

Вольдемар БУШ,
слесарь,
Герой Социалистического Труда

В. П. Буш.

Своим огромным любопытством и любознательностью мой друг заразил и меня. Однажды — мы учились тогда в пятом классе — Андрей нашел на свалке старый, почти полностью пришедший в негодность «Телефункен». Счастливые — ведь у нас с ним в жизни не было еще ни одной игрушки,— мы притащили его домой.

— Он должен заговорить,— заявил Андрей и посмотрел на меня так, словно я был маг и волшебник.

Что ж, должен так должен! Мы принялись за ремонт радиоприемника с таким рвением, словно от этого зависело все наше будущее. Первым делом мы раздобыли учебники и специальные журналы. Просиживали над ними дни и ночи. Но дело подвигалось медленно. Вопросы — один непонятнее другого — росли, словно снежный ком. Мы замучили ими и деревенских механиков и нашего бедного учителя, который не очень-то был силен в этом предмете. Родители тоже не одобряли наших увлечений.

— Блажь!— твердо говорил мой отец.— Лучше бы в поле поработал.

С Андреем обошлись круче: его просто-напросто хорошенько выдрали.

Но мы все-таки добились своего! Через месяц «железный ящик» заговорил. Это, наверное, и определило мою дальнейшую судьбу.

— Мешать не буду,— сказал отец,— живи своей головой.

В 1935 году у нас в деревне случился неурожай. Семья голодала. Мне к этому времени исполнилось шестнадцать, Андрею — семнадцать, мы оба не знали, к чему приложить руки, ходили как неприкаянные. И здесь Андрея осенило.

— Айда в город,— предложил он,— хуже не будет.

Мы уехали в Ригу. Что ждало нас там? У обоих ни жилья, ни профессии. Почти полгода мы перебивались случайными заработками, мыли в ресторанах посуду, работали разносчиками газет, чистильщиками обуви, землекопами. В общем, лихо нам приходилось.

Как-то, злой и расстроенный, я возвращался домой. Шел дождь. Было мне холодно и неуютно. На глаза вдруг попалось объявление: «ВЭФ производит набор учеников слесарей». Я подумал: «Может быть, повезет?»

И вот мы с Андреем пришли на завод. Условия приема были жесткими, конкурс большим. Да-да, конкурс! На пятьдесят вакантных мест — двести пятьдесят желающих. Кроме двух экзаменов — математики и физики,— еще надо было пройти специальную комиссию, определяющую, так сказать, пригодность человека к избираемой им профессии. Тогда в буржуазной Латвии была безработица. Правительство Ульманиса выжимало из рабочего человека все соки. Предприниматели производили «естественный отбор», принимали на работу самых смекалистых, самых расторопных. Знали: отдача будет. И хорошая.

Мне дали кусок проволоки.

— Сделай восьмиугольник,— сказал мастер.

Смастерил.

— Попробуй изобразить контур какого-либо животного.

Получилась лошадь.

Затем меня поставили у пульта с лампочками. Перед каждой лампочкой клавиша. Вспыхнет лампочка — успей

ПЯТИЛЕТКА, ГОД ТРЕТИЙ — РЕШАЮЩИЙ

нажать на нужную клавишу. Огоньки вспыхивали все быстрей и быстрей. У меня онемели пальцы. Кажется, все, не выдержу...

— Молодец! — похвалил мастер.— Твердая рука.— Он кивнул на разбросанные на столе детали: — Что это такое?

У меня от напряжения даже пот на лбу выступил. Но сообразить, что за «зверь» передо мной, я так и не смог.

— Насос,— усмехнулся мастер.— Собери.

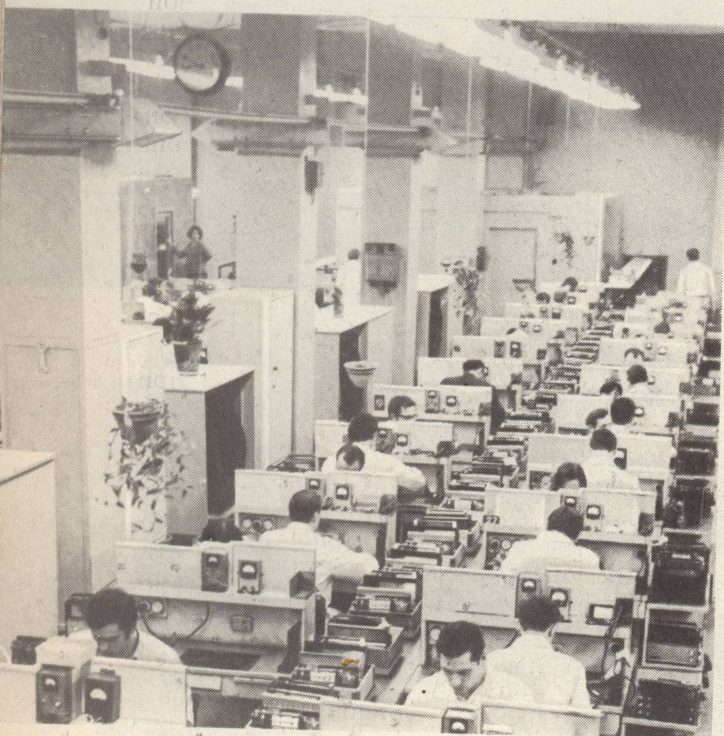
Собрал.

— Как ты думаешь, эта конструкция совершенна?

Я задумался. Что сказать? Насос я видел впервые. Пожал плечами, откровенно ответил:

— Не знаю.

— Так вот,— мастер взял меня за плечо,— запомни: совершенных конструкций

В цеху современного ВЭФа.

не бывает! И еще помни: к любому делу надо подходить творчески, с любовью. Тогда металл заговорит, раскроет свои тайны.

Андрей тоже прошел конкурс. С этого дня началась наша с ним рабочая биография.

Но ее творческая страница раскрылась только с приходом в Латвию Советской власти. Рос, креп завод, росло вместе с ним и наше мастерство. Расширялось производство. Подымались современные корпуса. Сегодня наш завод ничем не напоминает тот, на который мы много лет назад впервые пришли с моим другом.

Сегодняшний ВЭФ почти полностью автоматизирован. Наши радиолы, приемники, транзисторы слушают далеко за пределами Советского Союза. Продукция ВЭФа имеет Знак качества. И все же это не главное наше производство. Сейчас завод специализируется на изготовлении так называемой крупной телефонии, он стал ведущим в стране разработчиком и производителем автоматических телефонных и телеграфных станций, современных телефонных аппаратов. Третий, решающий год пятилетки ставит перед вэфовцами новые большие задачи. И я уверен, мы решим их!

Шли годы. Мы с Андреем стали слесарями-инструментальщиками самой высокой квалификации. Добились вроде своего, но вот внутреннего удовлетворения я почему-то не чувствовал. И уважали меня, и дело свое знал, а покоя не было.

Однажды в обеденный перерыв подошел ко мне мастер. Разговор был не из приятных.

— Знаю, не твое это дело, Вольдемар, но все-таки помоги: зашились ребята, а станок все равно держится на честном слове. Выйдет из строя — конвейер в радиоцехе остановится.— Он отвел в сторону глаза.

Злополучный штамп для изготовления лепестков переключателя диапазонов буквально измотал всех. Конструкция неудачная, в результате быстрый износ, бесконечные поломки. Ремонтники с ним не справлялись, приходилось отрывать от работы инструментальщиков. Все это мастер отлично знал.

— Сколько можно? — сказал я.— Так ведь и свой план не выполнишь.

— Приказывать не могу,— тихо ответил мастер,— но только...

Я рукой махнул:

— Ладно, сделаю. Но учти, в последний раз.

Ремонтирую штамп и злюсь, думаю: неужели трудно улучшить конструкцию? Возишься, возишься, только время теряешь. А что, если... Может, самому попробовать? «Совершенных конструкций не бывает,— вспомнил я слова своего первого мастера,— только дурак может думать, что все на свете совершенно».

На этот раз я возился со штампом долго. Несколько раз подходил мастер, недовольно спрашивал:

— Скоро?

— Подожди!

А сам тем временем напряженно думал: «В чем же дело? Что здесь не так? Почему этот проклятый штамп все время ломается?»

И нашел я наконец слабое звено. Довольный, потер руки, а вечером дома засел за расчеты. Через неделю пришел в заводское бюро по рационализации и изобретательству.

— Вот,— сказал я скромно,— посмотрите, пожалуйста...

Прошло несколько дней, мне дали ответ.

Отрицательный. Я, откровенно говоря, опешил. Как же так? Все вроде правильно. Снова засел за расчеты. Нашел несколько ошибок. Исправил. Выполнил чертежи — и в БРИЗ. Опять отказ. Только в более категоричной форме. Отказали в третий раз, и в четвертый, и в пятый.

У меня опустились руки. Дома ворчала жена:

— Неужели у вас инженеров не хватает? Почему рабочие должны по ночам не спать?

Подливали масла в огонь и ехидные шутки товарищей, только Андрей не оставил меня в беде.

— Надо учиться, друг,— вздохнул он и, взъерошив волосы, улыбнулся.— Без знаний мы ноль. Скоро станки с программным управлением появятся...

— А не поздновато?

Видно, Андрей и сам был не очень уверен. Однако мы засели за науки. Ни дня без учебника — стало нашим законом. Настойчивые, систематические занятия дали свои результаты: мы приобрели знания, достойные инженера высокой квалификации. Здесь, как это ни горько, дороги наши разошлись. Андрею предложили должность инженера, и он уехал на другой завод, а я остался на ВЭФе, не изменил профессии, с которой начал свою рабочую биографию.

— Когда-нибудь ты пожалеешь об этом,— сказал Андрей, крепко пожимая мне на прощание руку,— нельзя стоять на месте. Вперед и только вперед!

Это был девиз нашего детства. Мы расстались, и не знал и не ведал он, что пути наши еще пересекутся.

Шестнадцать отклоненных в БРИЗе предложений числилось на моем счету, когда мне наконец сообщили, что сконструированный мною штамп представляет интерес, но нуждается в доработке. Надежда окрылила! Снова начались поиски. То везло, то не везло. Однако я не сдавался. Думал, чертил, перечеркивал, заново создавал десятки новых вариантов. И наконец!.. Мне никогда не забыть этот день. Сконструированный автомат для штамповки скоб дал сорок восемь тысяч деталей за смену — в шесть раз больше, чем по старой технологии!

За первым замыслом последовал второй. Кончалась рабочая смена, и я с головой уходил в чертежи: искал, находил и снова бросался в поиск, искал еще более совершенные, законченные решения. Мой дом превратился в лабораторию: кульман, стол, заваленный чертежами, ящики с деталями, справочная литература. Чтобы быть в курсе зарубежных новинок, я выучил английский и немецкий языки...

Сейчас на счету моей бригады около двухсот рационализаторских предложений. Двадцать из них признаны изобретениями. Некоторые из наших автоматов по производительности не имеют себе равных в мире. Они трудятся не только на отечественных заводах, но и за рубежом — в Чехословакии, Бельгии, Англии, Германской Демократической Республике.

Современное производство немыслимо без автоматизации. Создание станков-автоматов стало делом моей жизни. Моя работа—автоматы, мой отдых — автоматы, моя мечта — автоматы. Кое-кому такое времяпрепровождение может показаться скучным. Вот, мол, какая односторонность!

Однако ухмылки скептиков меня не смущают! Да, я однолюб. И потом кто это выдумал, что инженер работает головой, а слесарь знай, мол, только гайки точи. Нет! И слесарь должен работать головой. Думать должен. Думать!..

«Окончил двухгодичную строительную профессиональную школу. Работал столяром, крыл крыши черепицей. Позднее перешел на производство к станку. Мой трудовой стаж начался с шестнадцати лет» — это из биографии Сергея Павловича Королева, главного конструктора космических кораблей! Может быть, работая кровельщиком, он впервые увидел огромное небо над головой, задумался о конструкции своей первой ракеты?..

Мне кажется, что я тоже нашел себя. Я слесарь-инструментальщик. Быть им, на мой взгляд, не менее почетно, чем, скажем, летчиком-испытателем или конструктором космических кораблей.

А с Андреем мы еще встретились. И при обстоятельствах довольно-таки необычных. Как-то на наш завод приехали гости из Болгарии. Приехали ознакомиться с нашим опытом. Для друзей у нас секретов нет. Встретить гостей и рассказать им о наших новинках поручили мне. Скрывать не стану: я изрядно волновался, тем более что с иностранцами должен был приехать еще какой-то важный инженер из Москвы. Но вот подходит автобус, и первым из него выскакивает... Андрей. Мы обнялись.

—Так это ты, старина!— говорил Андрей.— А я до последнего сомневался...

— Что? Думал, Вольдемар Буш уже того?..

— Потом,— перебил меня Андрей,— успеем наговориться, а сейчас,— он кивнул на гостей,— показывай свое хозяйство.

В наше время дилетанта удивить чем-нибудь трудно. Скажи ему:«Вчера стартовали на Меркурий»,— он воспримет это как нечто само собой разумеющееся. Другое дело — специалист. Тот сумеет по достоинству оценить твой труд.

В одной из комнат я нарочито спокойно сказал гостям:

— Сейчас мы вам покажем первую в нашей стране квазиэлектронную телефонную станцию.

Современная АТС — размеры ее огромны! Гости оживились, направляясь к выходу.

Вот она, знаменитая квазиэлектронная...

— Ходить никуда не надо,— остановил их мой друг.— АТС тут.

На столе стоял небольшой металлический ящик — блестящий, никелированный, с массой кнопок, ручек, различных приборов.

— Неужели это и есть?..

— Да, да,— подтвердил Андрей,— она!

Наступила немая сцена, достойная гоголевского «Ревизора». Гости стояли, словно парализованные, и по их лицам я понял, что мои друзья — инженеры, техники, рабочие-вэфовцы — совершили подвиг, чудо, и я — чего душой кривить — был ужасно горд, что в этом чуде есть частица и моего труда.

Вечером мы с другом пили чай, вспоминали детство, годы ученичества, радость первых открытий и первые огорчения. Неожиданно Андрей задумался и повел губой. Так он делал всегда, когда был чем-то озабочен.

— Скажи,— спросил он,— тебе предлагали и, наверное, не раз инженерную должность или какой-нибудь высокий административный пост? Как ты к этому отнесся?

— Ну, первый предложил ты,— усмехнулся я, вспомнив наш давний разговор.

— Я лицо неофициальное,— отшутился друг.

— Андрей, ты помнишь нашего первого мастера?

— Еще бы!

— Он говорил: у каждого металла свой голос. Я считаю, что и у каждого человека должен быть свой голос, а вернее сказать, облик. Актер должен понимать своего героя, летчик — ощущать каждый вздох машины, архитектор — видеть дом, который ему предстоит построить, слесарь — чувствовать металл. Моя профессия — это мой голос, моя вершина, на которую я шел долго и трудно. И теперь с ее высоты — только не подумай, что это громкие слова,— я скажу: мне повезло, я нашел свое место в жизни, разговор с металлом мне по душе, и когда я слышу его голос, мне кажется, что я разговариваю с живым существом.

Василий ФЕТИСОВ

Песни первых пионеров

Звонким лесом,
рожью спелой
мы идем,—
то зной, то тень.
Песни первых пионеров
ходят с нами целый день.

Став навеки другом нашим,
все шагает впереди
знаменитый барабанщик
с барабаном на груди.

Он идет и дробь играет,
в дали дальние зовет,—
тот, кто в песне умирает,
тот вовеки не умрет.

Удлинились наши тени.
Все решили:
на привал!
«Тот не знает наслажденья,
кто картошки не едал!»

А попить —
на берег ляжешь,
где река бежит, звеня;
флягу смятую отвяжешь
от широкого ремня—
«Буль-буль-буль, баклажечка
походная моя!»

Слышишь?
Нам с тобой подпели
где-то в роще за рекой:
песни первых пионеров
не уходят на покой!

Продолжают жизнь свою
в поле,
в школе
и в строю!

Ю. МАСЛОВ

РАССКАЗ

Иду на последний круг

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Личное дело... Что оно может рассказать о человеке сорок пятого, сорок шестого года рождения? Он не участвовал в гражданской и не строил Комсомольска, не воевал под Халхин-Голом и не брал Берлина. Полковник перевернул последнюю страничку очередного дела и сердито прихлопнул его ладонью. Стандартные характеристики, однотипные автобиографии: родился, вырос, вступил в комсомол... «Как из инкубатора! — недовольно усмехнулся он. — Надо пощупать».

«Пощупать» на его языке означало провести получасовую беседу.

Ведущий летчик-испытатель опытно-конструкторского бюро, он сам подбирал смену своему поколению. Занятие не из приятных. Все равно что сук под собой рубить. Но что делать, коли возраст поджимает. Еще год-другой и... отлетался. А штурвал должен остаться в надежных руках. Это полковник знал твердо.

Он встал и, подойдя к окну, распахнул его. Школа летчиков-испытателей находилась рядом с аэродромом. Из окна канцелярии была отчетливо видна взлетная полоса. На старте надсадно звенел «МИГ-19». Вот звон перешел в низкий могучий рев — это дали разрешение на взлет. Истребитель, взбычившись, резко рванулся вперед. Секунда, другая... И самолет, задрав свою крутолобую голову, плавно оторвался от земли. Полковник проводил его взглядом, улыбнулся. «Тоже, наверно, инкубаторский». Его скуластое лицо, испещренное густой сеткой морщин, стало не таким жестким.

Полковник взял следующее дело. «Кожемякин Д. А., год рождения 1942, — прочитал он. — Кожемякин... — Полковник задумался, воскрешая в памяти далекое и неясное прошлое. — Да нет, однофамилец, конечно... А может быть?..» В комнату ворвался резкий, монотонно вибрирующий рык четырехмоторного

Девятнадцатого августа мы празднуем День Воздушного флота СССР.

Краснозвездные летчики — герои минувшей войны. Недаром говорят, что победа под Сталинградом и Курском, под Ленинградом и Берлином прилетела на крыльях наших истребителей, бомбардировщиков и штурмовиков.

О мужестве, о любви к Родине, о героизме советских летчиков в годы Великой Отечественной войны этот рассказ. И еще он о том, что нынешнее поколение наших авиаторов крепко помнит подвиги своих отцов. Идет их дорогой.

бомбардировщика. Задрожали стекла. Сморщившись, как от зубной боли, полковник захлопнул окно. Задумался. «Нет. Ошибка». Подойдя к столу, он перелистал дело и, найдя автобиографию, стал быстро читать.

— Точно! — неожиданно вслух проговорил полковник. И прошлое — суровые, горькие годы войны — ожило, приобрело реальность, стало отчетливым и не таким далеким. Он побледнел и медленно опустился на стул. Посидел так минуту, потом взялся за телефон.

— Якимова!.. Павел, ты свободен?.. Поднимись ко мне.

В комнату вошел Павел Степанович Якимов, старейший летчик-испытатель. В школе он работал инструктором.

— Что-нибудь случилось, Борис?

— Знаешь этого парня? — Полковник ткнул пальцем в папку с делом Кожемякина.

— Знаю. А что? Набедокурил?

— Да нет. Расскажи, что за личность?

— Что говорить? Парень как парень. Летает грамотно. Горяч, правда, немного... По молодости.

Павел Степанович задумался, видимо, силясь добавить к этой «обширной» характеристике еще что-нибудь, но, так и не придумав, коротко бросил:

— Хороший парень!

— Все? — подчеркнуто спокойно спросил полковник.

Павел Степанович развел руками.

— Все. А что это он тебя так заинтересовал?

Полковник сцепил за спиной пальцы так, что хрустнули суставы.

— Садись, расскажу. — Якимов сел. — В сорок втором, — начал полковник, — я воевал на Калининском. Кажется, двенадцатого февраля... да, двенадцатого, нам дали задание разбомбить важную для противника переправу.

Вылетели. Нас должно было прикрывать звено истребителей. Пролетели над их аэродромом — они базировались ближе к передовой, — сделали, как положено, пару кругов и легли на курс. Через несколько минут они нас догнали, два истребителя. У третьего, как я узнал позже, не запустился двигатель. Наверное, из-за мороза: было градусов тридцать.

Не успели мы до передовой долететь, один истребитель зачихал — отказал двигатель. Делать нечего, развернулся он и потянул к себе, благо мы еще линию фронта не перелетели. Ну, думаю, плохо дело. Одинокий «ястребок», чем он нам поможет? Да и будет ли еще помогать? Один он имел право и не сопровождать нас. Точно! Смотрю, закладывает вираж и... пристраивается к нам, в хвост к последнему бомбардировщику. Вроде бы как замаскировался.

Не знаю, как у других, у меня просто сердце екнуло. Почти на верную смерть парень шел. Что он один поделать сможет против шестерки, восьмерки «мессершмиттов»? Они ведь тогда в меньшем составе и не летали. Дал я команду своим ведомым смотреть за ним в оба, если будет бой — прикрывать огнем бортовых пулеметов, а если повредят — разомкнуть строй и впустить его в середину и так довести до своего аэродрома.

Перелетели мы линию фронта, взяли курс на цель. Подходим. «Ястребок» висит на хвосте у замыкающего, будто и нет его. Только я подумал: «Пронесло», — как вдруг справа, словно снег на голову, шесть «мессеров». Увидели, что мы без прикрытия, и обнаглели. Спокойненько, как на учениях, идут в набор, входят в боевой разворот и всей шайкой на хвост нашего замыкающего. А истребителя не видят: он совсем залез под пузо бомбардировщика. — Полковник усмехнулся. — Представляешь, как удивился фашист, когда ему точно в брюхо вышел наш истребитель? Он даже на гашетку от испуга забыл нажать... Остальные в панике отвернули. Наш с ходу за ними. Пристроился в хвост к последнему и еще одного на тот свет отправил.

Начался этот сумасшедший воздушный танец.

А мы тем временем уже к цели вышли. Пикируем. От злости попадание одно лучше другого. Переправы как не было. Отбомбились — и домой. На ходу строимся. Оглядываюсь, ищу «ястребок». Нигде не видно... Неужели, думаю, сбили?

Наконец увидел. Он на бреющем фрицев из пулемета чешет, поэтому у них вовремя зенитки-то и не захлопали... Но «мессеры», те наконец опомнились. Да на помощь подоспели еще трое. Двое на нас навалились, а остальные взяли в оборот наш истребитель — не дают ему к нам прорваться. Глянул я мельком в их сторону: не бой, а какой-то дьявольский танец. Думаю: «Милый ты мой, выберемся — расцелую».

Резкой, рассыпчатой дробью зазвенел телефон. Полковник нехотя взял трубку.

— Да... Кого? Здесь. Сейчас дам.

Он передал трубку Якимову.

— Подполковник Якимов слушает.

Через минуту худое горбоносое лицо Якимова неестественно вытянулось. Бросив трубку, он быстро выпрямился.

— Поехали, Борис.

— Куда? — недоуменно спросил полковник.

— На КП. У Кожемякина левая «нога» не выпускается.

— У Кожемякина?! Ты шутишь!

— Какие тут шутки! — вспылил Павел Степанович. — Я его сегодня в первый раз на тяжелой машине выпустил. Командиром!

*

Когда полковник с Якимовым вошли в помещение КП, там было полно народу. Начальник летной части и несколько летчиков стояли в стороне и спокойно, словно речь шла о шахматной партии, обсуждали случившееся.

— Пусть на два колеса садится. Машину гробить не стоит.

— Молодой. Не выдержат нервы, и машину и людей на тот свет отправит... И сам...

— Пожалуй, верно. Черт с ней, с машиной. Пусть на «брюхо» садится. Люди дороже.

— При чем тут дороже! Сам же профессию выбирал. Нам себя надо спасать, только уж если машину спасти невозможно...

Начальник летной части, увидев Павла Степановича и полковника, только руками развел.

— Ну, что скажешь, Павел Степанович, — обратился к Якимову один из летчиков, — твой воспитанник.

Якимов не спеша закурил и произнес:

— Да здесь, по-моему, дело ясное. На данный момент он хозяин положения, ему и карты в руки. Пусть решает. А вообще, я думаю, Кожемякин уже решил... Парень он с характером. Летает профессионально. А ситуации у него и похуже, наверное, бывали: он же до этого в полярной авиации работал.

Начальник летной части недоверчиво покачал головой:

— Посмотрим, посмотрим, на что твои асы способны.

Якимов нахмурился, хотел возразить, но, передумав, молча отошел к окну.

Кожемякин большими кругами ходил над аэродромом, пытаясь выпустить шасси. Безуспешно. Правая и носовая стойки, словно щупальца гигантского кальмара, послушно выползали из своих гнезд, а левая, несмотря на все усилия летчика, оставалась неподвижной.

Полковник быстрыми шагами пересек комнату и остановился рядом с Якимовым. «Эк тебе не повезло! — с досадой посочувствовал он Кожемякину. — Что же делать будешь?»

— Земля, земля, я — 711, я — 711, — хрипловатым тенорком загремел динамик. — Как слышите?

Начальник летной части быстро подошел к микрофону.

— Нормально, Кожемякин. Как дела?

— Да не выпускается, чтоб ей!..

Он замолчал, и с минуту было слышно его прерывистое, приглушенное расстоянием дыхание. Павел Степанович не выдержал, протиснулся к микрофону.

— Кожемякин! Якимов говорит. Что делать будем?

– Сажать!.. Горючее вот только выжгу.

— Да это ясно! Каким образом?

В комнате стало тихо, как в зимнем предрассветном лесу.

— На правое и носовое, — уверенно донеслось из динамика.

Полковник твердо сжал губы, а Якимов, ни к кому не обращаясь, многозначительно рявкнул:

— Вот так-то!

И сразу все пришло в движение. Люди подобрались, как при встрече с опасностью. Каждый старался хоть чем-то помочь терпевшему аварию самолету. Руководитель полетов отогнал подальше от посадочной полосы пожарную и санитарную машины, а сам с выносным микрофоном стартовой радиостанции кинулся к началу полосы: здесь должно было произойти первое касание самолета. Якимов, полковник и еще несколько летчиков присоединились к нему.

Самолет большими кругами ходил над аэродромом. Динамик молчал. Молчали и люди на земле. Всякое ожидание томительно, но ожидание, исход которого может быть роковым, томительно вдвойне.

Наконец раздалось:

— Иду на последний круг.

Все как один моментально вскинули головы.

Машина входила в разворот. Секунда, другая... И вот она уже на прямой, уже заходит на посадку.

Полковник не раз наблюдал, как выкручиваются из сложных положений его товарищи, и каждый раз при этом чувствовал, как неуемно стучит под курткой сердце. Куда проще выкручиваться самому. Никакого тебе сердцебиения. Там надо работать: мгновенно соображать, мгновенно реагировать. А здесь.... Полковник поежился.

Полого снижаясь, самолет быстро приближался. Из-за невыпущенной левой «ноги» он походил на огромное исполинское животное, раненное в смертельной схватке. Перед самой землей Кожемякин четким, точно рассчитанным движением накренил машину в сторону исправной правой «ноги». Колесо мягко коснулось бетона. В ту же секунду плавно опустилось носовое. Накренившись набок, словно приготовившись заложить крутой вираж, восьмидесятитонный красавец птицей пронесся мимо застывших в удивлении людей. Такой классической посадки от Кожемякина не ожидал никто.

По положению элеронов было видно, что летчик бешено, из последних сил борется с креном влево. Но бесполезно. Левое крыло, теряя подъемную силу, неотвратимо опускалось.

Внезапно шум моторов как отрезало. Это Кожемякин выключил двигатели. И вовремя. Крайний левый винт уже бил концами лопастей по бетонке и через секунду, искореженный, словно его пропустили через гигантскую мясорубку, замер в неподвижности. Машина завалилась на левое крыло, плавно развернулась почти на девяносто градусов и, подняв бурое облако пыли, остановилась.

Со всех сторон к ней бежали люди. Полковник вытер вспотевшее лицо. Сразу стало жарко и весело!

*

По дороге на КП полковник молчал, о чем-то сосредоточенно думал. Павел Степанович не мешал ему, шел рядом, тихо насвистывая что-то. Наконец не выдержал:

— Ну, как тебе Кожемякин?

Полковник провел рукой по глазам и посмотрел на Якимова так, как будто впервые его увидел.

— Я думаю, Павел, — медленно, отделяя слова, произнес он, — я думаю, что этот парень способен и не на такое. Он еще покажет, как надо летать!

— Точно! В нем все есть, чтоб стать испытателем, — согласился Якимов. — Слушай, Борис, а какое, собственно, имеет отношение к нему эта история с истребителем, которую ты мне давеча рассказал?

— Прямое... — Полковник коротко вздохнул. — Истребитель в конце концов прорвался к нам. От этого ему, конечно, легче не стало, но мы... Сам понимаешь, от сердца отлегло. В общем, эта свистопляска продолжалась почти до самой линии фронта. И здесь-то все и случилось. Задымил у моего ведомого левый двигатель. Через минуту вспыхнул. Начал он отставать, строй у нас, естественно, развалился. Не успел я опомниться, как, смотрю, откуда-то сверху «мессер» на мой хвост навалился. Ну, думаю, готов. Вжался я в кресло — спинка-то бронированная. Отвернул влево. Вдруг слышу грохот, взрыв. Никак не могу понять, в чем дело. Стрелок мне потом рассказал. Успел наш истребитель перехватить врага, который на меня вышел, да бесполезно: кончился, видно, боекомплект. Ну и врубил он ему в хвост. Протаранил так, что тот на куски в воздухе развалился... Спас он, в общем, меня.

Полковник задумчиво потер переносицу.

— А себя не смог... Выбросился, да эти подлецы зажгли ему парашют. Чем мы тут помочь могли?.. А фашистов таран настолько ошеломил, что они больше к нам не приставали. Перелетели мы линию фронта. Мой ведомый не дотянул... Но мы дошли. Звоню я на тот аэродром, спрашиваю фамилию. Мне отвечают: старший лейтенант Кожемякин Александр Дмитриевич... А этот парень, что сажал сегодня самолет... Его как зовут?

— Дмитрий Александрович, — тихо ответил Якимов.

Миша Николаев — победитель!

Умные руки

А. НЕКРАСОВ

Отчего корабль плавает? Почему самолет летает?

Можно, конечно, отшутиться, сказать что-нибудь вроде: «От берега»... «По воздуху»...

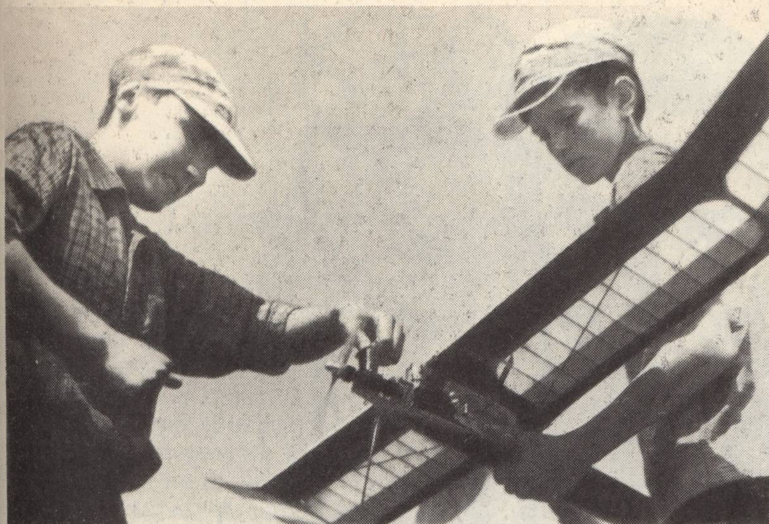
А можно серьезно задуматься над этими нехитрыми на первый взгляд вопросами, попытаться своими руками построить плавающий корабль или летающий самолет.

Это не просто. Нужно запастись терпением. Нужно много труда, много настойчивости, чтобы твой самолет поднялся в небо, а корабль пошел по заданному курсу. Прежде, чем придет успех, будут и огорчения и поражения. Но тот, у кого есть воля, есть стремление к цели, тот непременно добьется победы.

Вот он, корабел-победитель, Миша Николаев.

Посмотри, сколько радости, сколько гордости в его улыбке!

Эта гордость и эта радость не с неба свалились

Сережа Янушевич и Володя Климов, чемпионы Московской области, готовят к полету радиоуправляемую модель самолета.

Фотографии В. ПОСТНИКОВА.

На старте — пилотируемая модель ракетоплана. Главный конструктор — Вова Иванов.

на Мишу. Свою первую победу он заработал трудом, вниманием, упорством.

Нехитрая, конечно, штука — модель подводной лодки с резиновым двигателем. Но и ее нужно построить! Давно ли была эта лодка простым поленом! Брось полено в воду, и оно поплывет. Но поплывет по воле ветра и течения. А маленькая подлодка силой человеческого разума стремительно движется вперед, где положено, погружается в глубину, где положено, всплывает на поверхность. Это уже не просто кусочек дерева, удачно скомпонованный с кусками металла, с винтами, рулями и двигателями. Это сооружение, действующее по законам, которым подчиняются настоящие боевые корабли...

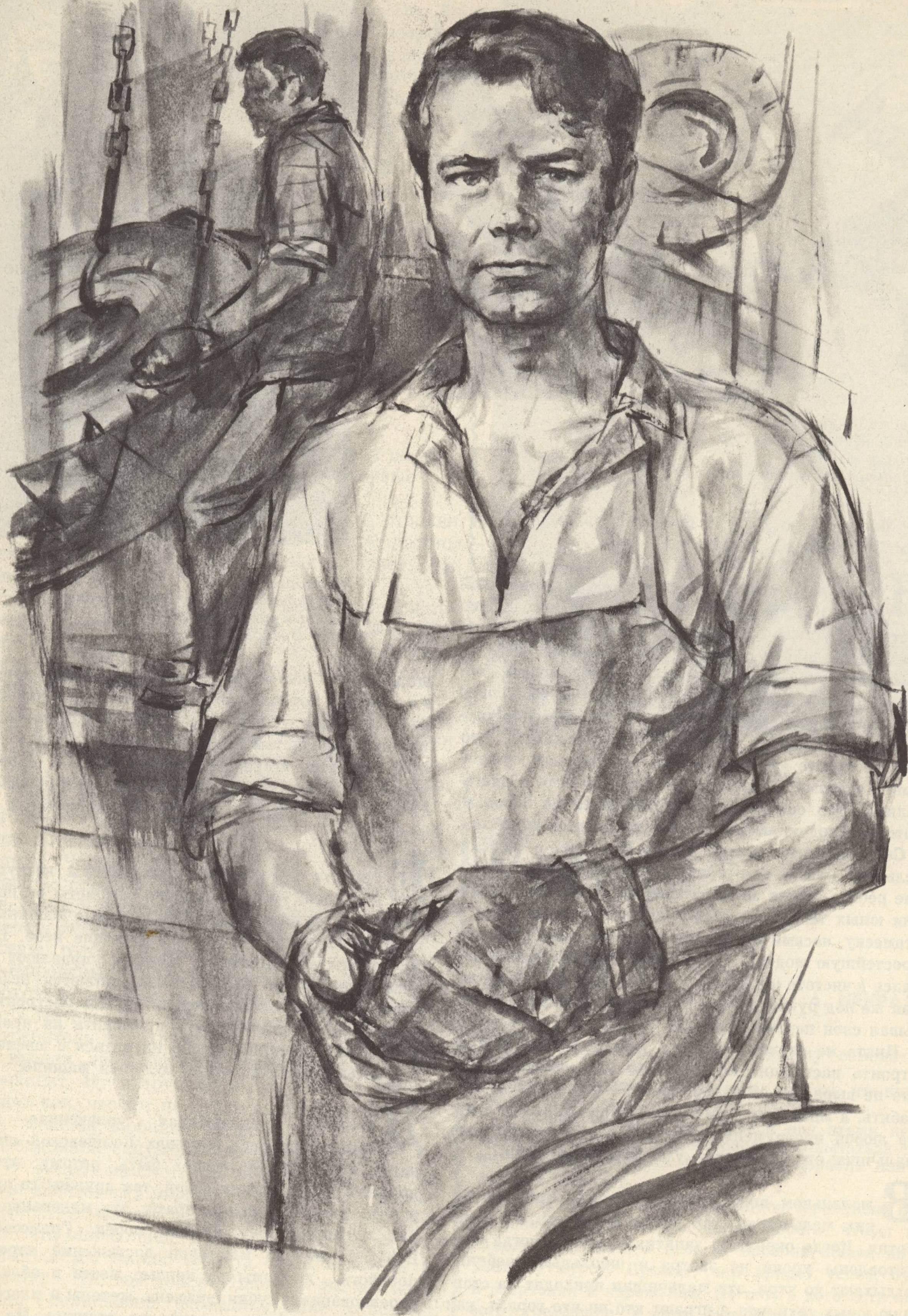
Сегодня пятиклассник Миша Николаев — победитель. Но прежде чем стать им, он так же, как и другие ребята, сидел за верстаком на Болшевской станции юных техников, учился держать в руке пилу и стамеску, часами шлифовал шкуркой свою пока еще простейшую модель, так же внимательно приглядывался к чистоте и плавности линий будущего корабля, так же под руководством инструктора впервые испытывал свой первый корабль.

Никто не скажет сегодня, придется ли Мише строить настоящие корабли. Но уже сегодня ясно, что не вырастет он белоручкой, не умеющим гвоздя забить, а мастером, способным твердо держать в руке любой инструмент. Приглядитесь к рукам этого мальчика: это уверенные, умные рабочие руки.

В маленьком подмосковном городке Болшево таких мальчишек, как Миша Николаев, не одна сотня. Когда окончены занятия в школе, когда приготовлены уроки на завтра и школьные учебники отдыхают до утра, эти мальчишки приходят на станцию юных техников и играют кто во что горазд, как говорится. Одни «горазды» строить корабли. И не только такие, как простенькая подлодочка, с которой мы начали разговор. А и такие, которые, выйдя на водный простор, послушно маневрируют, подчиняясь воле штурманов, по радио с берега управляющих своими «боевыми единицами». Такой корабль в одиночку, конечно, не построишь. Но болшевские юные техники — народ дружный. Когда нужно, на помощь моделистам приходят электронщики и радисты — ребята, «гораздые» разбираться в сложных законах электричества, мотористы, «гораздые» дотянуть, а то и заново построить крошечные моторчики.

Есть тут и будущие конструкторы воздушных кораблей. Их сегодняшние самолеты не больно похожи на современные сверхзвуковые машины, серебряными молниями прочерчивающие небо. Но те же законы аэродинамики, которые управляют летящим реактивным истребителем, остаются незыблемыми и для такой вот модели. Чтобы построить ее, нужно знать, нужно уметь применить на практике эти сложные законы, нужно научиться с ювелирной точностью сочетать детали будущей машины.

Дружная, трудолюбивая, увлеченная делом семья собралась в стенах Болшевской станции юных техников. И, может быть, потому, что так дружны ребята между собой, так дружны со своими руководителями-инструкторами, эта маленькая станция одержала уже немало побед. Грамоты ЦК ВЛКСМ, медали Выставки достижений народного хозяйства, дипломы за первые места в областных соревнованиях, кубки, знамена, жетоны и много других знаков отличия хранит эта станция. Но пуще всех отличий хранит она веру в то, что упорный, настойчивый труд превратит ребят в настоящих людей, в тех, кому завтра открывать ворота в новое тысячелетие нашей эры. ★

Мастер! Нет выше и почетнее этого звания.
Будешь ты слесарем или шахтером, поваром или парикмахером,
инженером или врачом, постарайся стать хозяином в своем деле.

Рисунок С. ТРОФИМОВА.

КТО есть КТО?

А. БИРМАН, доктор экономических наук, профессор

Галактика профессий

Недавно я прочитал в журнале повесть, которая мне очень понравилась. В ней рассказывается о том, как юноша, не поступивший после окончания школы в вуз, мечется в поисках работы. Он становится администратором в парке культуры и отдыха, корректором в типографии, контролером на радиозаводе, но все это оказывается не по нему. И только начав работать фотографом, он обретает душевный покой.

Что ж, муки и смятение героя повести легко понять. Труд в нашей жизни занимает самое важное место. В нем мы ищем моральное удовлетворение, радость, успокоение от огорчений, волнений и бурь, без которых жизнь не прожить.

Правильно выбрав профессию, специальность, человек счастлив. Но беда тому, кто сделал свой выбор необдуманно, безответственно, компании ради или потому, что завод, институт оказались рядом с домом,— его ждут годы неинтересного, скучного труда.

Легко ли найти свой путь в жизни? Нелегко. Последнее издание «Словаря профессий» насчитывает их ни много ни мало 35 550. Да еще внутри каждой профессии есть множество специальностей... Шахтер может быть забойщиком, врубмашинистом, комбайнером. Врач — терапевтом, педиатром, хирургом. Это только так кажется: слесарь и есть слесарь. На самом деле работа слесаря-лекальщика от работы слесаря-сантехника отличается. Журнал, который вы сейчас читаете, делают журналисты. Детские журналисты. Но есть еще журналисты-международники, спортивные обозреватели, театральные критики, репортеры...

Когда начинать выбор?

Ученые провели исследование: выяснилось, что каждый второй выпускник школы не знает, кем он хочет быть. Из десяти человек, поступающих в институт, шесть-семь, как правило, ничего не могут рассказать о своей будущей профессии. Удалось установить, что пятьдесят из ста человек получают сведения о профессии от родителей, двадцать шесть — от учителей, двое-трое — от шефов, остальные из «прочих» источников. А сами? Сами школьники ведут разведку в стане «профессия»? К сожалению, почти не ведут.

Ты учишься в шестом или седьмом классе. Может быть, даже в пятом или четвертом. Не рано ли мы начали этот разговор? По-моему, самое время поговорить сейчас, чтобы все хорошо обдумать и не торопясь подготовиться. Речь-то идет о выборе главного дела всей твоей жизни!

Как выбирать?

Мы живем не в безвоздушном пространстве. Мы живем в реальных условиях: в определенном месте, в определенное время. Тем, кто сейчас сидит за партой, безусловно, интересно знать, какие профессии больше всего будут нужны в 1980 — 2040 годах. Может быть, ты удивишься: разве это уже известно? Известно. Мы живем в стране, где народное хозяйство ведется по плану, и наши сведения о профессиях, необходимых хозяйству, не догадки, не фантазия, а реальная действительность.

Мы знаем, что электроника, радиотехника, химия, нефтехимия будут развиваться особенно быстро, интенсивно. Этим областям нашей экономики в первую очередь нужны будут хорошие, знающие специалисты. Промышленность потребует много металлов и сплавов, значит, нам никак не обойтись без геологов и металлургов. Сельскому хозяйству понадобятся не только трактористы и комбайнеры, но и машинисты автоматических линий кормления скота, дойки коров, переработки сельскохозяйственных продуктов.

Научные открытия, изобретения помогут нам скорее и лучше развивать промышленность, сельское хозяйство, экономику страны. Значит, очень нужны нам будут ученые и конструкторы, опытные инженеры и техники.

Интересно и, может быть, неожиданно для тебя, что больше всего людей пойдет работать в сферу быта: в магазины и столовые, мастерские по чистке и ремонту вещей, в гостиницы и пошивочные ателье. В недалеком будущем каждый четвертый выпускник средней школы станет трудиться в сфере бытового обслуживания.

«Не унизительно обслуживать?» — спросил как-то писатель Анатолий Аграновский молодого официанта ленинградского ресторана. «Все зависит от того, как посмотреть на это, — ответил официант. — Я вас сейчас обслужу, кончу работу, приду домой, раскрою «Известия», вы меня будете обслуживать».

Во многих странах престиж МАСТЕРА, специалиста своего дела, очень высок, все равно идет ли речь о металлурге, парикмахере или продавце. У нас пока кое-кто считает, что профессии сферы бытового обслуживания вроде бы второстепенные. Я думаю, такое мнение сложилось потому, что в течение нескольких десятилетий, до войны и после войны, мы сосредоточивали все свои усилия на создании основы экономики — тяжелой промышленности.

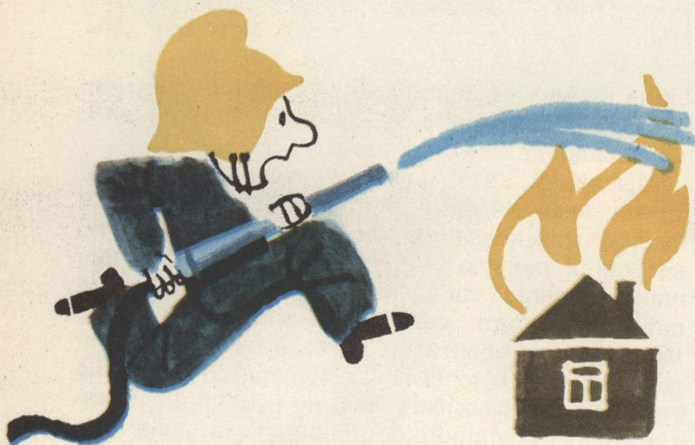
Теперь наступила пора пожинать плоды усилий прошлых лет. Тяжелая промышленность и сейчас основа основ. Но главная задача девя-

той пятилетки — улучшить материальный и культурный уровень жизни народа. Магазины, ателье, поликлиники, столовые становятся тоже передовой линией.

Выбирая профессию, ты не можешь не думать, какая из них сейчас нужнее твоей стране, твоему городу, поселку, селу.

Каждому хочется быть на передовой. Надо понять, что она проходит не только по знаменитым и великим стройкам, но и в рудниках, у прилавков магазинов, в поликлиниках, в лабораториях, в цехах, на фермах.

И, разумеется, важно не ошибиться в себе, в своих наклонностях и способностях.

Что нужно пожарнику? Быстрота и ловкость.

А вуз?

Нечего греха таить, многие школьники мечтают стать студентами. В такой мечте нет ничего предосудительного. Но посмотрим, что скажут нам цифры: в 1966 году школу окончило 2 700 000 человек, на дневное отделение в вузы поступило 874 000, то есть каждый третий. В 1970 году из 4 000 000 поступающих в вузы было принято 940 000 — один из четверых. В 1975 году студентом дневного отделения сможет стать один из шести претендентов. С этими цифрами нельзя не считаться!

Не зеваешь возле аквариума с рыбами и любишь возиться с черепахой из живого уголка... Твоя будущая профессия — биолог.

Трагична ли участь непоступивших? Нисколько. Все они могут работать в той области, которая им нравится, и учиться дальше, повышать свою квалификацию. И материально эти ребята ничего не теряют: квалифицированный рабочий зарабатывает не меньше дипломированного специалиста, иногда даже больше. У нас почетен любой труд, и уважают человека не за то, кем он работает, а за то, как он работает.

Степень пригодности

У всякой профессии свои особенности, свои требования к человеку. Это надо понимать и учитывать, когда решаешь свою судьбу. Медлительность, скажем, противопоказана пожарникам, шоферам, диспетчерам на электростанции, а вот граверу и слесарю-лекальщику она на руку. Тем, кто боится высоты, не стоит идти в монтажники-высотники. Не станет хорошим педагогом человек нетерпеливый, не любящий детей. Не надо готовить себя к работе в горячих цехах или в холодильниках тем, у кого слабые легкие. Человеку суетливому и забывчивому не следует избирать для себя профессию хирурга...

Но...

Косноязычный Демосфен стал прекрасным оратором, хилый мальчик Саша Суворов сумел так закалить свой организм, что никогда, ни в одном тяжелом походе не болел, оглохший Бетховен писал прекраснейшую в мире музыку, Маресьев, трагически лишившись ног, продолжал летать на самолете.

Многое можно преодолеть. Настойчивой тренировкой можно закалить свой организм, укрепить память, развить внимание и наблюдательность.

Ну, а если все же не удалось добиться того, чего хочется? Если не приняли в летную школу или в медицинский институт? Надо еще раз внимательно приглядеться к себе. Природа щедро одарила человека, и у каждого из нас есть склонности и способности к разным вещам. Надо только поскорее понять, что тебя интересует.

Познай самого себя

Познай самого себя! Легко ли? Нелегко, но увлекательно и полезно. С чего начинать? Прежде всего попытайся установить, к какой области человеческих знаний и умений испытываешь особый интерес. Нравятся исторические книги или они навевают скуку? Предстоящий урок математики вызывает радостное ожидание или дрожь в коленках? Приятно возиться с ежом, черепахой, аквариумом или надоело на третий день? Умелые у тебя руки или всякая работа, как говорится, валится из рук?

Ну, а если ты все еще не знаешь, к чему у тебя особый интерес? Снова приглядывайся к себе, ищи свое «я».

Бывает, и очень часто, что человек вроде бы запутался: и шофером хочется, и учителем не-

плохо бы, и спортивным тренером можно... Что ж, надо разбираться, пока все не прояснится. Другого выхода нет.

Но вот наконец ты решил, чем хочешь заниматься в жизни. Теперь надо объективно и сурово подумать и решить, есть ли у тебя способности к этому.

Из десяти девочек по меньшей мере три полагают, что они призваны быть кинозвездами или прима-балеринами. Я посоветовал бы им попробовать свои силы в драмкружках, в хоровых и балетных студиях. Если все хорошо получается, надо готовиться. Если не получается, трезво оценить свои возможности и не строить воздушных замков.

Я много лет назад мечтал стать шофером. Попробовал сесть за руль, и выяснилось: глазомер никуда, реакция замедленная. «Пока вы спохватитесь что-то предпринять, человек погибнет у вас под колесами», — мрачно пошутил тот, кто пытался учить меня водить машину. Наверное, хорошо, что я рано понял: не гожусь в шоферы.

Познать себя тебе помогут кружки и клубы в школах и Дворцах пионеров, станции юных техников и юных натуралистов, олимпиады и конкурсы. Очень полезно собрать группу ребят, интересы которых совпадают. Среди родителей, учителей, шефов всегда найдутся люди, которые охотно займутся с ребятами, познакомят со своей профессией, помогут побывать на предприятиях, организуют встречи с мастерами производства.

Я знаю, во многих городах ребята с помощью взрослых создали свои школьные заводы, фабрики, цеха. Там идет настоящая работа, выполняется план, ребята на практике знакомятся с тем делом, которое потом станет для них основным. Детские железные дороги дали стране тысячи квалифицированных машинистов, диспетчеров, начальников станций. Ученические производственные бригады вырастили прекрасных специалистов сельского хозяйства.

Ты и твоя страна

Как-то в Москву приехала молодежная туристская группа из-за рубежа. Знаете, что больше всего поразило ребят? Не догадаетесь! Нет, не метро (хотя оно им очень понравилось), не Останкинская башня. Объявления: «Требуются...» У каждого завода доска с объявлениями: «Требуются...» Один из гостей подумал, что объявления для вида. Русский язык он знал, владел специальностью токаря. Стал ходить по заводам, наниматься на работу. Во всех отделах кадров ему говорили: «Приходи оформляйся...» Вот что поразило иностранцев.

Забота нашей партии и Советского правительства о человеке начинается еще до его рождения. Каждый в нашей стране обеспечен квартирой, одеждой, обувью, медицинским обслуживанием, работой. Твое дело — выбрать профессию так, чтобы самому было интересно и стране приносить пользу.

Забывчивых и рассеянных хирургов не ывает.

Если самая интересная книга для тебя та, в которой формул больше, чем слов, то, может быть, математика — твое призвание.

У шофера хороший глазомер и реакция, как у боксера.

БОЛЬШАЯ ВОДА

А. БОРИСОГЛЕБСКАЯ

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

Бешеная

Весной, в половодье, постояла я на берегу Амударьи, и голова начала кружиться. Так стремительно мчится вода, пенясь и клокоча, закручиваясь кольцами. Кажется, что вода взбесилась. «Дейхун» — «Бешеная» — прозвали туркмены свою главную реку.

Когда Бешеная вырывается из берегов, она смывает дома и деревья, ломает телеграфные столбы. Несколько раз на своем веку Амударья покидала прежнее русло и прокладывала себе новую дорогу.

Ладонью я зачерпнула воду из Амударьи — вода оказалась мутной: в ней плавали маленькие лохматые кусочки ила. Река переносит ил на огромные расстояния. Он оседает на дно — один слой, другой, третий, получается пробка: Амударья сама запирает перед собой дорогу. А вокруг — пески, через них легко пробиться, и река размывает берега, ныряет в пески, идет новым путем.

Старые русла

Посмотри на карту. Амударья рождается в горах Памира и, стремительно падая вниз, несется к Аральскому морю по самому краю Каракумской пустыни. В Аму столько воды, а рядом — огромное пространство сухой, раскаленной, безжизненной земли — пустыня. Много десятилетий ученых занимала мысль повернуть часть амударьинской воды в пустыню, направить ее по старым руслам, построить канал.

Ученые знали: пустыня только кажется мертвой. Этим почвам нужна вода, много воды, и тогда они станут плодородными, и тогда появятся здесь поля, и сады, и огороды...

Серебряная нить

Строить канал начали в 1954 году. Давай проследим его путь по карте. Начинается он на юге, у Келифского узбоя, там, где прапрапра-Амударья оставила след в земле. Древнее русло строители расчистили и расширили, продолжили его новой, специально для канала проложенной дорогой: через реки Мургаб и Теджен, к Ашхабаду.

Я прошла, проехала и пролетела весь этот путь и все время видела канал совершенно разным. С борта самолета он кажется тонкой серебряной нитью на золотой, нет, вернее, на рыжей земле. Как-то мы ехали на машине, остановились помыть ее у небольшой речушки. Я спросила, что за речка. Шофер обиделся: оказалось, это Каракумский канал. Через несколько дней я вышла на берег довольно большого озера. Берега его заросли густой травой, ветер рябил воду. Молодой паренек шестом управлял лодкой, гнал ее к зарослям, чтобы заготовить травы. Он сказал мне, что это озеро — тоже канал. На пути трассы оказалась глубокая впадина, вода Амударьи заполнила ее — образовалось озеро. Но большей частью канал похож на полноводную реку, которая ножом режет сухую, горячую землю, покрытую песчаными холмиками, напоминающими морские волны.

Память

Строить канал было трудно, и жить в пустыне, среди песков, было трудно. Жаркий ветер рвал палатки, обжигал лицо и руки, носил по брезентовому городку немудреное снаряжение. Воздух, нагреваясь от раскаленной земли, столбиками поднимался вверх, тащил за собой песок, носил песчаные вихри. Песок хрустел на зубах, слепил глаза, саднил кожу.

Нужно было пройти по пустыне восемьсот сорок километров, вырыть и расчистить бульдозерами траншею, землесосами выбросить на поверхность тысячи кубометров грунта, чтобы траншея стала глубокой...

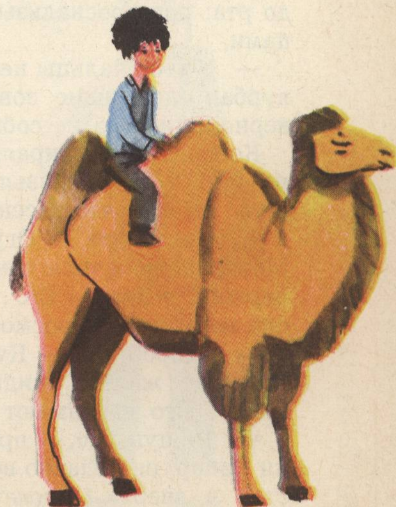
Вдумайся: восемьсот сорок километров по пустыне! И ты поймешь: канал — это памятник мужеству, мастерству, непреклонной воле и великому желанию принести пользу людям.

Ни один канал в мире не строился так быстро, как Каракумский. В пятьдесят восьмом вода Амударьи пришла в реку Мургаб, а еще через два года — в реку Теджен. Раньше тут говорили, что Мургаб и Теджен похожи на вены в теле земли, которые время от времени теряют всю кровь. Амударья сделала эти реки полнокровными, и вместе с водой канала они напоили тысячи гектаров земель.

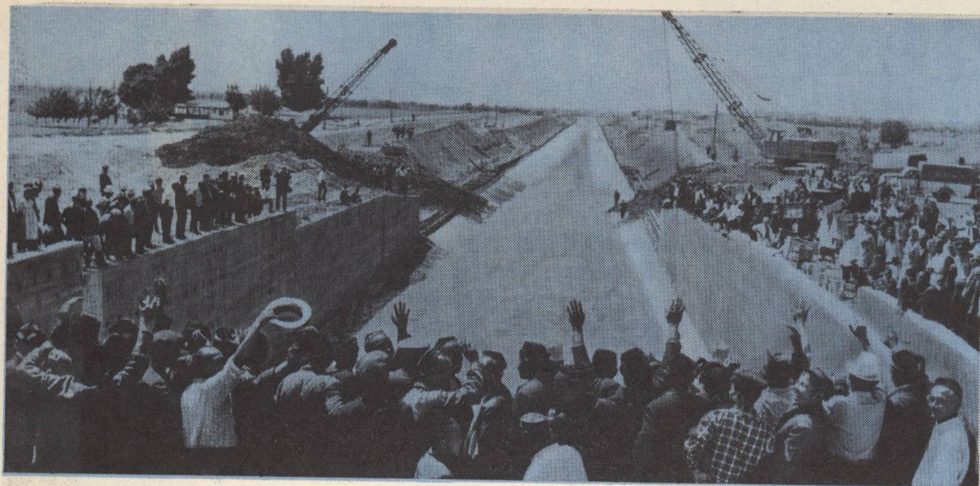
Ребята, с которыми я встретилась и подружилась в совхозе «Москва», сказали мне: «Раньше у нашей пустыни был только один цвет — желтый. А теперь, особенно осенью, пустыня многокрасочная, яркая, как цветной ковер. Хлопчатник — белый и розовый, яблоки — красные и оранжевые, дыни — зеленые, виноград — бордовый».

Я подумала: все эти яркие краски — тоже память о строителях. И совхозы, которых раньше не было. И пляж на водохранилище около Ашхабада! В этом городе никто не умел плавать, тут питьевой воды всегда не хватало. Памятники бывают разные. Мне думается, магазин рыболовных принадлежностей в Ашхабаде — прекрасный памятник людям, которые привели в город реку, наполнили ее рыбой!..

Как-то встретился мне на канале поселок Ничка. «Ничка» — по-украински «ночка». Я спросила: откуда тут украинское название? Оказалось, канал в этих местах строили украинцы. Поначалу поселок имел другое имя — Инче. Так называли по-туркменски колодец. Наверное, непривычным оказалось это сло-

На «корабль пустыни» не надо брать билет. Если сумеешь усидеть между его мягкими горбами, он отвезет тебя, куда захочешь.

Затихли уставшие краны, замерли в ожидании люди, еще секунда... и по сухому руслу канала хлынула вода.

во для украинцев. Или, может быть, среди жары и зноя часто вспоминались им прохладные, душистые ночи Украины — переименовали поселок. И остался он памятью о тех временах, когда люди из всех братских республик приехали в Туркмению строить канал, который был так необходим туркменскому народу.

Поэма о хлопке

Из каждого путешествия обязательно привозишь что-нибудь на память. Я не люблю открыток с видами: они какие-то холодные и чужие. Другое дело — черепок или ракушка... Они хранят память о местах, в которых побывал, о людях, с которыми встретился. Из города Байрам-Али я привезла коробочку хлопка. Она сломана. Половина панциря отваливается, и из самой сердцевины выглядывает ослепительно-белое, нежное, мягкое волокно. Я пристраиваю отломившийся кусочек на место и вспоминаю ребят Тагановых.

Мы сидим вокруг большого блюда с пловом. Сложив пальцы лопаточками, они ловко подхватывают рис, а я никак не могу донести его до рта: рис проскальзывает у меня между пальцами.

— У тебя пальцы нецепкие, — говорит Огулькурбан (домашние зовут ее Кубой). — Ты, наверное, никогда не собирала хлопок.

Конечно, не собирала. Я и видела его только на ВДНХ. Тут друзья мои ужасно обрадовались: им есть что рассказать о хлопке!

— Поглядите. — Огульмарал (по-домашнему Маралка) вскочила с места и принесла кусочек черного мыла. — Его делают из хлопка. — И она внимательно посмотрела на меня: поверила?

— Попробуйте. — Куба протянула мне бутылку с желтой жидкостью. — Это хлопковое масло. Его выжимают из хлопковых семян.

— Пощупайте, — предложил человек по имени Сапар, он недавно вернулся из кино и теперь, стоя в дверях, внимательно прислушивался к разговору. Он протянул мне горсть жмыха, который принес откуда-то из-за двери. — Этот жмых — то, что остается после переработки хлопка. Им кормят животных.

Маралка тем временем вытащила из шкафа новое платье.

— Нравится? Оно тоже из хлопка.

Используя все свои органы чувств, я нюхала, щупала, смотрела, лизала, но главное, слушала. Слушала поэму о хлопке.

Вода из канала приходит на поля, которые арыки делают похожими на противни. Маленькие земляные бортики задерживают воду. Она должна хорошо промыть просоленную почву — только в чистую землю можно опустить семена хлопка.

Огулькурбан (Куба) приседает на корточки, складывает руки над головой, и они извиваются, тонкими змейками ползут вверх — так, считает Куба, пробиваются из земли первые темно-зеленые ростки хлопка.

Потом Куба оттягивает назад свою толстую иссиня-черную косу и мчится по комнате, рыча и пофыркивая. Кажется, я начинаю понимать: это в небе появился самолет. Он опрыскивает ростки хлопка специальным раствором, чтобы листья скорее опали и не засоряли белое волокно. Бе[illegible]чное волокно собирают комбайны. А р[illegible]и, нежнейший хлопок комбайны собирать пока не научились, он ждет человеческих рук спорых и заботливых...

Столько воды там, где раньше были желтые пески...

Маралка ждет момента, когда и она сможет вставить слово:

— Мы тоже идем на поля, все ребята, все отряды. На поле выходим не очень рано, часов в десять, когда солнце росу высушит — хлопок должен быть сухим. У всех девочек большие платки. Ими закрывают все лицо, только для глаз оставляют щелочку: солнце жжет, словно ножом вырезает морщины...

— Ну, положим,— перебивает Куба,— во время работы обо всем забываешь. Платок развяжется, ну и пусть, некогда останавливаться: мы соревнуемся.

— Хлопок мы собираем в фартуки,— снова продолжает рассказ Маралка.— Каждую секунду бережем... А я иногда все-таки оглядываюсь назад: интересно знать, не догоняет тебя кто-нибудь? И тогда хорошо видно, как мелькают по полю разноцветные платки. Вдруг раз — и исчезло одно яркое пятно, как будто провалилось сквозь землю. Это значит — кто-то из ребят арбуз нашел или дыню. Ничего лучше не придумаешь: найти в жару арбуз. Он такой сочный, сладкий, прохладный.

— Маралка,— говорит Куба, вероятно, чтобы я не подумала, что ее сестра бездельница,— сдает в день сто — сто десять килограммов хлопка. Ей даже в совхозе платок подарили за хорошую работу.

— Ну, Куба...— останавливает сестру Маралка. Ей неловко. Ей кажется, что Куба хвастает. А на самом деле Куба просто Маралкой гордится. Я заметила: все ребята Тагановы умеют ценить труд. С удовольствием показывают они свой ухоженный сад, водят по кухне, сложенной Сапаром, которому помогали все братья и сестры. Это не бахвальство: люди радуются хорошей работе, умению.

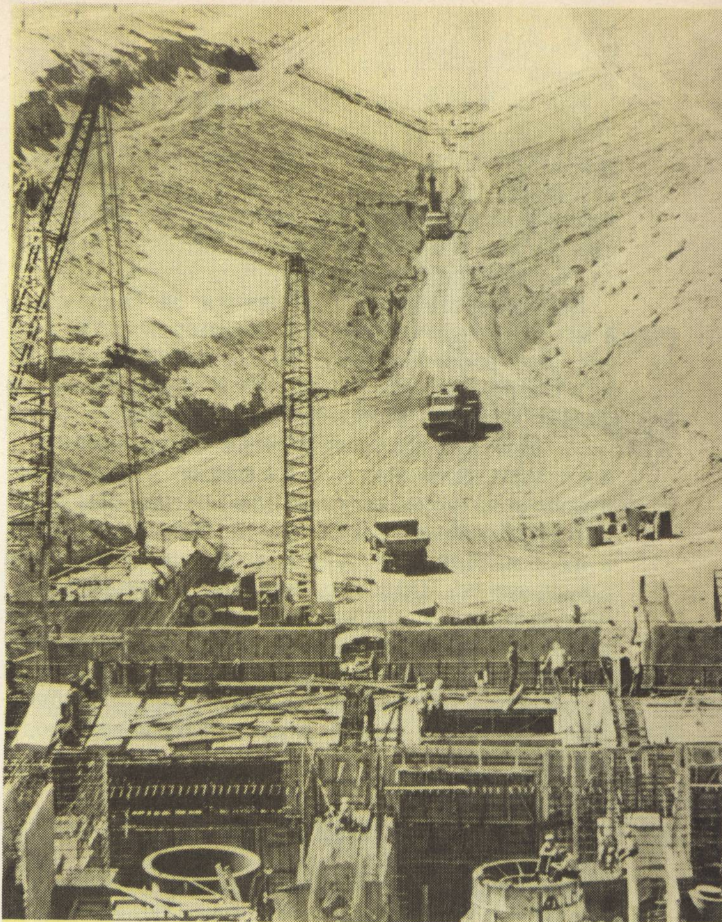
Как-то неловко хвалить людей в лицо. И я не сказала, что мне они очень понравились. Я теперь говорю, что очень их уважаю за то, что не стали превращать свою жизнь в ожидание будущего. А уже сейчас, в детстве, многое умеют и, главное, научились уже приносить пользу людям и земле, на которой живут.

Верблюды Анаклыча Егенлиева

Может, мне просто не повезло, но все верблюды, которых я видела в зоопарках, были какие-то унылые. И горбы у них печально валились на бок. В Сакарчаге, на окраине Мургабского оазиса, я поняла, почему их называют «кораблями пустыни».

Медленно и степенно плыли они мимо нас, чуть покачиваясь на красивых длинных ногах. И шеи их, как мачты, устремились ввысь, легко поддерживая горделивые головы с застывшим на мордах брезгливым выражением.

— Хотите на верблюде покататься?— предложил мне Анаклыч Егенлиев. И, чувствуя мои

Задвигались, зарычали большие, сложные машины — началось строительство новой линии канала.

сомнения, успокоил:— Я самого спокойного пригоню...

Не дожидаясь ответа, он дернул лошадь за поводья и понесся к верблюдам. Анаклычу семь лет, но он сидит в седле, как приклеенный, Анаклыч говорит, что он помогает отцу-чабану, сколько помнит себя.

С трудом забралась я на верблюда, примостилась между горбом и хвостом и трусливо стала оглядываться по сторонам. Границы пустыни расширились передо мной. Еще раз я подумала, что песчаные холмики, по которым пробегает ветер, напоминают морскую зыбь. Песчаному морю

Чем больше хлопка в фартуке у Огулькурбан или Огульмарал, тем больше разноцветных платьев для девчонок всей страны.

не было конца и края. По этому морю плыли верблюды, жевали белый саксаул и капали слюной.

Все вокруг было очень красиво, но на верблюде сидеть мне казалось страшно, и я поскорее спустилась вниз. Мой смирный верблюд надменно передернул горбом и даже не повернулся в мою сторону. Я заметила, что клок шерсти на его боку буквально на ниточке держится, не удержалась и отщипнула его на память.

Верблюд степенно отправился за саксаулом, а мы с Анаклычем стали разговаривать. Он сказал, что работы у него много, особенно зимой. Если верблюжонок рождается в холод, его надо сильно беречь, чтобы не простудился.

— Целый день тогда я бегаю за саксаулом, — рассказал Анаклыч. — Саксаула надо много, чтобы и на ночь хватило для костра. Мы с отцом верблюжат у огня греем. Есть захотят — я их к матери подвожу, а потом снова у костра пристраиваю. Присесть некогда. Верблюд должен вырасти сильным, здоровым — летом ему далеко по пустыне идти. Слабый верблюд, тот, у которого горб на бок валится, тяжелой дороги к хорошим пастбищам не выдержит, погибнет. Для чабана это позор! У нас с отцом верблюды все целы...

Аначары

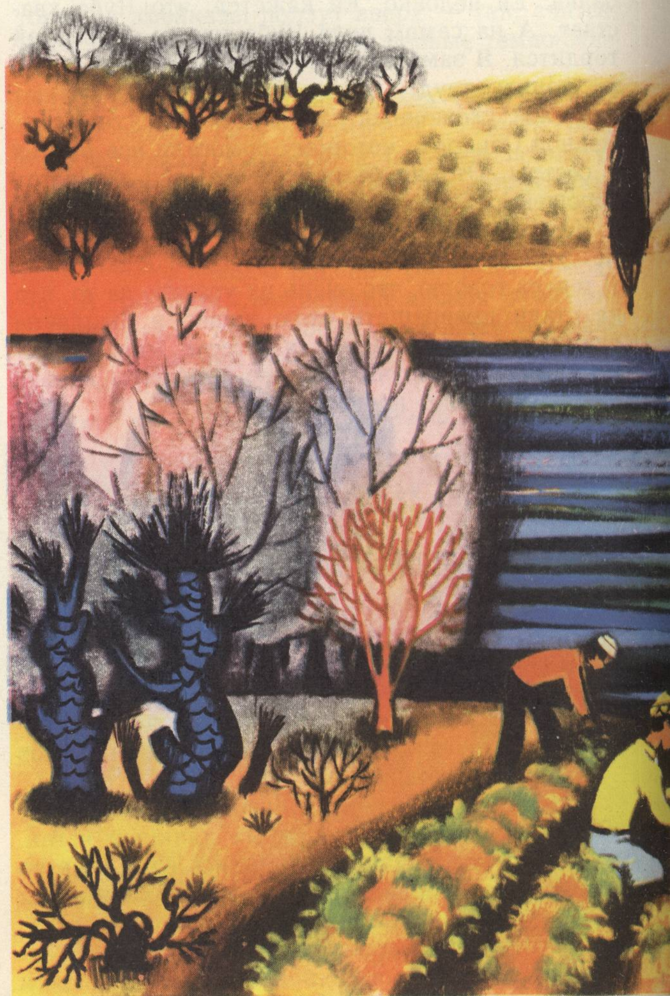
Аначары Реджепов сидел на берегу канала с удочкой и уговаривал рыбу ловиться. Но она не хотела ловиться, и мальчик сердился. Тут подоспела я, похвалила его за единственную рыбешку в зеленом ведре, и Аначары сразу подобрел.

— Хотите половить, — предложил он мне, — берите удочку, а я пока червей накопаю.

Я закинула удочку и огляделась вокруг. По обеим сторонам канала раскинулись поля. Ветер принес с полей сладковато-горький аромат...

— Нравится? — спросил меня Аначары, он уже вернулся с червями. — Вы приезжая? Из Москвы? — допрашивал он. — А я здешний, из Ашхабада. В шестьдесят втором году, когда канал пришел к нам в город, я был совсем маленьким. Все тогда строили канал, и мой отец строил. Домой он приезжал только по воскресеньям, и я ненавидел канал, потому что он отнимал у меня отца. Я тогда глупый был. Потом, помню, отец приехал, велел мне как следует умыться, причесаться, сказал: поедем на канал вместе. Я обрадовался. Глаза водой промыл, а шею и руки — это уж было слишком — оставил, как было. Я видел: отец заметил это, но ничего не сказал. Странно! Мы сели в автобус, он моментально заполнился до отказа людьми. Все веселились, шутили, мне перепало несколько конфет... Когда мы из автобуса вылезли, я увидел своего соседа, Сережку Константинова. Он держал в руках бутылку. «А бутылка зачем?» — спросил я. «Для воды, конечно, — удивился моему вопросу Сережка. — Ты что, Реджеп, с луны свалился, не знаешь, что сегодня по каналу пускают воду?» Я не знал. Отец, видно, хотел мне сделать сюрприз. Он повел нас к большому арыку, вдоль которого стояли и сидели люди. И вдруг по арыку понеслась вода. Она неслась быстро, стремительно, и я подумал: словно через голову кувыркается... Все стали кричать, махать руками, обниматься. И я тоже не выдержал и заорал «Ура!». А Константинов нагнулся, хотел набрать воду в свою бутылку, но бутылку течением вырвало из его рук, и она поскакала по воде, понеслась вперед. Тут отец подошел ко мне и говорит: «Ну-ка, подставляй свою неумытую физиономию!» Вспомнил все-таки! Я испугался, что и меня понесет водой, как бутылку, уцепился за отцовскую штанину. А он смеется: «Каракумская вода — самая лучшая в мире». Я зажмурился, а рот забыл закрыть, чуть не захлебнулся. Вижу: Сережка надо мной смеется. Я ему язык показал и говорю: «Зато меня самого первого в Ашхабаде каракумской водой помыли!» Сережка потом мне даже завидовал...

На память о нашей встрече Аначары Реджепов нарисовал мне свой портрет. Вместо лица — зеленое ведро, вместо глаз — две рыбки (мы все-таки поймали вторую), вместо носа — удочку. И подо всем этим написал: «Аначары — вымытый».

След на земле

Ученые, проектировщики, строители много труда вложили в Каракумский канал. Группе строителей была присуждена Ленинская премия.

Теперь строители прокладывают дорогу искусственной реке дальше на запад, к городу Казанджику. Там канал разделится на два рукава: один пойдет к промышленным центрам западной Туркмении, а другой, южный, пойдет к удивительным землям Мешхед-Мессерианской равнины. Когда-то тут были тучные земли. Прогретые солнцем, напоенные реками Сумбар и Атрек, они давали богатые урожаи. В этих местах была высокая цивилизация. На фотографиях, полученных с помощью аэрофотосъемки, видна древняя ирригационная сеть. Она разрушена. Реки Сумбар и Атрек обмелели. Но земли не стали хуже. Как только принесет Каракумский канал воду Амударьи, земли оживут, снова принесут богатые урожаи.

В шестьдесят девятом году комсомол взял шефство над строительством канала. Сейчас на трассе канала Ашхабад — Казанджик и на строительстве Копет-дагского водохранилища идет напряженная работа. Насосы, равномерно дыша, откачивают с будущего дна водохранилища жидкую песчаную массу. Низкие берега огораживают дамбами — земляными плотинами.

Когда дамба готова, ее накрывают водонепроницаемой пленкой, опутывают специальной сеткой и только потом одевают в бетон. Из-за такой крепкой преграды воде не вырваться, даже если это вода стремительной Амударьи.

Я стою на берегу отводного канала, который одевают в рубашку из асфальтобетона. Из-под катка идет пар, и, как в детстве, появляется желание ступить на теплый, податливый асфальт.

Водитель высовывается в окно машины:

— Давай, давай. Я сам такой же. Снег нетронутый увижу — к снегу пятерню приложу. Песок под ногами — на песке отметину оставлю. Все-таки след на земле...

Он смеется: он отлично понимает, что оставляет не только след озорства на земле. Вот она, его работа, — километры и километры траншей, они приведут воду к землям, чтобы сделать их плодородными.

★

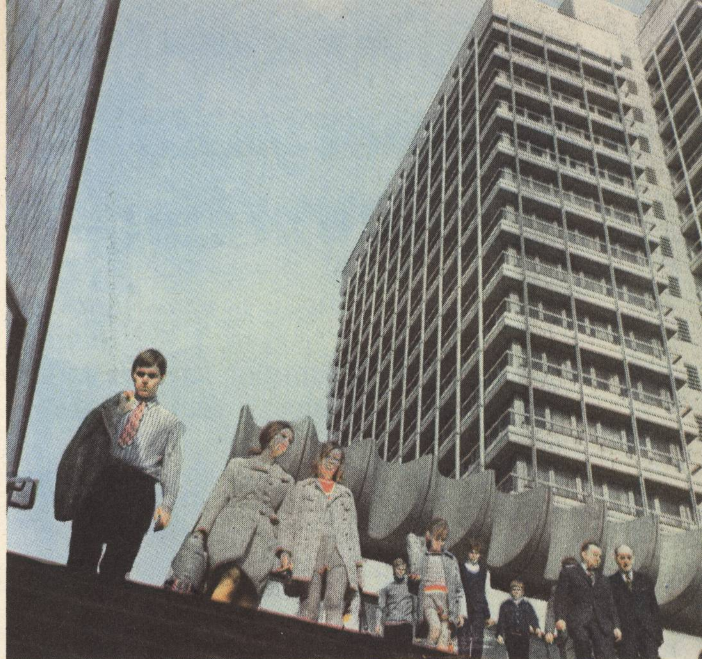
Зачерпнешь ладонью воду из канала — обыкновенная вода. Но эта вода принесла в Каракумы белый хлопок, сладкие дыни, напоила и оживила землю.

МОЙ ДРУГ ИЗ ГДР

Берлин, «Бюро путешествий». Настроение у этих ребят отличное. «Будем дружить!» — вот девиз современных путешественников.

Синий галстук

Вся наша семья дружит с семьей Долгенер из города Шверина. Мы знаем, как сдают экзамены в техникуме близнецы Рита и Хейнц, какие отметки у учеников тети Адельхейд, которая преподает в школе русский язык, как дела на заводе у дяди Отто... Мы никогда не забываем поздравить их с днем рождения, а они всегда поздравляют нас.

Самая младшая Долгенер — Урсула часто присылает мне значки, сувениры, книги... Но я не складываю все это к себе в ящик письменного стола, а устраиваю в нашем классе выставки. На торжественные сборы нашего отряда я с гордостью иду в синем галстуке. Это галстук Урсулы.

Карина Абдурахманова,
г. Резекне, Латвийская ССР.

Город живет Праздником. По улицам весело шагает фестивальная реклама.

Берлин, Трептов-парк, Памятник советскому воину-освободителю. Здесь побывали многие участники фестиваля.

◀

Словно ракета, в небо взвилась знаменитая берлинская телебашня. Церковь рядом с нею просто карлица! А башне далеко-далеко видать — иные страны и города. Хорошо дышится — над Европой вольно летит ветер мира!

Прогулка по Лаутеру

Когда я читаю в классе письма Евы-Марии, ребята не верят, что эти письма пришли из ГДР. Так здорово Ева-Мария знает русский язык.

Она живет в Лаутере, городе остроконечных крыш, цветов и деревьев. Иногда в письмах мы отправляемся с ней в путешествие по Лаутеру. Она показывает мне самые красивые улицы, знакомит с людьми, которых мы встречаем по пути. Мы останавливаемся возле школы поговорить с ее одноклассниками, заходим в аптеку, где работает мама Евы-Марии; в детском саду играем с ее младшей сестренкой. Кротко и внимательно выслушиваем все, что говорит нам старшая сестра Евы, и украдкой смотрим на часы. Потому что больше всего на свете мы с Евой-Марией любим ходить в кино. Особенно на мультфильмы. Скоро начало сеанса, и мы бегом бежим к кинотеатру.

Евина мама беспокоится, что от частого посещения кинотеатров у нас разболится голова. Но мультфильмы — наша единственная слабость... Если не считать мороженого.

Таня Филиппова,
г. Касан, Узбекская ССР.

Единица

И огорчилась же Наташа Истрати, когда прочитала в письме от Сильвии Мюллер, что та получила в школе единицу. Наташа у нас учится лучше всех, и единиц у нее никогда не бывает. Потом оказалось, что единица в ГДР — лучшая оценка.

Иногда у нас случаются такие смешные ошибки оттого, что мы еще мало знаем друг друга.

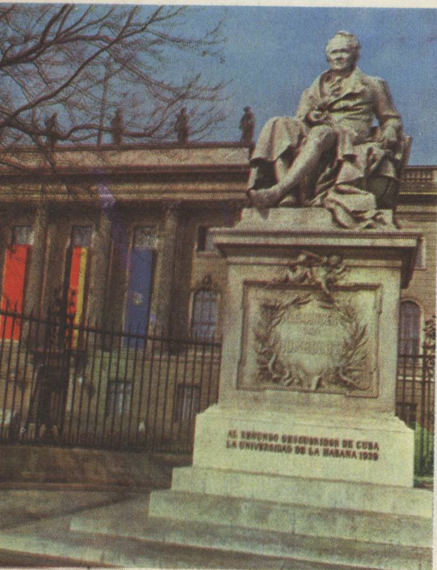
Пирна, старинный немецкий город, где живут горняки и текстильщики, находится очень далеко от нашего города Леово. Но Наташе это не мешает дружить с Сильвией, а Сережа Тищенко переписывается с Хайком Кохом, оба они настоящие спортсмены, и их любимая игра — баскетбол. Зоя Юрчак подарила нашей школе двух шиншилл — она выращивает кроликов, а ее друг Ханс Норкут помогает отцу-шахтеру. Еще они коллекционируют марки и все время ими обмениваются.

Ошибок у нас в письмах все меньше и меньше. Наверное, скоро их не будет совсем.

Ребята из Клуба интернациональной дружбы,
г. Леово, Молдавская ССР.

Шагаем по Унтер ден Линден — любимой улице берлинцев. Вот Университет, здесь учился великий Маркс. Это театр Максима Горького. А прекрасное, словно хрустальное, здание (средняя фотография) — Министерство иностранных дел.

Фотографии А. ШПИКАЛОВА.

КУБА

Тем, кому от четырнадцати до двадцати

Вечереет. Кончается огромный и шумный фестивальный день. Где только не побывали эти ребята!.. На митинг успели? Успели! На концерт сходили? Конечно! На стадионе были? Да неужели нет?! Теперь сидят — отдыхают. Головы их полны впечатлений. Блокноты полны адресами друзей...

КУБА (его настоящее имя Курт Бартель, он родился в 1914 году, умер в 1967-м) был любимым поэтом молодежи Германской Демократической Республики. Стихотворение, которое ты прочтешь на этой странице, Куба написал в 1950 году. Стихи эти обращены к участникам Третьего Всемирного фестиваля молодежи и студентов, который так же, как и нынешний, проходил в Берлине.

Будь я сегодня парнем
четырнадцати лет,
я галок не считал бы,
нет, я учиться стал бы!
Какое это счастье —
ученья звездный свет!..
...В четырнадцать, ребята,
я подмастерьем был.
Познал пинков немало,
жестоко мерз, бывало,
и в темноте подвала
науки проходил.

Когда бы мне пятнадцать
исполнилось годков,
я книгу взял бы в руки,
глотал симфоний звуки,
смотрел бы на полотна
великих мастеров!..
...В пятнадцать лет я с тачкой
по городу шагал,
брел с нищенской сумою
и летом и зимою,
ступеньки лестниц мóя,
искусства постигал.

Коль шестнадцатилетним
я вновь бы нынче был,
я не сидел бы дома,
а к небу голубому
стремился бы в полете,
моря бы переплыл!..
...В шестнадцать лет иная
досталась мне судьба,
неважные подарки —
гнуть спину за две марки
в удушье кочегарки,
влача ярмо раба.

В семнадцать поступил бы
я в университет.
Эй, сын семьи рабочей!
Мозгами знай ворочай,
штурмуй твердыню знаний —
тебе ж семнадцать лет!..
...А я в свои семнадцать
в кварталах заводских,
весь черный от заботы,
шатался без работы:
гнал кризис за ворота
товарищей моих.

Будь вновь мне восемнадцать,
как был бы я богат!
Сквозь горы мудрых книг бы
в марксизма суть проник бы.
Друзья! Ведь это значит
открыть бесценный клад!...
...Я, нищий, в ваши годы
в кромешной мгле ночей,
как по степи безводной,
шел по стране голодной
с надеждою бесплодной
на щедрость богачей.

Себе я в девятнадцать
сказал бы: «Не тужи!
Товарищ! Жизнь прекрасна,
но зло еще опасно,
так в Армии Народной
поди-ка послужи!..»
...Мне было девятнадцать,
когда фашизм сдавил
страну в своих объятьях.
На плахе гибли братья.
А я шептал проклятья
и... безоружен был.

Будь мне сегодня двадцать,
я знал бы, с кем идти.
Веселыми рядами
пошел бы в ногу с вами,
которым от четырнадцати
и до двадцати.

Перевел с немецкого Лев ГИНЗБУРГ.

ЖЮРИ

Жюри совсем было собралось поздравить всех участников ФЕСТИВАЛЬНОЙ ВИКТОРИНЫ с окончанием долгой и упорной работы, но тут в редакцию пришло письмо:

«Отнесла на почту альбом с ответами, и сразу стало грустно. Так хорошо было сидеть в библиотеке, копаться в книгах! Какой счастливой я возвращалась домой, когда находила ответ! И вот все кончилось». Так написала нам Галя Семенова из Йошкар-Олы. Что ж, во всякой радости, даже радости победителей, есть немного грусти. Нам тоже грустно. Мы привыкли каждый день получать от вас письма:

«Записалась в три библиотеки и два читальных зала, причем одна библиотека взрослая (еле записали). Библиотекари, как увидят меня теперь, сразу предлагают книги о ГДР» (Алена Гущинская, г. Кемерово).

«Каждый день пишу письма в ГДР своей подруге Яне. Советуюсь» (Алеша Афанасьев, г. Горький). «Завела толстый блокнот, ношу его с собой и записываю все, что слышу о ГДР по радио или читаю в газетах» (Уля Козина, г. Алма-Ата). «Полностью ушли в работу. Даже по ночам снится страна ГДР» (Римма Григорьева и Галя Фарахутдинова, г. Верхняя Тура, Свердловская обл.). «Я, словно не дожидаясь решения жюри, побывал в ГДР» (Валера Новиков, г. Москва).

Ответы на вопросы викторины каждый день приносили в редакцию в больших бумажных мешках: четыре тысячи ребят приняли участие в Фестивальной викторине.

Ребята отвечали компаниями по два-три человека и целыми отрядами, от имени Клуба интернациональной дружбы и от своего собственного имени. Некоторые, видно, так торопились, что посылали в редакцию обрывки торопливо исписанных тетрадных листов. С ошибками. Но большинство работ были прекрасные: очень интересные по содержанию и красиво оформленные. Самые лучшие альбомы с рисунками и фотографиями увидит этим летом международная смена Артека. «Пионер» решил устроить там выставку.

Перед жюри встала труднейшая задача: среди лучших работ (их удивительно много) выбрать самые-самые лучшие. Теперь жюри может раскрыть свои секреты.

Среди ответов на первый вопрос жюри отмечало ответы, которые были не только правильными, но и читались как настоящие взволнованные рассказы о судьбе вождя немецкого рабочего класса.

На второй вопрос тоже ребята отвечали по-разному. Некоторые сумели только назвать имя маленького трубача Фрица Вайнека. Другие рассказали о его героическом поступке, вспомнили, что ему посвящена знаменитая «Песня о юном барабанщике».

На судоверфях Ростока в ГДР было построено 32 корабля, носящих имена пионеров-героев. Те ребята, которые назвали имена всех этих кораблей и рассказали о них, получили преимущество.

О флагах ГДР большинство участников викторины рассказывало не совсем правильно. Флаги часто путали. И жюри решило сообщить всем, что первым на последней обложке «Пионера» № 1 за этот год был помещен Государственный флаг ГДР, вторым — штандарт председателя Государственного Совета ГДР, третьим — флаг торгового гражданского морского и речного флота ГДР, четвертым — флаг Национальной народной армии ГДР, пятым — флаг Народного военно-морского флота. Проверь, правильно ли ты ответил?

О новостройках в ГДР большинство ребят написало подробно и интересно. Особенно о нефтепроводе «Дружба», об огромном комбинате стекловолокна, который поднимается в Ошаце, и об атомной электростанции в Райнсберге.

«Троммель», газету немецких пионеров, наши пионеры хорошо знают. Те, кто сумел рассказать об истории газеты, о статьях и заметках, которые понравились, получили высокие оценки жюри.

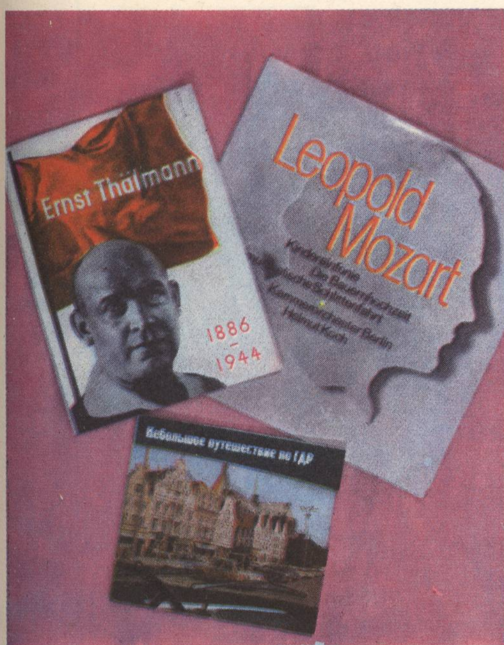
Многие ребята, назвав даты всех фестивалей и страны, в которых они проходили, рассказали немного о каждом из девяти фестивалей молодежи и студентов и о подготовке к десятому — Берлинскому.

На фотографиях почти все участники викторины узнали берлинскую площадь Александрплац и ответили, что автор памятника Ленину на этой площади — Николай Васильевич Томский.

С интересом прочитало жюри рассказы ребят о Союзе свободной немецкой молодежи и о стройках, над которыми Союз шефствует.

Рассказы о друзьях — пионерах из ГДР ты уже прочитал в этом номере. Нам они очень понравились, надеемся, и тебе тоже.

СООБЩАЕТ, НАГРАЖДАЕТ, ПОЗДРАВЛЯЕТ...

Большинство участников викторины правильно написало нам, что международный лагерь пионеров-тельмановцев называется Пионерской республикой имени Вильгельма Пика и расположен на берегу озера Вербелинзее, но были ребята, которые сумели интересно рассказать об этом лагере.

У жюри сложилось такое впечатление, что на двенадцатый вопрос все отвечали с удовольствием и с большим знанием дела. Перечислены все выдающиеся спортсмены ГДР — чемпионы Олимпийских игр. Девочки отдавали предпочтение Карин Янц, мальчики — Вольфгангу Нордвигу.

Как ни странно, о марках ГДР хорошо и, главное, правильно рассказали немногие ребята.

Итак, жюри закончило работу. Победителями стали двести человек. Двести! Все имена невозможно перечислить в журнале. Но все победители получат призы.

СИМЕА (Международный комитет детских и юношеских организаций) наградил победителей дипломами, куклой Викки.

Посольство ГДР в Советском Союзе передало для победителей книги «Путешествие по ГДР», календари с рисунками и фотографиями, пластинки, марки, куклы.

Газета немецких пионеров «Троммель» прислала пластинки, компасы, наборы красок, фотоаппараты, часы, транзисторные приемники и много других приятных и нужных ребятам вещей.

Журнал «Пионер» передал жюри книги о ГДР, об Эрнсте Тельмане, книгу «Будь готов!», выпущенную к 50-летию Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

СЕРЕЖА КОСТОМАРОВ из г. Орла поехал в Берлин на X Всемирный фестиваль молодежи и студентов в составе делегации советских пионеров. Он лучше и раньше других ответил на все вопросы викторины. Жюри учло еще и то, что Сережа — отличник и активист своей дружины.

АЛЛУ МАНТУШЕВУ из г. Москвы доставит в Берлин поезд дружбы.

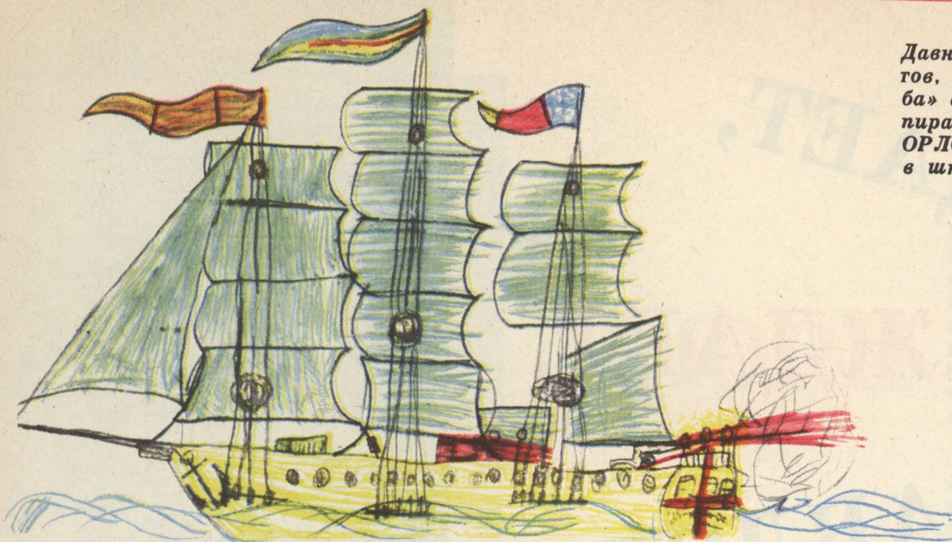
Жюри поздравляет всех победителей и непобедителей! Всем интересно было принимать участие в Фестивальной викторине. И если б на прощание мы составили из всех писем одно большое письмо, оно выглядело бы так:

«Было очень-очень некогда» (Лапин Толя и Симаков Игорь, Курганская обл.), «Столько уроков, а мы еще ходим в художественную школу и спортивные секции» (Плотникова Ира и Новикова Света, Кемеровская обл.), «Для викторины время нашлось. Она очень-очень интересная» (7-й класс «А», школа № 35, г. Сыктывкар), «Хорошо, если бы такие викторины бывали почаще!» (Федорова Наташа, Новосибирская обл.).

«Пионер» выполнит это пожелание — ждите новых викторин!

На борту «Кораблика» гость — «Синий краб».

Синих крабов с серебряными звездами на спине, наверное, на самом деле нет. Просто как-то раз именно такой краб приснился одному мальчишке. И мальчишка загрустил: хочется ему отыскать удивительного морского зверя. «Да зачем он тебе?— удивляются приятели.— Суп из него не сваришь, в аквариум не посадишь». «А ни за чем,— отвечает мальчишка.— Просто так, посмотреть и отпустить».

Эта история — из песенки, которую поют ребята в морском пионерском отряде «Каравелла». Живут они в Свердловске. Морей там нет, но зато озера большие. На своих маленьких парусниках ребята уходят в походы, высаживаются на заросших островах, разводят костры, и тогда-то и начинает звучать песенка о загадочном синем крабе.

Но ребята из «Каравеллы» заняты не только морским делом. Они юнкоры, и им не раз приходилось выполнять задания «Пионера», «Пионерской правды», областной комсомольской газеты «На смену», участвовать в передачах радио и телевидения. А для того, чтобы не «затупились перья», чтобы все время учиться литературному мастерству, юнкоры «Каравеллы» выпускают рукописный журнал. Он так и называется «Синий краб» — в память об этой песенке.

Ребята не только пишут о море, они еще и рисуют море и корабли. Наверное, рисунки у них не такие хорошие, как у настоящих художников, но зато точные, потому что каждый парус, каждую снасть, каждую деталь корабля они знают, как настоящие матросы.

Фрегат на этой странице нарисовал Павлик Крапивин, остальные корабли — Паша Орлов.

Давно уж нет грозы морей — пиратов, но на страницах «Синего краба» они воюют до сих пор. Вот эту пиратскую историю сочинил Паша ОРЛОВ. Паше 14 лет, он учится в школе № 91.

Схватка

С корвета видят
Черный флаг.
Звучит команда:
«Вперед, там враг!»

Бушует море,
Бьет волны о скалы,
Мчатся акулы,
Зубы скаля.

Чуют акулы:
Битва рядом.
Давно не ели,
Покушать надо.

Грохот орудий
Пугает рыб.
Пиратский корабль
Застыл на миг.

Кренится сильно,
Черпая воду,
Но не сдается,
Из крена выходит.

Еще один взрыв...
Ужасный залп.
Пошел под воду
«Черный краб».

*

Илья СТАШЕВСКИЙ, 12 лет.

Светлячок

Летнее чудо — ночной светлячок.
Посланец волшебника — доброго гнома,
Разведчик секретов дебрей лесных.
А тайны хранит он дома.
Лежат они в сундучке у него,
Закрытые замком изумрудным.
Уносит по очереди их светлячок
К местам спокойным, безлюдным.
Им там не грозит разглашения вред.
Живут они, тревоги не зная.
Но исчезают секреты эти,
Со временем вымирая...
И если хочешь, чтоб жили они,
Найди светлячка незаметный след,
Иди по нему к тем далеким местам.
...А дальше решай все сам.

Слава УВАРОВ, учится в свердловской школе № 91, в седьмом классе. Свой рассказ он назвал

Телефон, Нюшка и медведь

Сквозь сон я услышал звонок.

«Кто это в такую рань пришел?» — проворчал я про себя и пошел открывать дверь. Но в коридоре никого не оказалось.

Звонок снова зазвонил, но где-то в комнате. Оказалось, это заработал мой игрушечный телефон, который валялся под кроватью.

Я поднял трубку.

— Алё, алё,— простуженным шепотом заговорила она.

Я удивленно осмотрел трубку, а потом спросил:

— Это кто?

— Нюшка,— ответила трубка, и вдруг из нее донеслись всхлипывания.

— Чего же ты плачешь? — растерянно спросил я.

Трубка просипела:

— Мама сказала, что скоро придет, и ее все нет и нет. А у меня горло болит, и одной очень страшно.

Нюшка снова заплакала.

— Да не плачь ты,— испуганно попросил я.— Хочешь, принесу тебе большого медведя?

— Хочу.

— А где ты живешь?

— Не знаю,— грустно ответила Нюшка.

— Как не знаешь?

Нюшка снова приготовилась заплакать.

— Вот чудачка... Ну ладно, что-нибудь придумаем. Только не реви, хорошо?

— Приезжай скорей. Пожалуйста...

Голос ее прозвучал теперь откуда-то издалека и растаял с тихим звоном.

Ну и дела! Где теперь искать эту Нюшку?

В такой запутанной истории мог помочь только мой друг Семеныч, который жил в соседней комнате.

Я постучался к нему, но никто не ответил. Тут я заметил вверху на двери надпись мелом: «Я в цирке».

В тесном деревянном сарае, где летом проходили цирковые представления, стоял шум и гам. Бегали смешные дядьки с намалеванными лицами. Девушки в балетных пачках ругались с толстой тетенькой, держащей на веревочке маленьких собачек. А лысый дяденька кидал тарелки в мальчишку. Тот, вместо того чтобы рассердиться, ловил их и улыбался.

Семеныча я нашел в полутемном зале, где он вместе с другими рабочими подметал арену. Я схватил его за рукав и потащил в коридор. Там я рассказал ему про странный телефонный звонок.

— Вот незадача,— почесал затылок Семеныч.— Надо что-нибудь придумать.

— Только, пожалуйста, побыстрей! — взмолился я.— Нюшка там совсем одна.

— Понимаешь, представление скоро... Подожди, я сейчас.

Семеныч сказал что-то своим товарищам и пошел со мной к выходу.

— Пойдем искать разнесчастную Нюшку.

Думаете, легко найти девчонку в таком огромном городе? Мы обходили множество дворов, но ничего не узнали про Нюшку.

Тут я увидел на одном заборе смешную рожицу, нарисованную осколком кирпича, а под ней надпись: «Это Нюшка».

— Вот она! — закричал я и от радости замахал руками.

Бедный медведь шлепнулся на землю, и мне пришлось извиниться перед ним.

Потом мы с Семенычем стали кричать:

— Нюшка! Нюшка!

Из окна второго этажа высунулась лохматая, обвязанная шарфом голова.

— Идите скорей сюда,— позвал знакомый хриплый голос.— Мне нельзя долго стоять у открытого окна.

Мы поднялись на второй этаж, толкнули приоткрытую дверь, и я сказал:

— Вот, Нюшка, получай своего медведя.

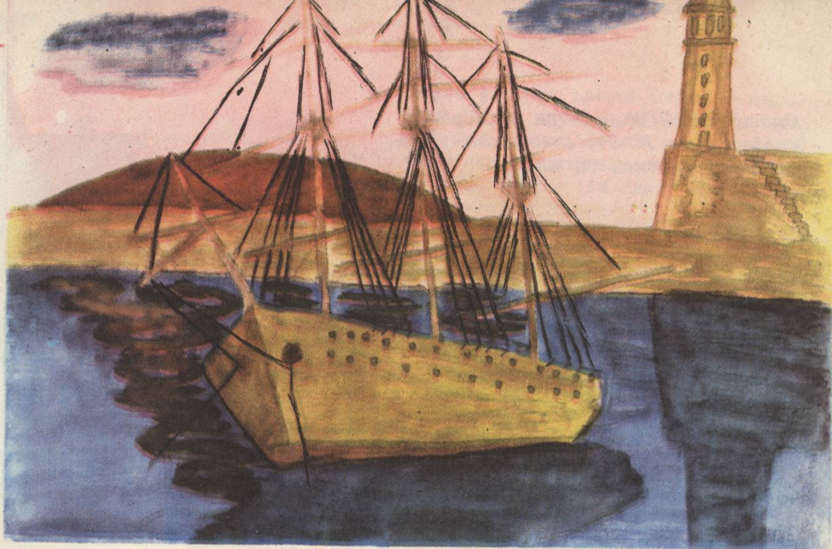
Стихотворение Сергея СОМОВА,
Сергею 13 лет.

* * *

Зажигались звезды
Темно-синей ночью,
В улочках струился
Утренний туман,
В них бросали волны
Брызг седые клочья.
Уходили бриги
Вдаль, за океан.

Много ль тех мальчишек
С думой «бесполезной»
О гудящих вантах,
Стройных клиперах?
Говорят им взрослые
С логикой железной:
«Если есть турбины,
Зачем вам кливера?»

Вверх стремятся люди,
Мчатся вдаль ракеты,
А о ветре знают
Лишь из старых книг.
Кто же помнить будет
Прощальные рассветы?
И встает, как память,
Позабытый бриг...

Сергей ЯЗЫКОВ, 13 лет.

Моя любимая тройка...

Недаром сегодня тринадцатое, да еще и понедельник... Да, сегодня контрольная. И не простая, а за весь год. Как всегда перед контрольной, болит живот да и настроение неважное...

И вот звенит звонок.

А, была не была, спишу у кого-нибудь.

Я сижу с Васькой Аникиным. Это тихий такой парнишка, и мы напридумывали ему прозвищ: «тихоня», «дистрофик», «буба»...

Ему хорошо — он отличник, а я...

— Ты чего размечтался? — громогласно раздался голос учительницы.— Все уже по второй задаче решают, а ты еще даже числа не написал.

— Я чичас,— говорю я, краснея.

— Мария Николаевна, а я уже решил! — кричит троечник Петька Лупцов.

— Ну что ж, решай второй вариант.

Петька чуть ли не хохочет: ведь все равно можно списать у соседки. Он списывает и сопит.

Я беру в руки ручку. Решать примеры неохота... Убежать бы на улицу, побегать, в речке искупнуться!..

— Опять мечтаем? — чуть ли не кричит мне учительница.

Я пугаюсь и лезу под парту. Учительница тоже пугается. Все хохочут. Я вылезаю и стараюсь скрыть улыбку.

— А я второй вариант сделал! — кричит Петька.

— Ох, горе ты мое,— вздыхает Мария Николаевна.— Иди погуляй. Только не бегай по коридору и голову не расшиби.

Дальше урок проходит без приключений. Звенит звонок, а я еще только ползадачки сделал.

Я грызу ручку от досады. Потом со скоростью света списываю задачу у соседа. Что будет, то будет. Может, поставят тройку.

На следующий день говорят оценки.

— Лупцов — два.

— Да я же оба варианта решил! — кричит он.

— Потому и два,— говорит учительница.— У Аникина пять... Ой, я ошиблась. Аникин — четыре.

Аникин помрачнел от злости:

— Попадет мне теперь!

Вот дошла очередь и до меня.

— Ох, горе ты мое! Ну так и быть, поставлю тройку. А вообще-то работа неважнецкая...

* Корабик * Журнал в журнале * Печатает только тебя

К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ ПОБЕДЫ
НА КУРСКОЙ ДУГЕ

«ЧЕЛЯБИНСКИЙ ПИОНЕР»

Б. ДРОБИЗ

Рисунки В. РУДЕНКО

Густая летняя ночь, тишина, теплынь. Зрелые наливные звезды готовы сорваться с неба,— завтра начинается август.

Но обманчива эта тишина. И густая темень — это сейчас лишь маскировка для наших, они готовятся к атаке. И для врагов — они готовы к обороне. И для ничейной земли, вспаханной тысячами снарядов, засеянной миллионами свинцовых зерен.

Ничейная земля... Да какая же она ничейная?! Это наша, родная советская земля! Надо вышибить отсюда гитлеровцев! Уже много дней грозным пламенем грохочет Курская битва. Сегодня тридцать первое июля 1943 года.

Вряд ли кто спал этой ночью в Особом добровольческом танковом корпусе. Не спал, конечно, и экипаж танка «Челябинский пионер», добротной новенькой тридцатьчетверки. Их было четверо: командир Павел Бучковский, водитель Василий Агапов, стрелок-радист Василий Русанов, башенный стрелок Михаил Фролов. Они переговаривались вполголоса, проверяли и перепроверяли каждую систему танка. Вот Агапов запустил мотор. Танк откликнулся тихим, ровным урчанием.

— Товарищ лейтенант! Вас срочно вызывает капитан Федоров.

Бучковский одернул гимнастерку, взял планшет и зашагал вслед за связным комбата.

Вернулся он скоро, сказал:

— Будем прорывать оборону немцев. Идем на правом фланге. Будет нелегко, ребята. Противотанковых пушек до черта, танки врыты, самоходки...

Подошел лейтенант Заика, помощник командира роты по технической части.

— Ну как, механик?

— Полный порядок, товарищ лейтенант! — высунулся из люка Агапов.

— Ну, есть! — Заика глянул на светящийся циферблат часов, было четыре тридцать ут-

«Челябинский пионер» пошел в атаку.

ра. — Через полчаса начнется! Успеха, ребята!

Бучковский пошел за ним следом, тихо сказал:

— Постой, Василий Акимович... У тебя адрес мой записан? Будь друг, Вася, если что со мной случится... Словом, перешли в Ростов.— И протянул вчетверо сложенный листок.

— Брось ты, Павлуша! — Они смотрели друг другу прямо в глаза. — А впрочем, ладно. Давай. После боя верну!..

Едва развиднелось, началась артиллерийская дуэль. Ударила фашистская артиллерия, противно завыли мины. В ответ заговорили наши «катюши». Пошла в ход авиация. Трудно начинался этот день!..

— Внимание! — передал по радио капитан Федоров. — Десантники, по местам! — И еще через минуту: — «Ураган!», «Ураган!», «Ураган!»

Зарычали моторы, рванулась на врага танковая лавина. Агапов бросал машину то вправо, то влево, выводя ее из-под удара. По броне цокали автоматные очереди, с визгом отлетали осколки. «Челябинский пионер» рвался вперед.

— Миша! — кричал Бучковский. — Слева противотанковая! Огонь! Огонь!.. Молодец! Внимание, Русанов! Вон за кустом, видишь?.. Огонь! — И вслед за пушкой Фролова заговорил пулемет Русанова.

— В лоб нам высотку не взять, командир,— сказал Агапов.

— Обходи справа!

— Есть!

Фашисты, не ожидавшие такого маневра, на мгновение смешались. И это мгновение решило очень многое. Вслед за «Челябинским пионером» в прорыв устремилась наша пехота. На правом фланге обозначился успех!

Горел, разгорался бой, грохотала Курская битва. Через пять дней наши войска с победою войдут в города Орел и Белгород. Через пять дней в Москве грянет первый за всю войну салют. Но пока было не до салютов: нелегки военные будни, трудно рождалась победа...

*

А теперь прервем ненадолго наш рассказ о сражении. Пора сказать, кто же такие Павел Бучковский, Василий Агапов, Михаил Фролов, Василий Русанов. Как на переднем крае войны, на самом горячем участке боя, появился танк, на башне которого размашистым мальчишеским почерком было выведено: «Челябинский пионер».

*

Шел второй год Великой Отечественной войны. И каждый советский человек — тот, кто был на фронте, и тот, кто по суткам не отходил от станка, и тот, кто, несмотря на голодный свой паек, продолжал упорно учиться,— каждый советский человек всем сердцем своим понял эти два слова: Великая Отечественная. Да, *Великая,* потому что напряжены все силы огромной страны. *Отечественная,* потому что речь идет о жизни и смерти твоего Отечества, твоей Родины!

«Все для фронта!» Эти слова стали в те годы не обещанием, а нормой жизни.

А война набирала силу. Уже освобождены были Великие Луки, Ростов и Воронеж, выиграна великая битва на Волге, прорвана блокада Ленинграда. В эти как раз дни комсомольцы Магнитогорска решили на собственные сбережения построить две подводные лодки. Эта патриотическая инициатива была подхвачена всем Южным Уралом. В Челябинский обком партии одно за другим стали поступать сообщения: «Пионеры седьмого класса школы № 34 собрали девятьсот рублей на постройку танка... Учащиеся школы № 50 собрали на строительство танка одиннадцать тысяч... Пионеры Ашинской школы вносят на строительство танка «Челябинский пионер» десять тысяч рублей... Я, ученик 4-го класса школы № 1, внес на строительство танковой колонны все свои сбережения — тысячу рублей, которые собирал с первого класса. Пусть мои деньги ускорят разгром фашистских захватчиков. Пионер Вова Ярыгин». Шли и шли письма — от целых дружин, и от пионерских отрядов, и от отдельных ребят. Взрослые, видавшие виды обкомовские работники не могли без волнения, а часто и без слез читать эти строчки. Страна жила на пределе сил. И — скрывать тут нечего! — было голодно... Тысяча рублей? Что это такое по тогдашним временам? Три хороших буханки хлеба. Или авоська, полная картошки... Да нет, не авоська, конечно! Это мы теперь с авоськами на базар ходим. А тогда взяли бы торбу понадежней, чтоб ни одной картошинки!..

Деньги, на них можно было купить еду. Но была для голодных мальчишек вещь более важная, чем еда,— танк. Новый танк против врага. И потуже затягивали пояса и мечтали ребята о танке...

В середине мая 1943 года бюро Челябинского обкома партии постановило: «Удовлетворить просьбу пионеров области, собравших 283 тысячи рублей на строительство танков, и присвоить одному танку 244-й добровольческой бригады имя «Челябинский пионер».

Добровольческая бригада. В нее попадали только лучшие из лучших. Стальные машины должны были повести люди со стальной убежденностью, с благородной яростью в сердцах.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война!

Но кому же повести в бой тридцатьчетверку, имя которой «Челябинский пионер»? Конечно же, лучшему экипажу Добровольческой бригады — тому, который особо смел, который уверен в каждом своем движении, политически и технически грамотен, тому, который отлично проявил себя в боевых учениях. Так решили челябинцы. Они своими руками строили боевые машины. Из их рядов вышло большинство личного состава добровольцев. Каждый проверен. Каждый известен каждому. Кого же выбрать? Вопрос этот решить было не так-то просто!..

И все-таки нашлись лучшие из лучших.

Командир — лейтенант Павел Бучковский, комсомолец, талантливый офицер, блестяще окончивший танковое училище.

Василий Агапов — отличный производственник, бывалый воин. Водил танки еще в боях на озере Хасан. Был награжден орденом Красного Знамени.

Михаил Фролов молод, как и весь экипаж, но за плечами его немалый жизненный путь. Участник коллективизации, а это надежная школа. Член первой комсомольско-молодежной бригады на Южном Урале. Строил Сталинградский тракторный, сейчас токарь механического цеха, мастер на все руки.

Василий Русанов рано узнал, почем достается рабочая получка. Еще мальчишкой пошел подручным слесаря на одну из крупнейших в те годы строек страны — Свирьстрой. Днем работал, вечером учился в школе, окончил семилетку, стал комсомольцем. Лишь теперь, в 1943 году, достиг он призывного возраста. И сейчас же записался добровольцем!..

Таковы очень краткие сведения об экипаже танка «Челябинский пионер». Рабочие люди, соль уральской земли. Ни одному из них в ту пору не исполнилось еще и тридцати...

*

Гремел, разгорался бой.

— Наша взяла! — весело крикнул Русанов. — Видал, попятились гады!

— Погоди, рано еще говорить. Фашист тоже драться умеет. Его шапками не закидаешь! — отозвался Агапов.

— Внимание! — скомандовал Бучковский. — Внимание справа!

И сейчас же в нескольких метрах перед танком встало черное огненное дерево. Еще одно, чуть в стороне еще одно. Это била противотанковая батарея врага, выдвинутая на правый фланг. Резко повернулась в ту сторону пушка Фролова, грохнул выстрел. Бил врага из пулемета Русанов. Агапов непрерывно маневрировал танком. Фашисты никак не могли угадать его следующего хода. Словно заблудившись, «Челябинский пионер» метался среди черных огненных деревьев. И сам бил, бил, отстреливался. Да так метко, что вот уже и замолчала одна из пушек противника.

Гремел, грохотал бой, и был он не на жизнь, а на смерть.

А местность для наступления — ох невыгодная! Дороги после дождей — сплошное месиво. Расползается под гусеницами танков знаменитый орловский чернозем. Да еще овраги — крутые, обрывистые, глубокие. Скрыто подойти к позиции противника никак не удается. Фашист тоже драться умеет, его шапками не закидаешь!

И все-таки шли вперед наши тридцатьчетверки. Хлестко били их пушки. Разрывы ложились плотно, один возле другого.

А «Челябинский пионер» в это время один на один сражался с фашистской батареей. И как ни ловок был Агапов, как ни метко били стрелки, Павел Бучковский понимал: долго так продолжаться не может.

— А ну-ка, Вася! — сказал он Агапову. — Давай влево, еще левее, левее! Под гору!

Скоро Бучковский сообщил по рации на КП (командный пункт), что танк удалось укрыть в небольшом овраге. Оттуда «Челябинский пионер» продолжает вести огонь по врагу...

Вскоре, однако, пришла тревожная весть: боеприпасы на исходе. Командование решило подбросить взвод автоматчиков, переправило несколько ящиков со снарядами. Бучковскому отходить нельзя. Конечно, положение его рискованное. Но зато какая выгодная позиция! Танк и горстка автоматчиков держат весь правый фланг. Фашистам это прямо в горле кость.

Участок, где сражался «Челябинский пионер», стал центром боя. Враг бросил сюда целый батальон пехоты. Взвод против батальона. Да еще фашистские пушки, да еще пулеметы. Но не дрогнули наши пехотинцы, отчаянно, а главное, ловко и точно сражался танк Бучковского. Три пушки, два пулемета, почти сотня гитлеровцев были уничтожены в этом бою.

Целый день держался маленький отряд. К вечеру, подтянув сюда свежие силы, гитлеровцы вновь внезапно контратаковали. Артиллерийский и минометный огонь достиг очень высокой плотности. Фашисты решили окружить наших. Командование дало приказ: «Отходить!»

Танк Бучковского отходил последним. Было уже темно. Кругом воронки, ямы. Гусеницы ползут, пробуксовывают в густой жиже... Вдруг машину резко бросило в сторону вниз. Агапов дал полный газ. Танк задрожал, но ни с места, только накренился еще больше. Бучковский и Агапов выскочили наружу. Все ясно: самим не выбраться. Враг рядом. Уйти еще можно... только одним, без танка.

— Я остаюсь! — услышал Бучковский голос Русанова.

— Я тоже!

— И я!

— Тогда к бою! — твердо приказал Павел.

Танк-герой.

О чем думали они в эти последние минуты перед смертельной схваткой? Может быть, о ребятах, которые вместо того, чтоб купить хлеба, отдали деньги на танк? Или об этом густом российском черноземе, который оказался слишком мягок для стальных лап грозной машины? Или, может, о том, что в схватке за Родину некогда думать о себе, о спасении своей жизни?..

Но вернее всего, ни о чем таком не думали четверо танкистов. Это все было им ясно без слов. Это все было у них в крови.

В те последние минуты было, наверное, вот как: Русанов снова и снова перетирал несколько оставшихся снарядов — чтоб каждый в цель! Агапов и Фролов возились у пулемета...

Пошли фашисты. Бучковский передал на КП: «Веду бой с пехотой, боеприпасы кончаются. Будем драться до последнего...»

Вот и все. Еще сколько-то времени с той стороны слышен был грохот неравного боя. Затем стихло.

Пробиться на помощь Бучковскому не удалось...

На следующее утро добровольцы пошли в атаку, враг был выбит с позиции и бежал, бежал... А вот он и тот самый овражек. Обугленный, весь иссеченный стоит «Челябинский пионер». Рядом тела героев-танкистов. А вокруг в овраге, на крохотном этом поле боя, валяются убитые гитлеровцы — больше трех десятков! Уткнувшись в землю хоботами пушек, стоят два подбитых вражеских танка, вмятые в землю, развороченные три пушки, два миномета... Дорогою ценой расплачивался здесь враг!

Под разбитым советским танком лежал пистолет «ТТ», обойма его была расстреляна до последнего патрона. В закопченном стволе письмо. Экипаж «Челябинского пионера» призывал товарищей по оружию беспощадно мстить врагу. «Передайте друзьям-пионерам,— говорилось в письме,— что клятву свою мы не нарушили: сражались за Родину до последнего, не жалели ни крови, ни самой жизни».

*

На этом и кончается история героической гибели «Челябинского пионера».

Одно лишь слово употреблено здесь неверно — «гибель». Потому что славная машина жива! Жива наперекор всему!

... В 39-й школе Тракторозаводского района Челябинска проходил ленинский урок, посвященный началу учебного года. Перед ребятами выступали ветераны, бывшие воины Добровольческой бригады. Конечно же, речь зашла о Павле Бучковском и его товарищах. Надо ли говорить, что история героев взволновала ребят. На том же самом ленинском уроке родилась идея: собрать металлолом для нового «Челябинского пионера». Но только теперь пусть это будет трактор.

На боевое дело не требуется раскачки. Начали ребята в конце 1969 года. А в мае 1970-го в дни работы XVI съезда ВЛКСМ «Челябинский пионер» сошел с заводского конвейера. «Решением бюро Челябинского обкома ВЛКСМ — было выгравировано на стальной пластинке — трактору «Т-100 МГС» присвоено имя экипажа танка «Челябинский пионер», героически погибшего в июле 1943 года на орловской земле. Трактор «Челябинский пионер» изготовлен по инициативе ветеранов гвардейской танковой Челябинской добровольческой бригады из металлолома, собранного пионерами 39-й школы г. Челябинска»...

Сейчас этот трактор трудится на Орловщине. Каждую весну выходит он на работу в компании таких же, как он, машин — мощных, мирных. Весело и здорово здесь работать. Кругом, куда ни глянь, лишь иссиня-черная, плодородная земля да чистое небо.

С Орловщины в Челябинск идут дружеские письма, идут благодарности.

Жива и никогда не умрет память о героях великой битвы за Родину.

Вечная слава им!

На редакционном столе лежат старые письма. Их передала нам сестра Павла Бучковского — Надежда Ивановна. Вряд ли здесь необходимы какие-либо пояснения.

«МАЙКОП. 30. III 42 г. Здравствуй, дорогая мамочка! Вот уже пятнадцать дней, как я нахожусь далеко от твоего крылышка. Теперь все делаю сам, начиная с заправки постели и кончая раздачей курсантам пищи. Постепенно привыкаю к военной службе. Сейчас, во время перерыва, один из курсантов нашего взвода получил письмо из Ростова, и все стали на него кричать, чтобы побыстрее прочитал и рассказал о новостях города. Вот как ребята ждут писем от родных! Учтите это! Целую тебя, папу, Надю. Ваш Павлик».

«МАЙКОП. 15. IV. 42 г. Здравствуйте, дорогие родители! Мама, папа и Надя! Спешу сообщить, что ваше письмо и телеграмму получил, за которые благодарю. Особенно доволен папиным письмом. Когда я узнал, что Анатолий награжден орденом Красного Знамени, я прямо подскочил! Как я рад, что среди наших родственников есть герои борьбы с фашистами. От души рад за него. Чтобы не отстать от Анатолия, приложу все усилия, все старание. Я не окажусь в последних рядах. Мамочка! Если можно, пришлите подворотнички, иголку, нитки, зубной порошок, несколько тетрадей и табаку (если можно достать — папирос). До свидания. Спешу на построение. Ваш сын и брат. Крепко целую всех. Павлик».

«ЧЕЛЯБИНСК. 29. III. 43 г. Дорогая мамочка! Посылаю тебе эту открытку, которую мне подарили челябинские пионеры в честь вручения экипажу боевой машины, на которой крупными буквами написано: «Челябинский пионер». Должен тебе сказать, что я очень горжусь этим. И я дал им клятву, что в первом же бою мы оправдаем высокое доверие челябинских пионеров. Мамочка! Крепко тебя целую. Твой сын Павел».

«ЧЕЛЯБИНСК. 10. V. 43 г. Здравствуйте, дорогие родители! Мама, папа и Надя! Сегодня решил написать вам, хотя два дня назад писал. Нахожусь я там же, на Урале. Вы, вероятно, слыхали про нас, а в скором времени увидите о нас журнал в кино. Вчера у нас был большой день. Трудящиеся Урала давали наказ нам, а мы в ответ поклялись честно оправдать доверие уральцев. Мамочка, когда я давал клятву уральцам, мне сразу вспомнилось все, что вы пережили и натерпелись от фашистов во время оккупации ими Ростова. И я поклялся крепко расплатиться с врагом за ваши муки и страдания, за смерть братьев и товарищей. Хочу заверить вас, что мое слово крепкое, об этом вы хорошо знаете. Пока все, что хотел написать вам. Мой адрес: полевая почта 45292. Крепко целую. Преданный вам сын Павлик».

А вот та последняя записка, которую Павел Бучковский передал лейтенанту Заике 31 июля 1943 года, в ночь перед боем.

«ДОРОГИЕ РОДИТЕЛИ! МАМА, ПАПА И НАДЯ! Сейчас я должен идти в атаку и решил написать вам. Если погибну, его перешлет мой друг. Подробности сообщат ребята. Привет от меня всем знакомым. Пока. Целую крепко. Любящий вас сын Павел». На обороте дописано: *«Надя! Береги родителей! Целую. Павел».*

Внимание, красный следопыт! «Пионер» дает тебе два задания.

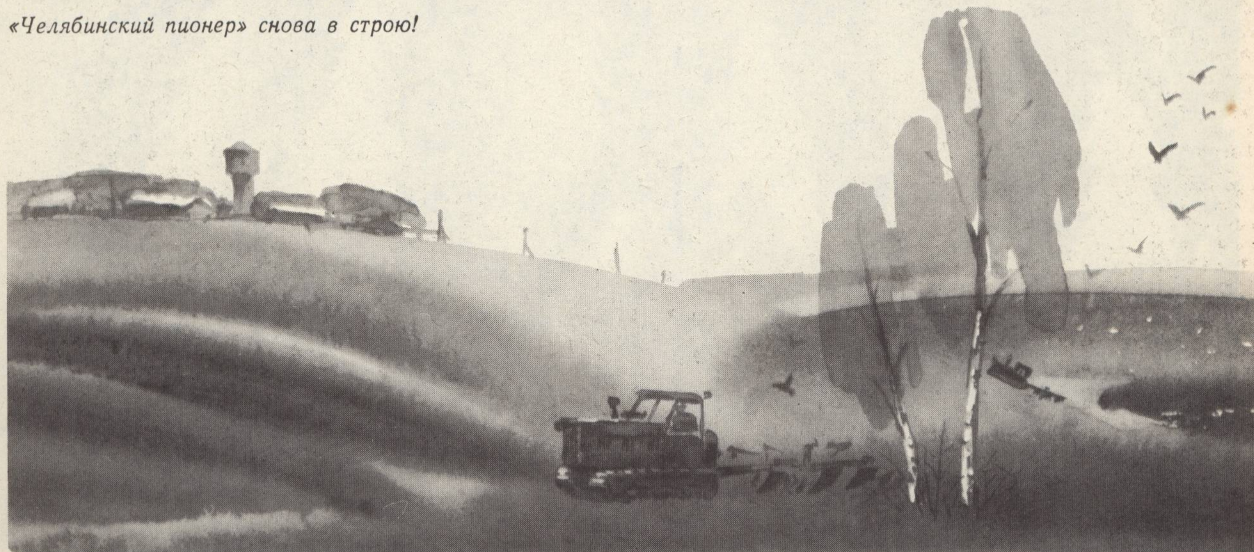
ЗАДАНИЕ ПЕРВОЕ.

Ты, конечно, знаешь, история «Челябинского пионера» не была каким-то исключением. В годы Великой Отечественной войны по всей стране проходил сбор средств на строительство танков... Может случиться, что в этом патриотическом движении принимали участие те, кто сейчас живет с тобою на одной улице. На поиск!

ЗАДАНИЕ ВТОРОЕ.

Отправляясь в пионерский поход, на экскурсию, а может быть, просто шагая с авоськой в магазин, ты видишь: стоит на площади памятник — настоящий военный танк... Узнай историю боевой машины. Какова судьба ее экипажа? Почему именно этому танку выпала великая честь стоять на пьедестале славы?

«Челябинский пионер» снова в строю!

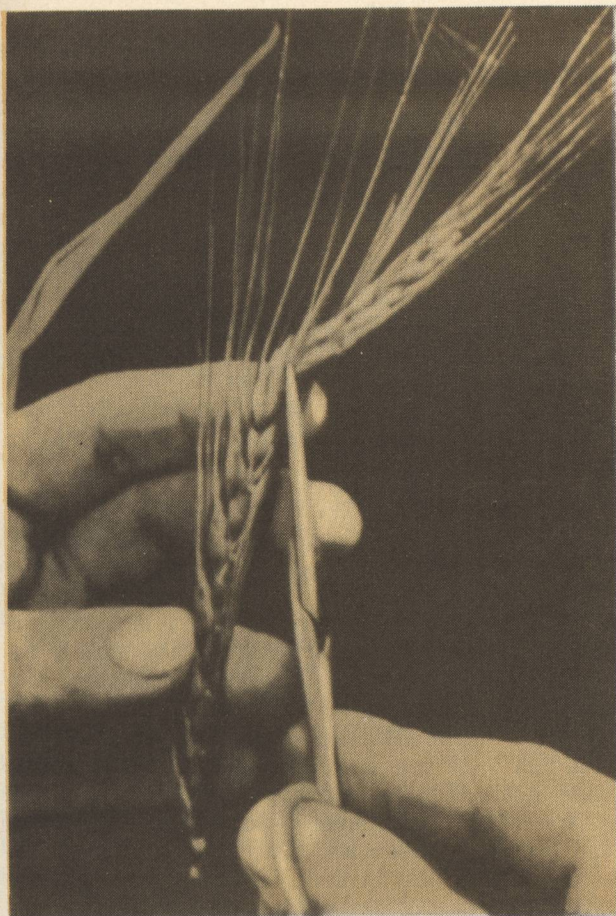

Павел Пантелеймонович Лукьяненко, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, академик.

Фотография А. ЖИГАЙЛОВА.

СОТВОРЕНИЕ ХЛЕБА

Для работы селекционеру нужен не весь колос, а его средняя часть, где самые крупные и полновесные зерна.

Мы часто говорим — «хлебное море», «хлебный океан». Океан этот в нашей стране огромен — сто двадцать миллионов гектаров! В Молдавии и донских степях, на Кубани и в Ставрополье, миллионы гектаров засеиваются пшеницей невиданной урожайности. Создатель новых сортов — академик П. П. ЛУКЬЯНЕНКО.

...Что делалось раньше, чтобы собрать больше хлеба? Распахивались все новые и новые поля. Но есть еще один путь — повышение урожайности. Чтобы выполнить пятилетку, нужно поднять средний сбор с каждого гектара на четыре центнера!

Вот почему так высоко ценится труд творцов нового высокоурожайного пшеничного колоса...

Дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии академик Павел Пантелеймонович Лукьяненко по праву считается выдающимся селекционером нашего времени. ИМ СОЗДАНЫ ЛУЧШИЕ В МИРЕ СОРТА ОЗИМОЙ ПШЕНИЦЫ.

Имена его шедевров — «безостая-I», «аврора», «кавказ» — знают далеко за пределами нашей страны. По урожайности — 60—70 центнеров с гектара — они не имеют себе равных. Событием в науке и производстве становилось появление каждого из этих богатырей, оно убеждало, что, казалось бы, сказочный урожай в 100 центнеров — достижимая цель!

Сам Павел Пантелеймонович обычно поправлял: «Не я лично создаю новые сорта, а коллектив, которым я руковожу». Но ведь и авиаконструкторы создают самолеты не в одиночку, однако лайнеры

Невиданные урожаи дают «аврора» и «кавказ». Но и забот у хлеборобов стало больше — новые сорта требуют много удобрений, высокой культуры земледелия.

носят их имена — ТУ-134, ИЛ-62, ЯК-40... И если бы у селекционеров была такая же традиция, более сорока сортов пшеницы назывались бы тогда ЛУ-1, ЛУ-25, ЛУ-43...

Наш корреспондент В. БАРАЕВ побывал у академика Лукьяненко весной — незадолго до кончины выдающегося ученого. Павел Пантелеймонович охотно согласился рассказать читателям «Пионера» о своей работе.

Пусть его советы и пожелания прозвучат как напутствие большого ученого тем, кто продолжит его труд.

*

— Павел Пантелеймонович, как вы начали свой путь, почему стали селекционером?

— Деды мои и родители — потомки запорожских казаков, которые переселились на Кубань, — всегда были связаны с землей. Так что хлебороб я потомственный. С детства пахал, сеял, убирал урожай. Тяжело было в ту пору крестьянам. Много бед посевам приносили болезни растений, особенно ржавчина и головня. Выйдешь, бывало, в поле и видишь, как листья еще недавно здоровых растений становятся буро-красными. Пшеница усыхала, зерно получалось щуплое, легковесное. А головня просто обугливала колосья, зерна чернели, наливались ядом...

Подрос, окончил в родной станице Ивановской реальное училище, потом Кубанский сельскохозяйственный институт. И решил вывести такую пшеницу, которая не боится этих болезней.

Первый мой сорт (он так и назывался «первенец») я вывел с помощью Василия Степановича Пустовойта, моего учителя. «Первенец» оказался стойким против ржавчины и по урожайности был на пять центнеров выше прежних сортов. Хвалили меня тогда очень. А я был недоволен: мне-то было ясно, что «первенец» еще не тот сорт, о котором я мечтал. Клейковины в нем было маловато, хлеб получался не пышный.

Снова опыты, снова поиски лучших сортов, которые передали бы свои достоинства моему «первенцу». И снова строжайший отбор. Безжалостно отметались гибриды, наделенные хотя бы малейшими недостатками. Так родились «новоукраинка», «скороспелка». Всем они были хороши — и созревали быстро, и хлеб из них пышный получался. Одна беда — боялись мороза...

Только после войны, четверть века спустя, нам удалось создать «безостую-4», а потом на основе ее «безостую-1». Эта пшеница стала ежегодно приносить нашей стране дополнительно около двухсот пятидесяти миллионов рублей.

— Сейчас на смену «безостой-1» пришли «аврора» и «кавказ». Хлеборобы не знают равных им по урожайности — четыреста пудов с гектара! Можно ли эти сорта считать последним словом селекции?

— И да и нет. По урожайности они превосходят «безостую-1». Ее колос весит один грамм, у новых сортов — до 1,65 грамма. Сейчас мы работаем над новым сортом. Колос у него будет особенно тяжелым — два грамма! И белка и клейковины — от них зависит вкус и питательность хлеба — тоже будет гораздо больше, чем у «авроры» и «кавказа».

Мы уже вывели несколько сортов, которые приближают нас к цели. Один из них, «краснодарская-39», прошел государственные сортоиспытания и прошлой осенью высевался на полях Кубани, Ростовской и Ворошиловградской областей.

— Наверное, трудное это дело — заменить старые сорта на новые, семян-то поначалу мало?

— В общем-то, нелегкое. В лучшем случае на это уходит пять-шесть лет. Работают и селекционные станции и опытные хозяйства. Помогают нам и юннаты. Мне приходилось встречаться с ними. В 1967 году я дал юннатам станицы Красноармейской, Краснодарского края, несколько горсток зерна. И они вырастили на своем пришкольном участке столько семян «авроры» и «кавказа», что три соседних колхоза засеяли более пятисот гектаров! Помощь ре-

Посмотри на эти колосья. Это «аврора». Каждый ее колос дает зерна в два раза больше старых сортов! Такие же богатырские колосья у «кавказа».

бят была тогда неоценимой. И для них польза большая. Разведение сортовых семян, работа с новым сортом — дело посерьезнее, чем выращивание обычных сортов. Ребята приобщаются не только к труду хлебороба, но и к науке. Они глубоко изучают биологические особенности нового сорта, знакомятся с передовыми методами агротехники. Так что недаром на IV Всесоюзном пионерском слете Володя Костенко, бригадир полеводов красноармейской средней школы № 4, был награжден юбилейной Ленинской медалью. Мне приятно было узнать, что Володя решил стать агрономом и учится сейчас в Краснодарском сельскохозяйственном институте.

— Что вы хотели бы посоветовать тем, кто мечтает стать селекционером?

— Настоящим хлеборобом может стать только образованный человек. Высокие урожаи будущего зависят не от одних селекционеров, важна еще высокая культура всех, кто работает в земледелии.

Всем, кто выводит и разводит новые сорта, советую работать только под наблюдением учителей и агрономов. Самодеятельность в таком деле, как селекция, много пользы не даст. Сроки сева и нормы высева, пожалуй, знает каждый юннат. Но этого еще мало, нужно проводить тончайшие опыты по опылению и выращиванию гибридов, систематически, точно, аккуратно вести дневники наблюдений.

— Селекция — дело сложное, создание сорта требует десятилетий. Что же, школьникам почти невозможно заниматься выведением новых сортов?

— Да, это нелегко. Но ребята все же ведут селекционную работу. И довольно успешно. В станице Ярославской, Краснодарского края, юннаты под руководством учителя биологии Федора Семеновича Кропченко долго работали и, наконец, вывели новый сорт озимой пшеницы. В честь школы они назвали его «ЯСШ-67». Сейчас «ЯСШ-67» проходит государственные сортоиспытания, которые длятся обычно три года. Проверяются всхожесть, стойкость к болезням, засухе, морозам. Предварительные результаты неплохие. Кстати, советую вам самому познакомиться с этими ребятами.

*

И вот я в станице Ярославской.

Участок, где ребята проводят опыты, небольшой. Он похож на обычный огород. Только растут здесь не овощи, а пшеница. Пятнадцать сортов! Возле каждого рядка — табличка с названием сорта. Вот знакомые мне «безостая-1», «аврора», «кавказ». А вот — «лютесценс», «ранняя-12» и, наконец, «ЯСШ-67».

— Наш сорт как бы младший брат «авроры»,— говорит староста кружка Тоня Шурупкина.— Но «аврора» пошла в маму — «безостую-1» — у нее нет усов, а ее младший брат стал остистым. Усы он унаследовал от папы — итальянского сорта «фунонэ».

— Он созревает раньше «авроры»,— вступает в разговор Федор Семенович Кропченко.— В прошлом году обогнал даже ячмень, который поспевает раньше озимых пшениц. И стебель у него смотрите какой...

Стебель у «ЯСШ-67» очень короткий, менее семидесяти сантиметров. Он легче перенесет и ветры и ливни. Как говорят ученые, «стоек к полеганию». А это очень важно. Над этим, между прочим, работал и академик Лукьяненко. Ведь чем больше, тяжелее колос, тем короче, крепче должен быть стебель.

Я приехал к юннатам в пору цветения пшеницы. Время для них ответственное — как раз в это время проводится опыление, скрещивание сортов. Я видел, как Наташа Мартынова осторожно нагнула стебель «ЯСШ-67» к стеблю «кавказа». Коля Сероштанов надел сверху целлофановый пакет, завязал его снизу. Теперь ничто не помешает чистоте опыта.

Уезжал я из станицы Ярославской рано утром. В эту пору, на границе ночной прохлады и дневного тепла, на колосках раскрываются еле заметные цветочки и сухая, почти невесомая пыльца поднимается в воздух. Свершается великое таинство природы... ★

С. САХАРНОВ

ПАКО

Рисунки Н. УСТИНОВА.

РАССКАЗ

ВОПРОС НОМЕР ОДИН

Когда я собирался в путешествие, все друзья в Ленинграде наперебой стали спрашивать:

— Что ты думаешь делать с акулами?

— Акул ты учел?

Акулы превратились для меня в вопрос номер один.

— В общем-то, они на людей не нападают,— утверждали одни.— Вон в Калифорнии есть даже такой клуб, называется «Верхом на акуле». Принимают всякого, кто хоть раз проедется, усевшись под водой на акулу.

— И много таких?

— Хватает. Когда все собираются — протолкнуться негде.

— Это все очень хорошо,— говорили другие,— но вот в Австралии, чтобы спастись от акул, сетями оградили все пляжи. У Комиссии по акулам, есть такая, собрано полторы тысячи карточек — все случаи нападения на человека. Белая акула перекусывает пловца пополам, как редиску!

Я не знал, что и подумать.

Кончилось тем, что я составил себе таблицу — опасные и неопасные акулы. Против названия каждой был нарисован квадратик. Квадратики я покрасил в красный или желтый цвет. Красный — акула нападает, желтый — нет.

Нарисовав эту таблицу, я почувствовал себя спокойнее. В конце концов, встретив акулу, всегда можно будет вспомнить — как она относится к человеку?

МАЛЬЧИШКА НА РИФЕ

Я плыл над коралловым рифом, опустив лицо в воду и старательно разглядывая через стекло маски каждый камень на дне.

Склон рифа со стороны берега был пологим, камни, мельчая, переходили в песок. Светло, тихо. Ровная, как доска, поверхность дна.

Мое внимание привлекло странное пятно, похожее на сковородку: вот припорошенная песком ручка, вот круг... Коричневая тень возникла слева от меня, что-то тонкое и блестящее пронеслось сверху вниз и ударило в сковородку. И тогда случилось неожиданное. Песок разлетелся как от взрыва, в дымном сером облаке показались очертания круглого плоского тела. Большой скат, неистово размахивая плетью-хвостом, взлетел вверх, кинулся было в сторону и повис, натянув до отказа сверкающий белый шнур. В рыбу попал гарпун.

Я повернулся в ту сторону, откуда был сделан выстрел. Опустив голову и торопливо подбирая бечеву, в воде сидел мальчишка лет двенадцати, смуглый, почти черный, одетый в рваную рубаху и трусы. На ногах его болтались разной величины и разного цвета ласты.

В два гребка я приблизился к нему и, не говоря ни слова, тоже ухватился за шнур.

Вдвоем мы едва удерживали рыбину.

Про острый шип на хвосте, которым скат может нанести глубокую рану, мальчишка, очевидно, знал. Всякий раз, когда рыба, описывая круги, приближалась, он начинал торопливо отпускать шнур и что-то невнятно, взахлеб выкрикивал по-испански, предупреждая меня.

Гарпун пробил жабры, и скат быстро терял силы. Когда он перестал биться и повис на шнуре, мальчишка проворно поволок его к берегу.

Я поплыл следом.

Мы вытащили ската на песок, сели. Мальчишка снял ласты и маску. У него была большая голова с маленьким прямым носом и плотно сбитыми курчавыми волосами. Под коленом правой ноги большой нож с деревяной рукоятью.

— Как тебя зовут? — спросил я, собирая по крупицам свои знания языка.

— Пако,— ответил он и нараспев добавил.— Франциско.

Это было все, что мы сказали друг другу. Но в этот час я приобрел друга, который целый месяц исправно делил со мной все радости и невзгоды плавания на рифе.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Для защиты от акул Пако принес мне нож. Он был, правда, не такой длинный, как у него, но все равно, когда я привязывал нож к ноге, он доставал до самой ступни. Пако улыбался и прищелкивал языком:

— Му бьен! Очень хорошо,— говорил он и показывал, как я буду убивать акулу.— Кх-хх!

Каждый день, вооруженные до зубов, мы отправлялись на риф.

Мы плыли не торопясь и по очереди тащили за собой надутую автомобильную камеру. В середину ее была ввязана сетка, в ней лежали ружье Пако и мой фотоаппарат.

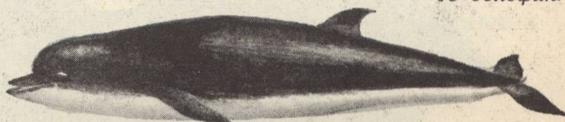
Я плыл, опустив лицо в воду, и привычно отмечал для себя, как меняется облик дна. Песок, заросли черепашьей травы, прогалины... Скоро будет риф — вот первые безжизненные сорванные с него кораллы. А вот и он сам — оранжево-зеленая стена, переплетение причудливых каменных деревьев, между которыми мелькают разноцветные тела рыб.

Отдохнув на вершине огромного коралла-мозговика, я принимался за наблюдения. Для этого приходилось плавать очень медленно, едва шевеля ластами и пристально вглядываясь в то, что происходило на дне.

Пако охотился. Он то и дело нырял, часто нажимал спуск и потом долго распутывал застрявший между кораллами шнур. Его привлекала не добыча, а сама охота. Иной раз он начинал гоняться за рыбой, которую было невозможно даже взять на берег. Так его забавляли, например, рыбы ежи. Уверенные в своей безопасности, они лениво лежали под ветвями кораллов, неторопливо раздувая и сжимая бока. Частые колючки на их коже, твердые и блестящие, поднимались и опадали.

Пако нырял и, тщательно прицелившись рыбе в хвост, стрелял. Пробитый гарпуном, еж бросался наутек, шнур останавливал его Рыба начинала судорожно глотать воду, раздувалась и становилась похожей на футбольный мяч. Тогда Пако всплывал вместе с ней и, надев матерчатые отцовские перчатки, поднимал рыбу над головой. Хрюкнув, еж начинал выпускать изо рта воду. Бока его опадали. Когда рыба принимала обычный вид, Па-

Это дельфин.

ко осторожно вытаскивал из хвоста гарпун и выпускал ежа. Ошеломленный, тот погружался на дно и тотчас же забивался в какую-нибудь нору.

— Они живучие, им ничего не будет! — уверял меня Пако. Я каждый раз качал головой.

— Давай договоримся, — сказал я наконец. — Ты будешь стрелять только ту рыбу, которая нужна для еды. Компрендо? Понял?

Пако кивнул. Бедные ежи получили покой.

БЕСКОНЕЧНАЯ ЦЕПЬ

Я наблюдал жизнь рифа. И она все больше открывалась мне.

Вот через стекло маски видны в воде беловатые точки. Они снуют взад-вперед, неподвижно парят, уходят с течением. Эти полупрозрачные существа — рачки.

Снуют рачки, охотятся за чем-то совсем невидимым.

И вдруг откуда ни возьмись рыбка. Желто-синяя, как язычок пламени. Метнулась, клюнула белую точку, пожевала губками, поплыла дальше. Нет одного рачка.

А из-за коралловой зеленой глыбы уже выплывает рыба свинья. Нос пятачком, длинные кривые плавники назад. У каждого глаза — паутинка из оранжевых линий. Подплыла, распахнула рот — провалилась в него рыбка.

Неподалеку от меня охотится Пако. Вот блеснул его гарпун, ударил рыбу свинью, не пробил, отбросил на дно. Пако не увидел этого, подобрал шнур с гарпуном, уплыл.

Я неподвижно сижу на плоской вершине коралла. Трубка наружу, лицо в маске опущено под воду. Тянется перед моими глазами цепь жизни: сильный поедает слабого, быстрый догоняет неторопливого, каждый на рифе — ловец и каждый — добыча.

Около раненой рыбы уже колышатся тени. Два колючих краба выползли из-под камней, размахивают клешнями, торопятся. Курится рыбья кровь, вытекает из ранки, еще сильнее раззадоривает крабов.

Но только не их одних. Почуяв поживу, мчит издалека скат. Торопится, машет черными плавниками-крыльями. Летит над самым дном. Тенью прошел над рыбой, на лету схватил одного краба. Только мелькнули белые крабьи ноги, только завертелась, упала на дно откушенная скатом клешня.

Мчится скат, бьет изо всех сил крыльями. Глаза выпучил. Да и как тут не лететь сломя голову? Чуть дрогнула вода, а уж он слышит — беда! Круто вниз опускается на него тупоносая акула. Не уйти скату...

Акула небольшая, акуленок. Я даже не кричу Пако, не предупреждаю его об опасности. Моя маска по-прежнему под водой. Вот и еще одно звено в этой цепи, последнее. Акула — самый крупный здесь хищник.

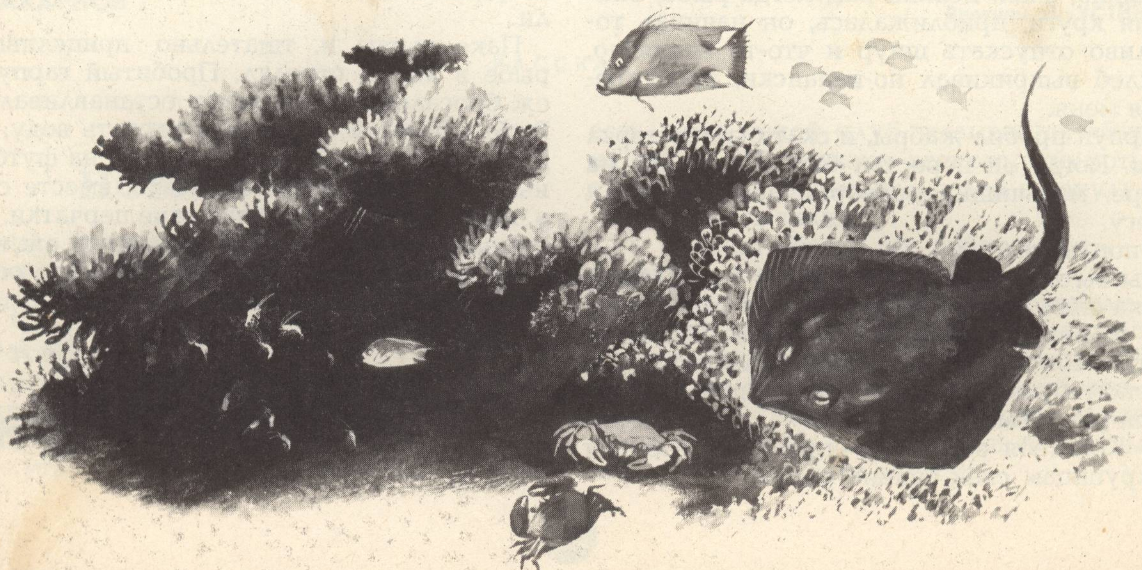
Последнее звено в цепи, а может, первое? Вырастет акула, состарится, умрет. Опустится на дно. Столпятся около нее крабы, приползут морские звезды. Растащат, растерзают большое обмякшее тело. Растреплют. Желтым дымом рассеется акулья плоть, смешается с водой, с песком. Маленькие, невидимые глазом существа поглотят то, что останется от хищницы. За ними снова начнут гоняться похожие на белые точки рачки, вновь завертится колесо.

АКУЛА НА ПЕСКЕ

В тот день с утра стояла отличная погода. Был штиль. Даже у внешней океанской кромки рифа, где всегда толклись волны, на этот раз вода словно остекленела.

Мы с Пако плавали у внутренней кромки,

Черной тенью несется скат.

где песок чередовался с зарослями черепаховой травы.

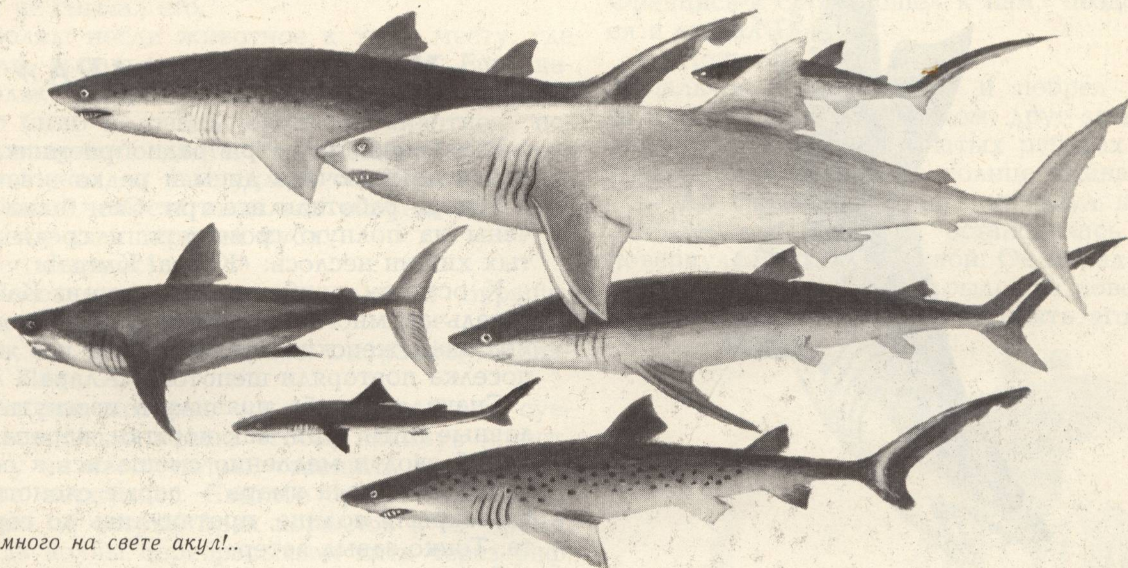
В траве сидели ежи. Над ними покачивались осколки раковин, плоские камешки. Тонкими нитевидными ножками ежи поддерживали свои украшения.

Меня достигли резкие колебания воды. От рифа плыл Пако. Лицо его было искажено. Подплыв ко мне, он повернулся и вытянул руку в направлении песчаной осыпки, на которой только что выслеживал камбал.

Почти касаясь брюхом песка, над самым дном медленно плыла тупоголовая, с человека величиной рыбина. Узкий кривой плавник, похожий на флаг... Такой же изогнутый хвост... Акула! Красноватая, с маленькими, как горошины, глазами, хищница неторопливо плыла к нам.

Песчаная акула!

Под сердцем у меня захолонуло, и я начал судорожно вспоминать свою таблицу.

Очень много на свете акул!..

Мать родная, что за квадратик стоит в таблице против нее? Кажется, желтый... Ну, конечно! Я облегченно вздохнул и показал жестом Пако: «Ерунда!»

Акула плыла, то и дело тыча мордой в песок. Колченогий краб не успел удрать, и акула, сделав едва заметное движение головой, сглотнула его.

Она обогнула бугристый желтый коралл и очутилась под нами. Пако прижался ко мне. Я еще раз жестом успокоил мальчика. Колебания воды, вызванные движением руки, достигли акулы. Она остановилась и, изогнув шершавое складчатое тело, посмотрела на нас красным, поросячьим глазом. Что-то шевельнулось у меня в желудке.

«Пустяки! Раз пишут, что не нападает, значит, точно. Не нападет!»

Акула опустила голову и продолжала свой путь. Когда она достигла песчаной поляны, подбросив вверх облако песка, со дна подскочила и бросилась наутек камбала. Акула заметила ее и стремительно кинулась вдогонку.

Они исчезли за нагромождением каменных глыб. Мы с Пако поспешили домой.

Достигнув берега, я тотчас побежал в отведенную мне хижину. Из чемодана, лежавшего под кроватью, торопливо достал таблицу.

Против песчаной акулы стоял красный квадратик.

КЕМ ТЫ БУДЕШЬ, ПАКО?

Я спросил Пако, кем он собирается стать.

Мы сидели на берегу, на красных камнях, подложив под себя ласты, и смотрели, как возвращаются с моря рыбаки. Паруса, покачиваясь, двигались вдоль рифа.

Пако задумался.

— Врачом или учителем,— сказал он.

— Твой отец врач?

Он покачал головой.

— Механик. Он дает кооперативу свет. У него в сарае мотор и машина, из которой выходит электричество.

— А почему ты не хочешь стать механиком, как отец?

Пако долго искал ответа.

— У нас в деревне есть еще один механик,— наконец сказал он.— А врача нет. Мы ездим к врачу в город. Учитель тоже в соседней деревне. И он старый. Он скоро умрет.

— Ты учишься у него? В начальной школе?

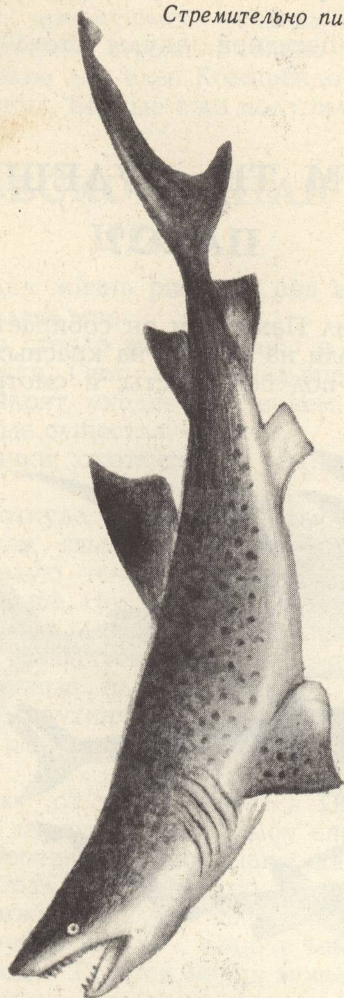
— Да. Осенью меня увезут в город. В секундарию.

Секундария — школа второй ступени. Я сказал:

— Как работает учитель, ты знаешь. А вот врач? Ты думаешь, это тебе будет интересно?

— Люди болеют,— ответил Пако,— их надо лечить.

Стремительно пикирует акула.

Паруса обогнули риф и направились к деревне. Они шли теперь прямо на нас. Ветер дул им в борт, и лодки сильно кренились.

— А рыбаком ты не хочешь стать?

Пако снова покачал головой.

— Нет. В прошлом году у нас утонуло двое. Они пошли в хорошую погоду, а потом поднялся ветер. Из города приходил моторный катер. Но ничего не нашел.

— Погоди! Но ты же ведь храбрый мальчик.

— Ну и что?.. А потом рыбаков и так много.

Первая лодка достигла берега. Не доходя метров десять, она уронила парус, нос лодки приподнялся и со скрипом вылез на песок. За ней косяком подошли другие.

— Эй, Пако!— крикнули с первой лодки.— Сбегай к председателю, скажи — нужна машина. Много рыбы. В город надо везти.

Пако вскочил, поднял ласты и трусцой побежал к домам кооператива.

УРАГАН «КЛАРА»

В деревне было три радиоприемника. Их почти не включали днем и редко — вечером. Теперь работали все три. Они были включены на полную громкость, и среди дощатых хижин неслось: «Клара! Клара!»

К острову приближался ураган. Какой-то весельчак много лет назад придумал давать ураганам женские имена. Сейчас все жители поселка повторяли шепотом: «Клара!»

Сначала в небе появились изогнутые облачные нити. Они, как коготки, царапали голубой свод и медленно смещались к северу. Потом наползла хмарь — серые слоистые тучи закрыли солнце, протянулись до горизонта. Тонко завыл ветер.

В деревне закрывались окна и двери. Торопливые женщины тащили под навесы снятое с веревок белье.

Небо потемнело. Ниже темных, насыщенных влагою туч появились обрывки тумана. Они неслись уже над самой землей.

Тонкий свист ветра превратился сначала в завывания, а потом в рев. Хлынул дождь. Потоки воды не успевали достичь земли — их подхватывал ветер. Белые струи изогнулись и понеслись параллельно земле. Дождь стучал уже не по крышам, а по стенам домов. Дождевые капли неслись над лужами, ударяясь о воду, подпрыгивая и улетая прочь. Лужи слились в одно большое болото. Дома очутились в воде. Там, где была дорога, бушевал коричневый мутный поток.

Ветер отжал воду от берега, и море, тусклое, кофейного цвета, все в ореоле брызг, отступило, обнажив каменные клыки рифа.

Наш берег «Клара» задела только крылом. Отбушевав, она к вечеру ушла.

Вызвездило. Небо очистилось от туч, и за-

мысловатые, похожие на старинные испанские гербы созвездия яркими огнями вспыхнули над островом. Море вернулось. Невидимые в темноте водяные валы равномерно, как удары часов, обрушивались на берег.

Я лежал на влажной постели и широко открытыми глазами смотрел в окно на огромные разноцветные звезды...

Утром чуть свет мы с Пако побежали на берег. Там уже собралось чуть ли не все население деревни. Люди кричали что-то друг другу и показывали на море.

Среди коричневых водяных валов к берегу двигалось блестящее черное пятно.

— Кит! — крикнул кто-то.— Кит идет!

Животное было обречено. Каким-то чудом ему удалось миновать рифовый барьер, и теперь кит, находясь на мелководье, двигался вместе с волнами к берегу. Он то неподвижно замирал, то ударял по воде хвостом. Временами кит оказывался на камнях и оставался там до тех пор, пока высокий вал не снимал его.

Волны несли животное к тому месту, где были вытащены на берег лодки. Еще несколько ударов, и кит очутился около них. Это было не очень крупное животное, иссиня-черного цвета, с высоким спинным плавником и выпуклым большим лбом. Нижняя челюсть выдалась вперед, и в ней белели два широких зуба.

Бутылконос!

Песок под животным медленно окрашивался в алый цвет.

— Он ранен, смотрите, он ранен!— крикнул Пако.

Рыбаки, которые уже начали было суетиться около лодок, чтобы, накинув животному на хвост петлю, оттащить его назад в море, вернулись. Светлое брюхо было разорвано об острые края кораллов в то время, когда волны перебрасывали кита через риф. Животное истекало кровью, помочь ему было нельзя.

Пако жалел кита. Он зашел в воду по пояс и, стоя в пене и брызгах около животного, гладил скользкий складчатый бок. Вода то окатывала их с китом, то, отступая, обнажала серый песок с розовыми, идущими от бутылконоса пятнами.

—ДО СВИДАНИЯ, ПАКО!

Приближалась осень, время дождей и ураганов. В деревне становилось все меньше людей. Многие уезжали в город. Пора было в школу и Пако.

Машина в город ходила из соседней деревни, и до нее надо было добираться пешком.

Теплым утром меня разбудил камешек, со щелканьем прокатившийся по дощечкам оконного жалюзи.

Я вышел и увидел Пако. На шее у него был бело-синий галстук, у ног лежала туго набитая книгами сумка.

Я подошел к нему.

Пако нагнулся, вытащил из сумки свой огромный зазубренный нож и протянул его мне.

— Вот,— сказал он, не улыбаясь,— возьмите. У вас маленький. А вам еще плавать.

Я покачал головой.

— Я тоже скоро уеду, Пако,— сказал я.— Я полечу домой. Я увижу сверху твою школу.

— Я буду стоять около нее,— сказал Пако.— Когда вы полетите, я выйду на улицу. Меня отпустят.

— Спрячь нож, пригодится.

Пако кивнул и спрятал нож.

На дороге показался отец Пако — большой Франциско. Он подошел к нам, поздоровался и сказал Пако:

— Пошли!

Мальчик поднял сумку и побрел следом за отцом. Они шли гуськом, друг за другом, оба в одинаковых клетчатых рубахах и потертых, выгоревших на солнце штанах.

— До свидания, Пако!— крикнул я.

Маленькая фигурка остановилась. Пако повернулся, помахал рукой. Он махал до тех пор, пока его отец не скрылся за поворотом. Тогда мальчик пустился догонять его.

СТРОИТСЯ ДОМ...

В нашей стране много строят. Растут заводы и школы, театры и стадионы, элеваторы и дворцы культуры. Но больше всего строится жилых домов.

Сейчас жилые дома строят так же, как автомобили, самолеты, комбайны,— на заводах. Во всех уголках страны выросли домостроительные комбинаты. Это как бы подготовительные цеха, где готовят целые квартиры, лестничные марши, перекрытия между этажами.

И сама стройка стала цехом, здесь теперь есть даже свой конвейер: цепочка машин, которые выполняют все строительные операции. Давайте пройдем вдоль этой цепочки.

...Дома еще нет. Есть пустырь — бугристый, поросший бурьяном, заваленный камнями. Прежде всего нужно подготовить строительную площадку. Конвейер машин начинается с **планировочного бульдозера.** Новый челябинский бульдозер выравнивает площадку не на глазок, его автоматический прибор следит за тем, чтобы грунт из-под щита ложился ровным слоем.

На смену бульдозерам приходят **экскаваторы** — роют котлован. Потом на мощных тягачах подвозят тяжелые **молоты,** они загоняют в грунт железобетонные сваи — основу фундамента. Две с половиной тонны с высоты обрушиваются на сваю! Как гвоздь в доску, входит в землю двенадцатиметровая свая...

Фундамент готов. Закончен, как говорят строители, нулевой цикл. Теперь принимаются за работу **бетономешалки и смесители.** Смеситель, удостоенный Знака качества, быстро готовит высококачественные бетоны, тщательно размешивает цементные растворы.

Главная машина на стройке — **подъемный кран.** Он виден издалека. Строительство сейчас пошло многоэтажное, и домом в двадцать пять этажей никого не удивишь. А кран должен быть вровень дому. Такой самоходный, поворачивающийся во все стороны кран можно сейчас увидеть на высотных стройках.

Главные люди на стройке — монтажники. **Панелевозы** привозят с комбината готовые панели, монтажники принимают их из «рук» подъемного крана и устанавливают в нужное место. Пока кран несет панель на этаж, особое устройство разворачивает ее так, чтобы она сразу стала на место. Скажем, если это потолок, к монтажнику он придет в горизонтальном положении.

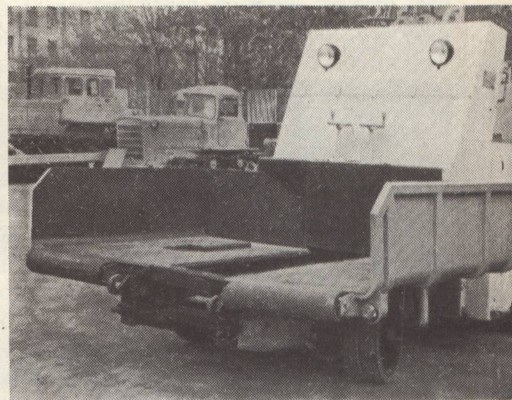
Когда дом смонтирован, в квартиры приходят отделочники. Им тоже помогают машины, даже гайки теперь затягивают с помощью **электрических гайковертов,** а малярную кисть заменили **пистолеты-распылители.** Есть такие пистолеты и для штукатуров. Раствор в них подают по трубам из резервуара, который может находиться в ста метрах от квартиры, где идет работа.

Дом готов. Но, чтобы в него могли въехать новоселы, краску, штукатурку, обои нужно побыстрее высушить. Включаются **осушительные установки.** За час они втягивают пятьсот кубометров теплого сырого воздуха и поглощают два килограмма воды!

Работа окончена. Строительный цех переезжает на новое место, и снова под открытым небом начинает работать сборочный конвейер.

Ровный, как асфальт

Чтобы к новому дому можно было подойти и подъехать, надо проложить хорошую дорогу. А если работает самоходный асфальтоукладчик николаевского завода «Дормашина», асфальт получается идеально ровный. На этой машине установлена следящая система: ее датчики замечают малейшие неровности и подают сигналы трамбующему брусу и утюгу. На снимке — один из новых асфальтоукладчиков.

Само-ходные леса

Обычно, когда стройка заканчивается, леса разбирают. В закарпатском городе Калуше построили самоходные передвижные леса. Они установлены на гусеницах и могут переезжать с одной стройки на другую. На небольшом подъемном кране «Пионер» смонтированы площадки, которые с помощью электродвигателей поднимаются к нужному этажу.

Как забраться на потолок

Вы, наверно, видели, как работают маляры и штукатуры, которым приходится отделывать высокие потолки, скажем, в физкультурном зале или кинотеатре. Им приходится балансировать на стремянках или в зыбких люльках, подвешенных к потолку. Теперь для них сделан подъемник. Как гармошка, он растягивается вверх на семь метров. Вместе со строителями под потолок поднимаются баки с краской или штукатуркой Передвигается подъемник своим ходом — на тракторе.

Дома для строителей

На заводе у рабочих есть раздевалки, души, столовые. И на стройке тоже. В городе Щекино под Тулой делают передвижные домики для строителей: уютные раздевалки, столовые, общежития — на тот случай, если стройка далеко от жилья.

М. ГУРЕВИЧ,
О. ЛИБКИН.

Что нам читать?

Однажды в детстве я прочитал книгу...

В самолете «АН-2», следовавшем в аэропорт Сухуми, послышался хриплый и злой голос: «Всем руки вверх! Не то буду стрелять...» 180 секунд длился поединок в небе. Три матерых бандита пытались захватить и угнать самолет. Командир экипажа В. Шленов грудью заслонил пилотскую кабину, а второй пилот В. Томашвили смело бросил самолет в пике. «Воздушная акробатика» помогла обезоружить преступников.

Случилось это летом 1966 года. Комсомольцу Валерию Томашвили было тогда двадцать два года. Он делал первые шаги в небе, мечтать о котором начал еще мальчишкой. Добиться цели, осуществить свою мечту ему помогла книга.

С восьми лет я упрямо твердил: буду летчиком. Жил рядом с аэродромом, и день для меня начинался гулом моторов. А запускал их мой отец — бортмеханик. Он-то и взял меня однажды с собой на борт.

«Выбор сделан, — думал я тогда, — остается лишь поторопить время». Выучил наизусть биографию Валерия Павловича Чкалова, перерисовал в альбом десятки самолетов... Но очень скоро убедился, что начинать надо не с этого. Вернее, не только с этого. От мечты «потрогать облака рукой» до первого самостоятельного полета — дистанция огромная. Авиатор — профессия романтичная, почетная, но готовиться к ней надо долго и упорно. Очень скоро я понял это.

Однажды я увидел в журнале «Пионер» рассказы из жизни авиаконструктора **А. С. Яковлева.** Начал читать и не мог оторваться. Но в «Пионере» книга печаталась не полностью. Я узнал, что вышла книга Александра Сергеевича **«Рассказы авиаконструктора»**, достал ее и снова прочел. Вместе с автором, ведущим советским конструктором самолетов, я впервые словно пережил неповторимое время становления и развития советского воздушного флота: участвовал в состязаниях планеристов, совершил рекордный перелет по трассе Москва — Ростов на авиетке «Пионерская правда», сокрушал фашистов в небе военной Москвы, строил знаменитые спортивные самолеты...

Герои этой книги — виднейшие ученые, прославленные конструкторы, летчики-испытатели, воздушные асы-фронтовики, люди, бесконечно влюбленные в авиацию.

Рабочий на аэродроме, механик авиационных мастерских, планерист, слушатель авиационной академии, руководитель конструкторского бюро — таков путь в большую авиацию автора книги А. С. Яковлева, таков он и у большинства героев книги. Всех их объединяет общая черта — упорный труд и стремление к заветной цели.

«Рассказы авиаконструктора» стали моей настольной книгой. Я пытался подражать ее героям... После восьмого класса пошел работать в аэропорт мотористом. Одновременно учился в вечерней школе. Было нелегко. Но я теперь знал, что трудности закаляют характер, что без выдержки, самообладания, решительности, настойчивости не станешь пилотом. Этому тебя не научат в летном училище, ты обязан туда таким явиться. Перечитывая книгу, я все больше убеждался, что всего можно добиться, если ты по-настоящему предан делу, которому твердо решил служить всю жизнь, если в самые трудные минуты друзья доверяют тебе.

Уже будучи командиром самолета «Ил-14», я познакомился с новой книгой А. С. Яковлева «Цель жизни». Яркая, интересная жизнь автора захватила меня. Как и при встрече с первой книгой, я черпал вновь полезные для себя советы.

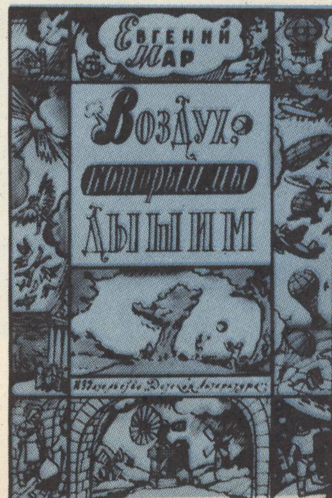
Валерий ТОМАШВИЛИ,
командир самолета «Ил-14».

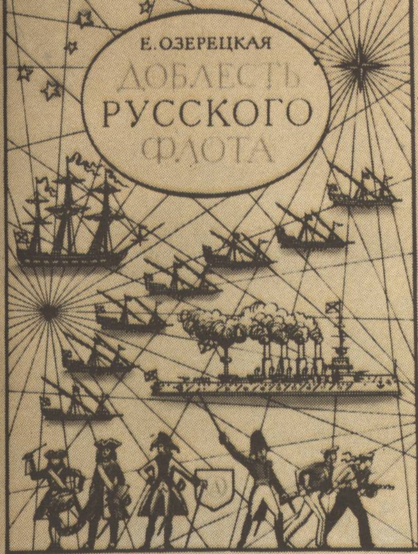
* * *

ВСЕ О ВОЗДУХЕ

Вы, наверное, думаете, что знаете о воздухе все. Действительно, сейчас мы немало знаем о нем. Но далеко не все. Уже много веков ученые разгадывают «секреты» воздуха. В XVII веке французский ученый Лавуазье определил, что воздух состоит из кислорода и азота, и только почти сто лет спустя ученые открыли в составе воздуха и другие газы.

О том, что же представляет собой воздух, который нас окружает, как воздух помогает строить дома и лечить больных, хранить продукты и резать металл, как с его помощью из-под земли добывают уголь и как добывают прямо из воздуха удобрения — обо всем этом вы узнаете из книги ЕВГЕНИЯ МАРА «ВОЗДУХ, КОТОРЫМ МЫ ДЫШИМ».

От ботика Петра — до кораблей-ракетоносцев

События, описанные в книге, о которой я хочу тебе рассказать, перенесут тебя в далекое и не очень далекое прошлое, в те времена, когда наши флотоводцы и моряки своими подвигами и боевой славой создавали историю отечественного флота.

Год 1688-й. С него начинается история российской морской державы, с того памятного дня, когда юный царевич Петр Алексеевич — будущий Петр Первый — разыскал в старом амбаре неведомо как попавший туда старинный английский ботик.

И вот уже в Архангельске один за другим вырастают новые корабли. В 1696 году первая русская флотилия одержала блестящую победу над турками под Азовом. Это было ее боевое крещение.

Что составляет доблесть русского флота? Славу и честь его? Чьи имена навеки вписаны в героическую историю непобедимого и легендарного российского и советского флота?

Об этом поведает тебе книга Е. ОЗЕРЕЦКОЙ «ДОБЛЕСТЬ РУССКОГО ФЛОТА».

Очень часто ты встретишь в книге слова «впервые», «первый». Ты узнаешь о Великой северной экспедиции Витуса Беринга, который впервые прошел на своем корабле по проливу, носящему теперь его имя.

О первом в истории русского флота кругосветном путешествии Ивана Крузенштерна и Юрия Лисянского. О Фаддее Беллинсгаузене и Михаиле Лазареве, которые впервые подошли к берегам неведомой до этого Антарктиды.

Книга расскажет тебе о кораблях революции: о броненосце «Потемкин», матросы которого подняли в 1905 году красное знамя восстания, и о крейсере «Аврора», возвестившем в октябре 1917 года зарю Великого Октября.

Ты узнаешь, как советские моряки в годы войны с фашистами достойно продолжали и приумножали славные боевые традиции нашего флота, и о том, что он представляет собой сегодня. Где плавают наши суда, какие задачи решают. Ты узнаешь о специальных океанографических кораблях и о советских моряках, ставших на море помощниками ученых в научных исследованиях.

В послесловии к книге инженер-капитан I ранга В. Ю. Усов рассказывает о том, как сегодня Военно-Морской Флот СССР защищает рубежи своей Родины, об атомных подводных лодках, о быстроходных кораблях-ракетоносцах, о противолодочных крейсерах с мощным ракетным вооружением.

Книгу «Доблесть русского флота» интересно не только читать, но и рассматривать. Иллюстрировали ее художники Е. Войвилло и Ю. Киселев. В ней много рисунков, которые помогут тебе представить, как происходили морские бои и сражения, чем отличались друг от друга, скажем, фрегаты и бриги, линейные и бомбардирские корабли, как с течением времени менялась одежда моряков. Ты увидишь карты мира с означенными на них маршрутами русских экспедиций. Может быть, прочитав книгу, ты тоже захочешь стать моряком и будешь прокладывать новые маршруты по морям и океанам. Счастливого плавания тебе!

Т. ВЛАДИМИРСКАЯ

* * *

«ОКЕАН» — это сборник, авторы его адмиралы, командиры кораблей, капитаны, писатели. Они рассказывают о морских профессиях и о жизни моряков, о дальних морях и о легендарных плаваниях, о героических морских традициях и о замечательных подвигах российских и советских моряков.

Солнце и Земля

Солнечные лучи — источник жизни на Земле. Без Солнца не было бы растений, животных и нас с вами, дорогие читатели.

Еще в XVIII веке знаменитый английский астроном Уильям Гершель, изучив рыночные цены за два века, заметил, что в те годы, когда на Солнце было больше пятен, урожаи были выше и пшеница на рынке стоила дешевле.

Два века спустя советский ученый А. Л. Чижевский писал: «Итак, наше Солнышко приходит в неистовство девять раз в столетие... Вся природа Земли во время этих страшных извержений и вспышек на Солнце приходит в неистовое... состояние...»

Есть такая наука — гелиобиология, она изучает, как Солнце влияет на всю живую и неживую природу Земли, с гелиобиологией — этой новой отраслью науки знакомит нас ФЕЛИКС ЗИГЕЛЬ в своей книге «ВИНОВАТО СОЛНЦЕ».

Б. РОЗЕН

ПЕРВАЯ НАГРАДА

Школа эта знаменитая, гремит на весь район. По успеваемости если не первое место, так уж второе держит наверняка! Но, главное, здесь люди в охотку учатся, для своего удовольствия. А раз так, значит, и пятерки крепче и на душе веселей.

В Новоукраинке (есть такой городок на Украине), в школе номер четыре, как раз подобрались такие веселые и боевые люди. Над их школой, говорят, и солнышко чуть раньше встает — так все здесь получается споро и здорово!

Но погодите. Что же в самом деле за чудо такое? Может, собрали сюда специально каких-то ребят? Бывают же такие школы: для математиков, скажем, или для биологов, или для особых любителей немецких глаголов... Нет, секрет значительно проще. Собственно говоря, секрета вообще никакого нет. Просто здесь ребята спорт любят. Он-то и помогает в учении, в пионерской работе. Оттого и солнышко здесь встает раньше, что школа встречает его дружной физзарядкой!

Невелик город Новоукраинка, и школа номер четыре в нем — одна из нескольких. А вот по-

Победителя определит фотофиниш.

Фотографии В. АРСИРИЯ.

Рисунки В. МУДРЕЦОВА.

ди ж ты! На последних соревнованиях по пионерскому четырехборью «Дружба» и девочки и ребята заняли в районе первое место. Да с таким отрывом, что команду, занявшую второе место, и не видать. А Люда Стратонова из седьмого класса взяла на тех соревнованиях три первых приза из четырех.

Отличным спортсменам открыта дорога и на областные соревнования. Здесь чемпионы четвертой школы тоже в грязь лицом не ударили. И вот уже мелькают их майки на первенстве Украины! Вот так-то...

А мы к чему этот разговор завели? А к тому, что раздаются иной раз эдакие жалобные голоса (письма, например, к нам в «Пионер» такие приходят), что, мол, где уж нам: живем в маленьком местечке, учимся в самой простой школе. И того у нас нет, и сего у нас нет... Но, оказывается, везде можно своего добиться. Даже в самой простой школе, где и зал-то спортивный появился недавно, где ребята учатся в две смены и, значит, на тренировки в зале времени в обрез. И все таки школа держит первые места по баскетболу, по ручному мячу. А для этих видов как раз и необходимы закрытые залы!

Нелегко, конечно, приходится. Но чемпионом вообще нелегко стать.

Еще традиционно сильный вид спорта в школе — легкая атлетика. Недаром по «Дружбе» держат они первые места.

Легкая атлетика — основа почти каждого вида спорта. Не сдав своевременно норм ГТО, не станешь легкоатлетом. Не узнав азы легкой атлетики, вряд ли сумеешь стать баскетболистом, пловцом, фехтовальщиком, боксером, лыжником, футболистом.

Это хорошо понимают ребята из четвертой школы. Еще весной, когда наш фотокорреспондент делал эти снимки, из семисот учеников половина была значкистами ГТО. Теперь, в августе, их, конечно, куда больше!

Уверенно шагает ГТО по стране, ГТО — прыжок в большой спорт. Сегодня ты, скажем, чемпион своего звена. А завтра... завтра чемпион района или даже республики.

Да, впрочем, не в чемпионстве же дело. Главное, что со спортом и учиться легче и дышать веселей! А значит, да здравствует спорт, да здравствует чистый воздух, утренняя зарядка! Честь тебе и слава, первая моя спортивная награда — значок ГТО!

Т. ЗЕМЦОВА,
Кировоградская область

Есть новый рекорд звена!

— А я как рвану!
— Тю, Гришка! Ты же всю дорогу в хвосте плелся...

Я и моя собака

Я нашел щенка на берегу нашего озера и принес домой. А мама говорит, что собак на улице подбирать нельзя...
С. Архипов, г. Кемерово.

У моего друга Вовы Кузьминкова есть овчарка. Барсу уже два месяца. Чем его кормить?
Миша Иржак, пос. Черноголовка, Московская обл.

Моему щенку уже месяц. Но я не знаю точно, как за ним ухаживать, какие у него в детстве могут быть болезни, какие ему нужно давать витамины.
Галя Иванова, г. Горький.

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Отчего они болеют?

П. ОТТО, ветеринарный врач

Первые созревшие яблоки раскачивались на ветках, дразня наливными боками. Я так долго и терпеливо ждал, когда наконец смогу сорвать их.

Не успел я открыть калитку, путь к яблоням мне преградила наша дворняжка Фроська. Скрученный баранкой хвост, беспокойно торчащие уши — все выражало необыкновенное волнение. Тревожно лая, она схватила меня за брюки и оттащила назад. Но до Фроськи ли мне было! Оттолкнув собаку, я подбежал к яблоне, протянул руку и тут же почувствовал обжигающую боль. Пчелы!

Вот о чем предупреждала меня Фроська! Да мог ли я подумать, что непородистая, без королевской родословной Фроська почувствует опасность раньше, чем я!

Жили мы в то время в Калужской области. Сколько я себя помню, в доме всегда были собаки. Вместе с простушкой Фроськой жила гордая аристократка борзая Бетси. Ирландский сеттер, прозванный Отелло за свой ревнивый характер, прекрасно уживался со звонким фокстерьером, который любил немного поважничать, за что его и нарекли Сэром Питером. Впрочем, в домашнем кругу с ним не особенно церемонились и называли просто Петькой.

Отец разрешал нам дрессировать собак, играть с ними, купаться в реке — словом, все, что угодно. Единственное, что нам строго-настрого запрещалось, это баловать собак. Отец говорил: баловать собаку — значит укорачивать ей жизнь. Потому что при тепличном воспитании собака легко может заболеть.

С самого детства я мечтал только об одном: поскорее вырасти и стать ветеринаром. Я стал ветеринаром, и мне частенько приходится вспоминать слова отца.

В лечебницу пришла женщина с больной собакой. Заболевание неопасное, но на несколько дней собаку пришлось оставить подлечиться у нас.

— Доктор, я хочу вас предупредить, — сказала женщина на прощание, — она у меня сама из миски не ест, я ее кормлю из ложки.

Я ей ответил, что у нас для всех собак условия одинаковые и нет специальных людей, которые кормили бы собак из рук. Женщина так волновалась и упрашивала меня, что пришлось ей пообещать, покривив душой.

После ее ухода я сразу же отправился к санитарке и сказал, что **даже если собака вооб-**

ще не будет есть, из рук ее не кормить. И собака прекрасно ела из миски, не заставляя себя упрашивать. Но вернулась домой, и снова миска одиноко стояла на полу.

Прихожу утром на работу, на полу около кабинета, как брошенная тряпка, лежит коричневый эрдельтерьер. Глаза закрыты. Ему очень плохо. На стуле рядом девочка лет тринадцати. Светловолосая голова опущена, крупные слезы капают на ученический фартук. Услышала шаги, подняла голову, смотрит на меня. Я не могу ей помочь.

Эрдель был здоровой и веселой собакой, потом подхватил насморк. Девочка решила самостоятельно вылечить его и стала колоть пенициллин. Дня через два от насморка не осталось следа, и девочка была очень довольна. Она и не подозревала, какой вред нанесла своему любимцу. В организме собаки выработался иммунитет — невосприимчивость к этому лекарству. Теперь собака погибает. Спасти ее может только пенициллин, но организм уже не воспринимает это лекарство. **Ни одно лекарство, самое на первый взгляд безобидное, даже витамины, нельзя давать собаке без совета врача.**

Ко мне в кабинет влетел щенок. Взъерошенный, он нетерпеливо лаял, требуя, чтобы его поскорее осмотрели и отпустили. У него было мало времени — он спешил домой играть. Вслед за ним вошел мальчик. Пуговицы у него на пальто были выдраны с «мясом», а ушанка, которую он держал в руках, сиротливо оттопыривала свое единственное ухо. Ему тоже хотелось поскорее уйти. Сразу было понятно, что мальчишка со щенком живет душа в душу. Если бы у щенка было пальто, то на нем наверняка не хватало бы пуговиц. Однако друзьям пришлось задержаться. При осмотре я обнаружил у щенка псевдорахит. Рахит не от недостатка витаминов, а, наоборот, от излишка.

Щенок родился летом, когда было много солнца. Бегая по лесным полянам, он находил «витаминные» травки. У всех собак развито такое чутье. А мальчик, ничего не зная об этом, давал щенку искусственные витамины Д-2 и Д-3. Хорошо еще, что он вовремя привел щенка на осмотр.

Собаку можно мыть только один раз в три месяца. У собаки под шерстью есть защитный слой жира, который хранит ее от многих болезней. Мыло смывает этот слой. Собаку надо мыть только мыльной пеной и ни в коем случае не шампунями или стиральными порошками, которые раздражают кожу.

Иногда забывают, что собаки все-таки отличаются от людей, и **закармливают их всякими сладостями.**

Пожилая женщина, чуть не плача, рассказывала мне, что ее собака начала лысеть и у нее **нарушился обмен веществ.** Женщина нервничала, без конца ходила по кабинету. Она умоляла спасти собаку. Нам пришлось немало повозиться, чтобы собака снова стала здоровой.

Бывает и так. Ребята покупают щенков и сразу же начинают их дрессировать, толком даже не зная, что и как надо делать.

Саша мечтал стать дрессировщиком. После долгих уговоров ему наконец купили собаку. С тех пор домашние только и слышали: «Стоять! Лежать! Ко мне! Место! Лови!» Щенок довольно быстро всему научился, но особенно Саша гордился тем, что щенок с любого расстояния ловил теннисный мячик. Вскоре я встретил юного дрессировщика в лечебнице. Щенок подрос и проглотил мячик. Пришлось делать операцию, чтобы спасти собаку.

Конечно, **лучше всего приводить своих собак в лечебницу, когда еще они здоровы,** чтобы любую болезнь «схватить за хвост», пока она не принесла вреда.

Маленькая девочка навзрыд плакала, забившись в угол. Тоненькие косички вздрагивали. Кудлатая дворняга подвывала ей. Обе чувствовали себя несчастными. Не успели они стать друзьями, а им приходилось расставаться. Девочка нашла дворнягу зимним неприветливым вечером. Дул колючий ветер. Девочка спешила домой. Вдруг из сугроба высунулась забавная мордашка и опять нырнула в сугроб. Девочка взяла щенка на руки, он доверчиво ткнулся носом ей в руку и сразу же уснул.

И все бы было хорошо, **если бы на следующий день девочка принесла найденного щенка в лечебницу. Мы сумели бы ей помочь. У собаки оказался стригущий лишай.** Болезнь, которой болеют и люди. Девочка заразилась. Ей остригли волосы, она долго не ходила в школу, а собака лечилась у нас в больнице.

Каждое утро я прихожу в больницу. День за днем ко мне приходят дети и взрослые, приводят своих собак. Я осматриваю их, выписываю лекарство, оперирую и все время думаю, что **половина этих собак могла быть здоровой, если бы не слепая любовь людей.** Я вспоминаю собак, которые были у меня в детстве: и Фроську, и Бетси, гордую и обидчивую, зазнайку Сэра Питера. Мне очень повезло, что воспитывал этих собак мой отец. Человек, любивший животных, но всегда строгий и требовательный к ним. Наши собаки всегда были здоровые. Мы кормили их тем, что оставалось от еды, варили им овсянку, не помню, чтобы они ели сладости. Собака часто становится полноправным членом семьи, и вместе с ее болезнью в дом приходит настоящая беда — потеря друга. Отвести эту беду можете вы, если будете к своим друзьям чуть требовательнее, чем иногда вам хотелось бы.

Мирта

Она быстро привыкла к своей кличке.

— Мирта! — кричала я, и она, забавно забрасывая задние ноги, будто они стремились обогнать передние, бежала ко мне.

Мирта постигала трудную собачью науку: ходила рядом и брала барьеры, приносила то, что просили принести, отыскивала по следам хозяина.

Как-то раз, возвратившись домой с прогулки, Мирта отказалась от еды, почти не пила воды, ушла в свой угол и легла. Утром не встала. Черный нос ее стал сухим и растрескался, бока запали. Ветеринарный врач сказал: «чумка».

Мирта болела больше месяца. Стойко сносила уколы.

Мы с Миртой были друзьями и понимали даже взгляды друг друга. Когда мне было грустно, она подходила и клала свою большую голову мне на колени.

Однажды я прочитала книгу о пограничных собаках и поняла, что моя Мирта может принести на границе большую пользу. Я решила подарить ее пограничникам.

Когда наступил день отправки, Мирта все поняла. Она не рвалась из рук проводника, не скулила. А когда собак стали заводить в машины, она повернулась и долго смотрела на меня.

Ольга **СВЕРДЛОВА**,
г. Пенза.

Агат спас меня

Папа нес его домой в меховой шапке за пазухой, под пальто. Потому что была зима и было холодно, а Агату было лишь 25 дней.

Ел он сначала восемь раз в день. Я все думала: не дворняжка ли это какая-нибудь. Уж очень не был похож Агат на шотландскую овчарку колли. Только к трем месяцам у Агата начала вытягиваться мордашка. Он стал похож на колленка. Когда Агату исполнилось десять месяцев, он получил на выставке собак малую золотую медаль.

Однажды в кухне я поставила варить суп Агату, а сама смотрела фильм «Четыре танкиста и собака». Я так увлеклась, что забыла про газ. Вода закипела и залила огонь, а газ шел. Вдруг в комнату вбегает Агат и как-то странно дышит. Схватил одеяло и сдернул его на пол, а сам все подбегает то к двери, то ко мне. Я поняла. Соскочила, и прямо на кухню. Там невозможно было дышать, но я не растерялась. Сразу перекрыла газ, открыла форточку и выскочила из кухни. Потом открыла форточки в комнатах.

Сейчас Агату полтора года. Мы занимаемся с ним в группе с дрессировщиком. В показательной группе.

Оля **ПОДОЛЬСКАЯ**,
г. Казань.

звали котенка). Заметив нас, Том сразу сник. Он бросился навстречу, стал юлить между ногами, вилять хвостом, заглядывать в глаза, чтобы мы простили его самовольную прогулку. А потом потащил нас к котенку. И у Тома появилась обязанность. Он охранял Находку, не давал никому в обиду.

Лена КОРШУЕВА,
г. Москва.

Близнецы

У меня появилась собака дворняжка. Она живет на улице, я каждое утро ношу ей еду. Она большая, пушистая, белая с черными пятнами, хвост у нее бубликом, и она любит, когда ее ласкают.

Еще я кормлю двух маленьких щенят, которые живут за колонной в парке. Они близнецы, только чуть-чуть отличаются друг от друга. Они рыженькие, с черной мордочкой. Они очень голодные. Даже когда бабушка (не моя) принесла в миске борщ, они его съели и миску утащили к себе в дырку.

Маша,
г. Днепропетровск.

Находка

Летом знакомые пригласили нас с мамой на дачу. Рядом с нашей дачей стояли еще несколько домиков, и получился небольшой поселок. У наших знакомых жил трехмесячный спаниель Том. Темные, круглые уши чуть не волочились по земле, хвостик-коротышка без устали вертелся из стороны в сторону.

Однажды я собралась с Томом пройтись по лесу. При слове «гулять» Томик очень обрадовался и сам подставил голову под ошейник. Он с таким азартом носился по траве за бабочками и стрекозами, что даже уморился. Сел на траву и минуту-две отдыхал. В лесу щенок повел себя совсем по-другому. Сразу стал изучать тропинку, по которой мы шли. Черный нос не подымался от земли. Том даже похрюкивал, исследуя на пути каждый камень и сучок. Под одной из коряг оказалась небольшая нора. «Заговорил охотничий инстинкт», — подумала я. Но Том тут же оставил норку и поспешил дальше.

А на следующее утро Том исчез. Рано-рано, когда никто его не видел, он пролез под калиткой и побежал вчерашней знакомой дорогой. По пути Томик решил искупаться и завернул к речке. Вылез из воды, отряхнулся и вдруг услышал тоненькое «мяу-мяу». На берегу сидел крошечный котенок, черный, с белым пятном на голове, словно в шапке. Том ужасно удивился, потрогал его лапой. Котенок замер. А через пять минут Том уже вел котенка к себе в гости.

Он вышагивал, гордо задрав голову, а позади его спешила Находка (так мы потом на-

ЗАПОМНИ!

Только терпеливый человек имеет право владеть собакой. ...Можно взять хорошего щенка и вырастить плохую собаку.

Лучший учитель — режим.

Сразу отведи щенку постоянное место где-то в сторонке. Положи туда подстилку и, приговаривая «место, место», приучи к нему щенка.

Щенок должен прыгать, резвиться, иначе он вырастет слабым.

Не разрешай чужим людям ласкать щенка. На руках не таскай: у щенка может неправильно развиться позвоночник.

Регулярно гуляй со щенком.

Корми собаку утром в 7—8 часов, когда все завтракают, и второй раз, когда приходишь из школы, перед тем, как сам сядешь за стол. Вредно кормить собаку поздно вечером.

У собаки должна быть своя чашка, из которой она ест, лучше всего алюминиевая. Другая чашка — для воды.

Съела или не съела собака свою еду, миску убирай через пятнадцать—двадцать минут. Посудина с водой должна стоять круглые сутки.

Пища должна быть простой, но питательной. Больше сырого мяса, меньше вареного. Овощи — обязательно. Приучи щенка грызть сырую морковку и капусту. Собака любит заварухи-супы, а от излишка хлеба и каши грузнеет.

Общее правило: худеет собака — надо еды прибавить, толстеет — убавить.

Никогда не принуждай собаку насильно есть. Не злоупотребляй аптечными витаминами. Рыбий жир давай также понемногу.

У здоровой собаки нос всегда влажный и холодный.

Утром ежедневно чеши собаку негустым гребнем — это лечебная процедура.

Когда собака исполняет твою команду (обязательно короткую «Место! Сидеть! Вперед!»), поощри ее лакомством — кусочком мяса.

Собака великолепно чувствует человека, его характер, его сильные и слабые стороны. Бывает, даже ухом не поведет в ответ на все понуждения и приказания.

Все эти заповеди мы нашли в книге Бориса Степановича Рябинина «Друг, воспитанный тобой». Она вышла в прошлом году в издательстве «Детская литература».

Муравейники на карте

Операция «Муравей»... Если ты не слышал еще о ней, это название может показаться тебе даже немножко смешным. Ну что такое муравей! Козявка! Какая может быть от него польза? А польза, оказывается, огромная, можно сказать, государственная.

Много в лесу муравейников — быть лесу здоровым, не страшны тогда зеленым листьям прожорливые гусеницы.

Поэтому-то ученые и специалисты лесного хозяйства берут на учет все крупные колонии лесных муравьев, составляют карты, выделяют виды муравьев, полезные для разных районов нашей страны. А если нужно, заботливо перевозят муравейники туда, где лесу плохо, где не хватает лесных санитаров.

В этой работе участвуют и школьники. Прочитайте письмо Лили Гадальшиной из Уфы, из секции юных энтомологов школы № 9.

Наши походы

На летние каникулы наши ребята уезжают отдыхать во все уголки Башкирии. И каждому учитель биологии вручает задание нашей секции — план наблюдений за муравьями.

Разные муравьи живут в разных природных условиях. У нас в Башкирии есть и степь, и леса, и луга, и горы. Вот уже четыре года мы наблюдаем муравьев, изучаем, как зависит их расселение от природных условий.

Во время походов мы стараемся вести точные записи, иначе работа не будет иметь никакой ценности. В поход берем пробирки с ватными пробками и пинцет. Когда гнездо найдено, отбираем из него 10—20 муравьев в пробирку со спиртом. Туда же кладем кусочек бумаги с номерком этой пробирки. А в записной книжке пишем этот номер и рядом точную дату сбора (час, число, месяц, год), погоду, местонахождение муравейника (лес, луг и т. д.). Важно указать, что росло возле муравейника — деревья или кустарник, влажное было место или сухое, были ли тропы от гнезда, сколько их, куда они ведут. Осматриваем муравейник, записываем, как он освещен, есть ли наружная постройка, из чего она сделана, ее размеры, диаметр, высота. Стараемся выяснить, большая ли семья живет в гнезде, есть ли крылатые муравьи, агрессивны ли жители муравейника.

Осенью мы собираем эти наблюдения, по определителю выясняем, к какому семейству, подсемейству, роду относятся муравьи. Для всех у нас есть свои условные значки. Их мы и наносим на карту. Всего мы изучили восемь районов Башкирии.

В походах мы стараемся изучать не только рыжих лесных муравьев, но и менее полезных, например, черного садового и муравья-древоточца. Они ничуть не менее интересны. Муравьи ловко прячут свои гнезда, поэтому нельзя проходить мимо пней и лежащих деревьев. Мы переворачиваем камни, заглядываем в любые норки, кочки, выбросы почвы.

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

Наблюдаем круглый год

Мы придумали несколько искусственных муравейников. В них можно круглый год наблюдать за муравьями.

Трехлитровую банку на две трети наполняем землей из муравейника, сажаем растения, принесенные из леса, кладем кусочек подгнившего дерева, несколько камешков, можно посадить мох — вот и готов муравейник! Останется только принести муравьев. Они сами выкопают себе гнездо в том месте, которое им понравится. Горлышко банки надо затянуть марлей.

В таком **стеклянном муравейнике** мы наблюдали зимнюю спячку. Уснули муравьи в первых числах октября. Только пять-шесть муравьев оставались на поверхности. 21 марта все они одновременно пробудились от спячки. Весной, когда растает снег, мы выпускаем своих пленников на волю.

Гипсовый муравейник нравится нам больше. Картонную коробку из-под конфет заполняем густым раствором медицинского (но не строительного!) гипса. И сразу же, не дав ему застыть, чертим палочкой главный ход и ответвления от него. Когда гипс застынет, отшлифовываем поверхность муравейника и накладываем сверху стекло, закрепив его изоляционной лентой или лейкопластырем. Через оставленный вход пускаем муравьев. Теперь можно в любое время наблюдать за ними.

Основное требование всех муравьев — достаточная влажность. Муравьи совершенно не переносят сухости и быстро погибают, если муравейник не поливать. Но и излишней влаги они не любят.

Муравьи обычно живут в темноте, поэтому наши муравейники прикрыты черной бумагой, картоном или лоскутом ткани. Открываем их только для наблюдений, но ненадолго, иначе муравьи возбуждаются, перестают есть и погибают.

Едят муравьи насекомых — мух, гусениц,— мясной фарш. Сахарный сироп или мед дает им необходимые углеводы. Кормить лучше на выгуле в определенном месте. Корм класть на специальную подставку (кусочек стекла, картона).

Молодцы!

Это письмо мы показали доценту МГУ энтомологу Геннадию Михайловичу Длусскому.

— Молодцы!— сказал Геннадий Михайлович, прочитав письмо.— Хорошая работа, все ребята делают правильно. Хочу только обратить их внимание вот на что: наносить на карту нужно не все муравейники подряд. Это очень трудно сделать. Цель операции «Муравей»— выделить участки, где есть большие колонии рыжих лесных муравьев. На заключительном этапе операции работники лесного хозяйства смогут взять оттуда муравьев для расселения.

Ребята из Уфы работают уже несколько лет, у них есть большой опыт. Они умеют пользоваться определителем, наблюдать жизнь муравьев в искусственных гнездах. Пусть только не забывают весной вернуть муравьев в те же гнезда, откуда они их взяли. Иначе муравьи погибнут.

Вся эта работа требует больших знаний, вести ее можно только под руководством учителя.

Для тех, кто только начинает, главное — охранять муравейники от разрушения. Разъясняйте всем пользу лесных санитаров, развешивайте плакаты. Не поздно делать это и сейчас—в августе и сентябре.

Леннарт ХЕЛЬСИНГ

Королевство Лето

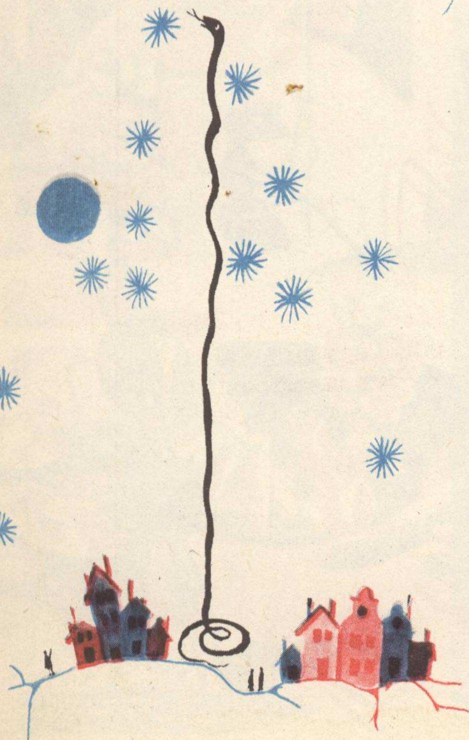
Рубашка нараспашку —
я и́з дому сбегу.
Я кашку, я ромашку
увижу на лугу!

Цветами разодета
зеленая земля,
вот Королевство Лето,
где я — за короля!

Там слушает фиалка,
как иволга поет.
За этот миг не жалко
мне дрогнуть целый год!

Кувшинки полукругом,
пруд звонок и глубок...
Мой взгляд летит над лугом
быстрей, чем мотылек!

Сын моряка

Клен за окном кирпично-желт.
Дождик стучит по раме.
О, скоро ли шхуна вернется в порт
под мокрыми парусами?
Сад осы́пался. Восемь луж.
В каждой луже по восемь груш.
Баю-бай, баю-бай...
Юнга, засыпай!

Длинный змей

Живет на белом свете змей такой большой длины,
что голова его и хвост друг другу не видны.
И если бы его, как шест, поставили на хвост,
то маленькая голова достала бы до звезд!

Путь от хвоста до головы — что из Сибири в Крым,
и познакомиться никак не удается им!
Пока засовывает змей за щеку леденец,
зарядкой занимается другой его конец.

Вот, на диване сидючи, читает книжку хвост,
а голова на поезде переезжает мост...
Она послала раз хвосту рождественский пирог,
но только в марте бедный хвост полакомиться смог.

И лишь когда им провели обоим телефон,
он сообщил ей, что весьма подарком удивлен...
Но ставлю точку вовремя я в песенке своей,
чтобы она не сделалась такой, как длинный змей!

Рисунки П. БАГИНА

Господин Свиристель

Звенит капель... На клен, на ель
не сядет Свиристель.
А вот рябину любит он,
как дети карамель!

Повыше влез и смотрит: в лес
бочком вошла весна...
На блюдце пасмурных небес
гроздь огненно-красна!

Сороконожка

От зависти к ее судьбе
захватывает дух!
Представьте: целых сорок
ног
взамен обычных двух!

Но это очень нелегко —
сороконожкой быть.
Неделю надо ногти стричь
и сутки ноги мыть!

Шарманщик

Я в Неаполе
всем известен.
Кинь монетку —
я запою.
Кто не слушал
протяжных песен,
тот не знает
судьбу свою!

Попугаиха
Жозефина
вам протягивает
письмо.

Стойте,
милая синьорина,
счастье в руки
плывет само!

...На прохожего
обезьянка
сыплет пестрое
конфетти.
Солнце светит,
поет шарманка...
Невозможно
не подойти!

Трикель-Трокель

(ПЕСНЯ ПРО ИГОЛКУ)

Колдунья Три́кель-Тро́кель,
плясунья хоть куда,
в конверте, как в карете,
приехала сюда.

Она хвостом длиннющим
виляет целый день
и нос из любопытства
сует во что не лень!

Колдунья одноглаза,
но нужен глаз да глаз,
чтобы она внезапно
не укусила вас.

Колдунью
Трикель-Трокель
мы просим от души:
по шелку и по ситцу
пляши, пляши, пляши!

Перевела со шведского
Татьяна БЕК.

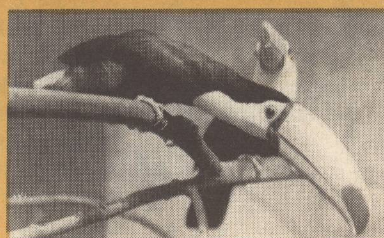
сорока, утка, лиса, утконос, тигр, кот, гагара,

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Кроссворд носорога и улитки

Посмотрите, с каким любопытством заглядывает эта редкая птица тукан в кроссворд. Наверно, ей хочется узнать, кого поселили в нем носорог и улитка.

Помогите ей. Названия животных и птиц составьте из букв, которые входят в слова «носорог» и «улитка».

Поздравляем с победой

Закончился розыгрыш первенства между командами «Пантера», «Тигр», «Барс» и «Львята». Результаты вы видите на таблице. Первое место заняла «Пантера».

Каждая команда играла с каждой из команд по одному разу. За выигрыш начислялось два очка, за ничью — одно, за проигрыш — ноль. В таблице многие клетки не заполнены. Определите, сколько всего было сыграно матчей и сколько игр провела каждая команда, тогда вы сможете заполнить таблицу.

Название команд	Сыграно матчей	Выиграно	Ничьи	Проиграно	Количество очков
Пантера					5
Тигр		1		1	
Барс			0		
Львята		0			2

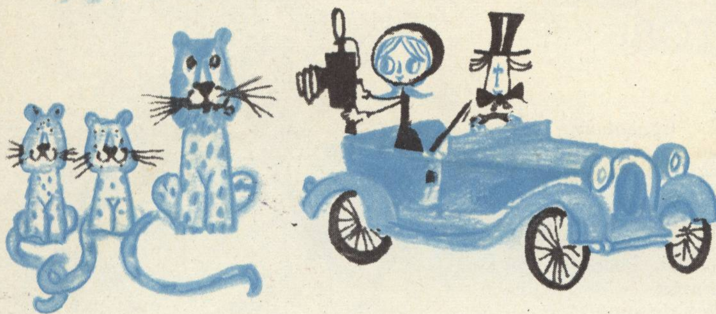

Входной билет

Я придумал для вас новый входной билет. Вот он:

Пантеры и гиены

Двенадцать марок с изображением пантер и гиен пополнили нашу коллекцию: шесть иранских и шесть мавританских, в каждой серии три марки с изображением пантер и три марки с гиенами.

Положите четыре марки из этих двенадцати так, чтобы по крайней мере:

1. Одна марка с гиеной лежала слева от марки с пантерой.
2. Одна марка с гиеной — справа от марки с пантерой.
3. Одна марка с пантерой рядом с другой маркой с изображением пантеры.
4. Одна мавританская марка была бы справа от марки из Ирана.
5. Две мавританские марки лежали бы рядом.

Желаем успеха!
Лупа и Пинцет.

Желаем успеха! Лупа и Пинцет.

ЧЁРНЫЙ ВСАДНИК

Я боюсь, дойдет до ссоры!
Уверяет Буквоед:
— Черный всадник едет в горы!
А Живживка спорит: — Нет!
Черный всадник едет с гор!
Разрешите этот спор!

Капитан ПЕРО

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 7

ИГРЫ ЛУПЫ И ПАНТЕРЫ

Бегемоты и жирафы

1. Из условия 1 ясно, что на марке № 3 не может быть изображен бегемот, так как справа от этой марки не лежит ни одной марки. 2. Значит, на марке № 3 — жираф и по условию 2 марка № 2 — также с жирафом, а марка № 1 — с изображением бегемота. 3. Из условий 3 и 4 ясно: марки № 1 и № 2 не могут быть марками Нигерии, значит, марка № 3 — из Нигерии, а из Камеруна марки № 1 и № 2. Следовательно, марка № 1 из Камеруна. На ней нарисован бегемот. Марка № 2 — тоже из Камеруна, на ней тоже бегемот. Марка № 3 — из Нигерии. На ней жираф.

КАПИТАН ПЕРО-86 ИЩЕТ ПОМОЩНИКА.

Загадочный пароль.
Пароль карандашей — «месяц».

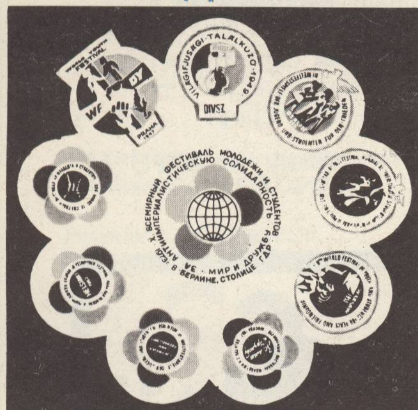
ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА.

Зигзаги.
Вот какие слова вы должны были составить:
I. Венок, бетон, бутон, сурок.
II. Лопух, фокус, фикус, минус.

СПАСИБО ВСЕМ РЕБЯТАМ, КОТОРЫЕ ПРИСЛАЛИ ВЕСЕЛЫЕ РИСУНКИ И СТИХИ ЖИВЖИВКЕ.

НА НАШЕЙ ОБЛОЖКЕ

ПИОНЕРСКИЙ САЛЮТ X ВСЕМИРНОМУ ФЕСТИВАЛЮ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ!

ЭМБЛЕМЫ ВСЕХ ДЕВЯТИ ВСЕМИРНЫХ ФЕСТИВАЛЕЙ

Слева вверху (видишь рукопожатие) — эмблема I Всемирного фестиваля. Год 1947-й. Прага. 71 страна — 17 тысяч делегатов.

Год 1949-й. Будапешт. II Всемирный фестиваль. 82 страны — 20 тысяч делегатов.

Год 1951-й. Берлин. III Всемирный фестиваль. 104 страны — 26 тысяч делегатов.

Год 1953-й. Бухарест. IV Всемирный фестиваль. 111 стран — 30 тысяч делегатов.

Год 1955-й. Варшава. V Всемирный фестиваль. 114 стран — 31 тысяча делегатов.

Год 1957-й. Москва. VI Всемирный фестиваль. 131 страна — 34 тысячи делегатов.

Год 1959-й. Вена. VII Всемирный фестиваль. 112 стран — 18 тысяч делегатов.

Год 1962-й. Хельсинки. VIII Всемирный фестиваль. 137 стран — 18 тысяч делегатов.

Год 1968-й. София. IX Всемирный фестиваль. 138 стран — 20 тысяч делегатов.

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Технический редактор **В. П. БОРИСОВА.** Макет **А. А. БОРИСОВА.**

Сдано в набор 28/V 1973 г. А 03331. Подписано к печати 2/VII 1973 г. Формат 84×60¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1662. Заказ № 671.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Пешкин дает урок

— Какой урок?— спросите вы.

— Урок игры в шахматы. Пешкин отвечает на вопросы начинающих шахматистов.

Третьеклассник **Вова Разик,** москвич, спрашивает в своем письме, зачем надо записывать партии? **Оля Сергейчук** из Донецка и **Андрюша Лукомский** из Пензы просят Пешкина объяснить, как вести запись.

	a	b	c	d	e	f	g	h	
8	a8	b8	c8	d8	e8	f8	g8	h8	8
7	a7	b7	c7	d7	e7	f7	g7	h7	7
6	a6	b6	c6	d6	e6	f6	g6	h6	6
5	a5	b5	c5	d5	e5	f5	g5	h5	5
4	a4	b4	c4	d4	e4	f4	g4	h4	4
3	a3	b3	c3	d3	e3	f3	g3	h3	3
2	a2	b2	c2	d2	e2	f2	g2	h2	2
1	a1	b1	c1	d1	e1	f1	g1	h1	1
	a	b	c	d	e	f	g	h	

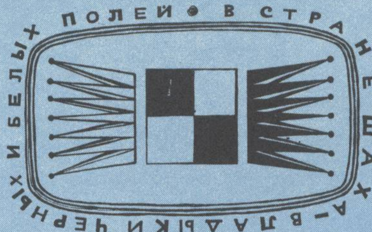
Пешкин составил вот такую диаграмму. Не пугайтесь, что здесь так много цифр и букв. Разобраться в них очень просто. Все горизонтальные ряды на доске отмечаются цифрами от 1 до 8, а все вертикальные — буквами латинского алфавита a, b, c, d, e, f, g, h. Значит, каждое поле обозначается буквой вертикали и цифрой горизонтали. Вот и вся премудрость.

В записи шахматных ходов — нотации — фигуры обозначаются сокращенно: король — Кр, ферзь — Ф, ладья — Л, слон — С, конь — К. Только у пешек нет обозначения. Употребляются также знаки: + шах: (означает взятие), о-о — рокировка, о-о-о — длинная рокировка. Записывать партии необходимо. Если бы не было записей, нельзя было бы учиться шахматному искусству, пришлось бы многое открывать каждый раз заново. Сотни раз мы повторяли бы одни и те же ошибки.

Вот почему уже более тысячи лет назад стали записывать партии и задачи. Вначале запись ходов была неудобной: чтобы записать только одну партию, требовалось много времени.

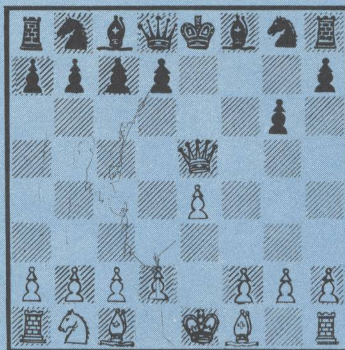
Вот, например, отрывок из шахматной рукописи XV века. Автор этой рукописи, видимо, сильный шахматист, поучает некое высокопоставленное лицо, дает ему советы, как правильно разыгрывать партию:

«Ваше высочество,— говорит он,— играет королевской пешкой на четыре пункта, считая от пози-

ции короля. И если противник играет так же, вы играете королевским конем на три пункта, считая от позиции королевского слона. И если тот защищает пешку пешкой королевского слона, вы берете его пешку конем. И если он берет пешкой, вы даете ему шах ферзем на четыре пункта, считая от его королевской ладьи. И если он закроется пешкой, вы берете его королевскую пешку и даете шах, напав на ладью».

Длинно и непонятно. Пешкин перевел это пространное описание на язык современной шахматной нотации, и вот какую позицию он получил:

А теперь вы, ребята, попробуйте восстановить и записать совет XV века современным шахматным языком.

Сережа Званцев из Владимира, **Толя Руднев** из Йошкар-Олы и **Таня Рыкалова** из Гомеля просят рассказать, как проводить шахматные турниры.

Любой турнир может быть классификационным: участники его могут получить спортивный разряд. Для этого надо, чтобы каждый «рыцарь» сражался не менее чем в десяти партиях. Значит, турнир может состояться при одиннадцати участниках или при шести — тогда каждому придется играть по две партии.

Строго соблюдайте правила игры. Ни в коем случае не берите ходы обратно. Партии желательно записывать.

Не играйте больше одной турнирной партии в день.

Следить за порядком и отмечать результаты в таблице должен староста. Ни в коем случае не насмехайтесь над побежденными. Им и так несладко. Помните, тот, кто проиграл сегодня, может стать победителем завтра, в следующих соревнованиях.

После окончания турнира таблицу результатов заверьте у преподавателя физкультуры или пионервожатого и сдайте в районный комитет по физкультуре и спорту. В турнире новичков все ребята, набравшие половину возможного количества очков, получают четвертый спортивный разряд.

Конкурс Пешкина

Задания Пешкина в № 4 решаются так.

Первое задание: 1. Крf6 g4 2. Крg6 g3 3. h7 g2 4. Крh6.

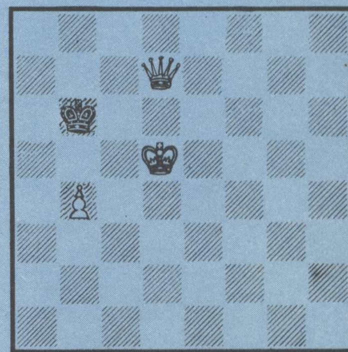
Москвич Игорь Дыхно решил, что последний ход черных—g7—g5, и взял пешку на проходе. Тогда получается мат.

Второе задание: 1. Крh6 2. Кh4 3. Кf3 4. Кe5 5. Кd7 6. Кf8 и так далее.

Большинство участников заочного соревнования успешно справились с заданиями Пешкина. Среди ребят, приславших правильные решения, **Игорь Рязанцев** (Можайск), **Александр Тельнов** (Воронеж), **Володя Федоренко и Миша Лычагин** (Балашиха, Московской области), московские школьники **Коля Брянцев, Юра Яковлев, Алеша Митенков.**

Новое конкурсное задание Пешкина

Как в этом положении белые, начиная игру, дают мат в три хода?

ПЕШКИН ЖДЕТ ВАШИХ РЕШЕНИЙ, РЕБЯТА.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Во всех пионерских лагерях проходят сейчас веселые фестивальные праздники. Хочешь рассказать о таком празднике?

Лучшие рассказы, стихотворения, рисунки мы напечатаем в журнале.